

В. Маченко

33 МАРТА

Декабрь-1957

В. МЕЛЕНТЬЕВ

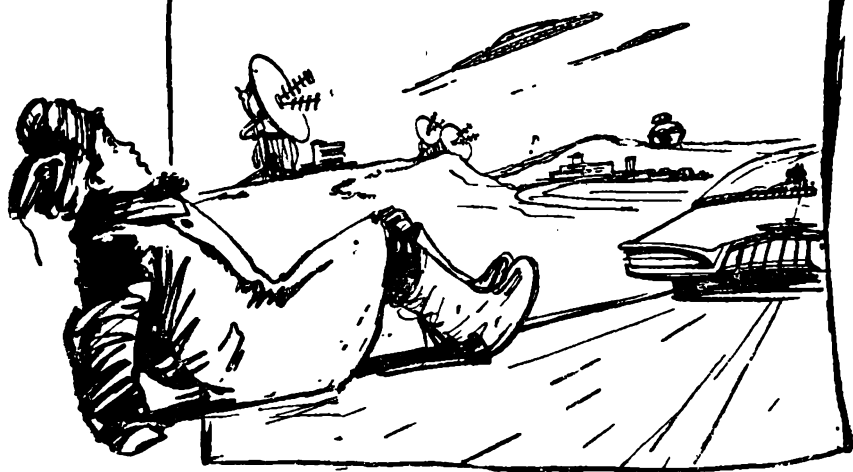
2005
год

33

2005
год

МАРТА

Фантастическая повесть

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1957**

В книге В. Мелентьева «33 марта» рассказывается о приключениях мальчика Васи Голубева, который попал в город будущего, проспав пятьдесят лет в мамонтовой пещере. Как он туда попал, как приручил мамонта Тузика, на котором разъезжал запросто по улицам города, и какие удивительные приключения произошли с Басей и Тузиком, вы узнаете, прочитав эту книгу.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Глава первая
РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Звезды сверкали ослепительно ярко. Окруженные лучистыми венчиками, они казались близкими и теплыми; мороз крепчал, и в воздухе плавал густой колючий туман. Электрические фонари, фары автомобилей, окна домов тускнели и расплывались желтоватыми пятнами. Под ногами свирепо и раскатисто скрипел снег.

Искусно лавируя в путанице тропок, ученик шестого класса средней школы № 3 Вася Голубев то выходил на освещенное фонарем полукружие, то пропадал в тумане. Свернув в сторону, он перепрыгнул через торчащую из-под снега ограду палисадника, пригнулся, отодвинул в сторону

доску забора и перевел дух — перед ним возвышалось четырехэтажное здание средней школы № 21. Вася с тоской посмотрел на такое знакомое, такое родное здание, покопился на пушистые маленькие кедры, которые посадил его пионерский отряд в прошлом году, и побежал вперед.

В теплом вестибюле школы раздался звонок, и почти сейчас же огромное здание наполнилось шумом и громом: в средней школе окончились занятия.

Вася пристроился в уголке около раздевалки, но здесь его заметила худая и вечно злая сторожиха тетя Поля.

Она подозрительно посмотрела на Васю и спросила:

— Опять драться пришел?

Вася вытер нос и решил быть миролюбивым и добрым.

— А зачем мне нужно драться? — очень мягко спросил он.

— Этого я не знаю, — сказала тетя Поля и поджала губы. — Но только как ты здесь появляешься — так сейчас же драка.

— Ну уж «и сейчас же»!.. — протянул польщенный Вася.

— Конечно! В прошлую субботу дрался, в том месяце дрался. Сейчас опять?

— А если они сами лезут?

— Они к тебе в школу не ходят.

— Какая вы странная, тетя Поля! — удивленно сказал Вася. — Вы хотели, чтобы и у нас в школе было такое же безобразие?

— Хорошенькое дело! — воскликнула возмущенная тетя Поля. — Если б ты сюда не ходил, никакого безобразия и не было бы.

Васе Голубеву совсем не нравился этот никчемный разговор, тем более что возле вешалки уже закипали страсти. Мальчишки, стремительно врзаясь в очередь, отталкивали девчонок. Кто-то взвизгивал, кто-то кого-то звал, и никто не стоял на месте. Один только Вася, как привязанный, должен был выслушивать тети Полины наставления. Ему следовало бы тоже врзаться в очередь и свести кое-какие давние счеты со своими бывшими товарищами, а теперь врагами из шестого «Б».

Но тетя Поля заметно повышала голос:

— Чего ты с ними дерешься? Чего вы не поделили?

Было много причин, по которым Вася не хотел ссорить-

ся с тетей Полей, и поэтому он как можно ласковее старался объяснить:

— А что они задаются? Почему так получилось: и для физического кабинета мы все модели делали, и «Умелые руки» все вместе организовывали, а когда нас перевели в женскую школу, они всё себе оставили? Разве это правильно? Почему они нам ничего не отдали? Ведь половину класса перевели? Половину! Значит, должны были половину и отдать. А теперь еще и задаются: «В вашей третьей школе только слюнявчики вышивают!» Вы же, тетя Поля, сами знаете. Разве мы работали хуже, чем они? Разве не мы парты чинили? Разве не я пробки вставлял? Меня за что перевели к девочкам? Говорили: «Вот у Голубева выдумки и фантазии много, он там работу «Умелых рук» наладит». А что получилось? Инструмент весь у себя оставили, материалов ни крошечки не дали. Это — по правилу? Да еще подзуживают: «Иголки с нитками у вас остались — вот и стройте атомные электростанции». А сами — построили? Даже модель высотного здания и ту закончить не смогли! А еще задаются!

Тетя Поля поняла, что попала в затруднительное положение. Она пожевала тонкими губами и, подозрительно заглянув в глаза Васи, неуверенно сказала:

— Все равно драться не резон.

— «Не резон»! Пускай не задаются! Если вы хотите знать, наша школа еще загремит. Еще они к нам на экскурсию будут приходить!

Тетя Поля уже лет десять работала в 21-й (в прошлом мужской) школе. Она была уверена, что лучше этой школы

нет не только в городе, но, наверно, и в области, и поэтому немного обиделась.

— «На экскурсию»! — передразнила она Васю. — Драчунами любоваться?

В это время совсем рядом раздался хорошо известный всем школьникам краткий и выразительный диалог:

— Ты чего?

— А ты чего?

— Да я ничего, а вот ты чего?

— А чего ты лезешь? А то вот как дам...

— Был тут один такой смелый, да его в женскую школу перевели.

Тетя Поля быстро обернулась. Ленька Шатров и Женька Маслов легонько подталкивали друг друга и приподнимались на цыпочки. Вася немедленно воспользовался изменением обстановки и, юркнув в сторону, точным, отлично отработанным двойным приемом — концом пальцев и ладонью — ударил в плечо Женьку и сбил его с ног. Женька Маслов — бывший Васин товарищ по кружку «Умелые руки», а теперь самый отъявленный враг, упал на проходивших школьников. Они оттолкнули его, и Женька, как мячик, стал переходить из рук в руки.

Полюбовавшись этим зрелищем, Вася пропал в общей сутолоке и вскоре протиснулся к самой вешалке.

Смуглый, подтянутый, в очень опрятном форменном костюме подросток пригладил свои черные, зачесанные на пробор волосы, едва заметно улыбнулся и спросил у Васи:

— Пришел?

— Конечно. Слово — закон! — ответил Вася.

— Ладно. Пошли, — тщательно застегивая все пуговицы на пальто, стозвался мальчик.

Они выбрались из толчеи и вышли на улицу. Морозный воздух сразу обжег лица. Ребята подняли воротники теплых пальто и зашагали по затянутым туманом улицам.

Вася первым нарушил молчание и мрачно сказал:

— Завтра или никогда. Понял, Саша?

— Понял.

— Пойдешь? — голос у Васи дрогнул.

Верный товарищ и сосед по квартире Саша Мыльников опять слегка усмехнулся и ответил:

— Я все-таки не совсем понимаю, для чего это нужно?

— Но ты друг?

— Понятно...

— Так неужели ты не понимаешь, что если мы найдем мамонтовый зуб, то к нам будут ходить на экскурсии со всех школ!

— А почему не в музей? — спросил Саша.

— Ну, видишь ли... Ведь с этого мы и начнем создавать свой музей. Школьного музея нет еще ни в одной школе.

— Это ценная мысль, — солидно сказал Саша.

— А ты как думал? — сдерживая гордость, ответил Вася.

— Но я не совсем верю в этот зуб... в то, что нам удастся найти его.

— Ты удивительный человек! — Вася забежал чуть вперед и повернулся к Саше. — Ты никому и ничему не хочешь верить. Ведь сколько раз и твой отец и мой говорили: на старых разрезах, где они выкопали два мамонтовых зуба, остался еще один. Им не хотелось вырубать его из вечной мерзлоты. А мы вырубим! Нам захочется!

— Ну, я понимаю... — Саша остановился. — Ты хочешь, чтобы твоя школа загремела. Но ведь моя школа уже гремит.

— Но ты друг? — остановился Вася, в упор глядя на Сашу.

— Понятно... — уже не так уверенно, как прежде, ответил Саша и задумался.

— Я тебе так скажу! Если мы найдем два мамонтовых зуба, один будет твой, — великодушно и в то же время очень дипломатично сказал Вася. — Так как? Пойдешь со мной?

Саша покосился на него и промолчал.

Конечно, Вася друг, но помогать ему доставать зуб и,

значит, давать ему возможность обставить 21-ю школу — дело не простое. Хотя почему, собственно, там не может быть двух зубов? Ведь известно, что в ледяном панцире вечной мерзлоты, покрывающей огромные северные пространства Сибири, находили не только мамонтовые зубы. На столе у Сашиного отца лежит нож для разрезания бумаги, сделанный из мамонтовых клыков — бивней. Это подарок искусных чукотских косторезов. Почему же в старых разрезах, в которых геологи искали какой-то важный минерал, не может быть не только мамонтовых зубов, но и бивней? И Вася и Саша недаром сыновья геологов — они знают, что необыкновенная сибирская земля хранит в себе еще и не такие тайны.

— Ладно, — сказал Саша и решительно двинулся вперед. — Я пойду. Но с условием: если мы найдем что-нибудь, все пополам. Хорошо?

— А если будет только один зуб?

— Гм... Тогда так. В своем музее ты напишешь: «Найден совместно с пионером двадцать первой школы». Ладно?

Вася долго молчал. Выхода у него не было. До старых разрезов — километров десять. Идти туда одному страшновато. Да и с кем же идти, если не со старым товарищем? Вместе они переезжали из города в город, когда их отцов, работающих в одной геологоразведочной партии, переводили в новый район. Всегда учились в одной школе и сидели на одной парте. И не их вина, что им пришлось расстаться.

Когда мужские и женские школы стали соединять, Сашу оставили, а Васю Голубева перевели. Все, кто знал Васю, не очень удивлялись этому. Он с головой погружался во всякие общественные затеи, был душой совета дружины, отлично рисовал и вечно что-нибудь мастерил: то ультракоротковолновый приемник, то модель паровой машины, то электрическую мясорубку. Понятно, что времени для домашних заданий у него было немного. Но даже и то время, которое все-таки оставалось у него, он использовал для занятий в секции юных боксеров, осваивания лыж, коньков

и особых беговых санок, к которым он приспособил парус и они могли катиться по замерзшей реке, как лодка. Словом, преуспевая почти везде, Вася Голубев получал иногда не только тройки, но и, к своему величайшему удивлению, даже двойки. Как они прорывались в тетради, для него оставалось страшной тайной.

Саша Мыльников был человеком спокойным, уравновешенным и не очень спешил выполнять пионерские задания. Возиться со строительством моделей он не любил и собственных изобретений не имел. Но зато он любил спорт и стихи. Однако это не мешало домашним занятиям, и Саша был одним из лучших учеников класса.

Видимо, за все это Сашу очень уважала Васина мама, и с этим, к сожалению, приходилось считаться, потому что, когда Вася собирался уйти из дому в одиночку, это было одно, но, когда он предупреждал, что уходит с Сашей, — совсем другое. В первом случае мама обязательно читала долгие и нудные наставления и иногда просто не отпускала. А во втором даже слова не говорила.

Понятно, что, если Саша не согласится с Васиным предложением, нечего и думать о походе за мамонтовым зубом: одного мама все равно непустит. Поэтому волею-неволей пришлось соглашаться.

— Хорошо! Напишем: «Найден совместно с пионером двадцать первой школы».

— Александром Мыльниковым?

— Александром Мыльниковым, — покорно согласился Вася, стараясь не очень сердиться.

— Ладно. Я пойду.

— Тогда так. Ты берешь топорик и спички. Я возьму лопату и немного керосину, чтобы разжечь костер и растопить мерзлоту. Нужно взять хлеба и консервов.

— Консервы я возьму, — решил Саша. — У нас есть. Когда собираемся?

— В восемь утра ты зайдешь за мной.

— Почему я — за тобой?

— Ну, видишь ли... мама...

- Ага, ну понятно. Значит, все?
— Все! И будь спокоен — мамонтов зуб у нас будет!
— Конечно, — почему-то не совсем уверенно сказал Саша.

Глава вторая

ПЕЧАЛЬНОЕ НАЧАЛО

Всякую маму надо знать. Свою маму Вася Голубев знал очень хорошо. Когда он сказал, что собирается на дальние разрезы, она возмутилась:

— Это что еще за глупости? Мороз под тридцать, вот-вот начнутся весенние метели, а он собрался в сопки! Никуда я тебя не пущу!

Вася вздохнул, отвел в сторону свои совершенно чистые, безгрешные глаза и сокрушенно сказал:

— Вот всегда так: одному нельзя. Договоришься с Сашкой — опять нельзя. Сиди дома, а все ребята уходят на лыжах.

Он повернулся и пошел к своей кровати, стараясь идти как можно расслабленнее, слегка подрагивая плечами. Могло даже показаться, что он плачет. Мама сейчас же спросила:

— Ты собираешься с Сашей Мыльниковым?

— Конечно!

Мама ушла, и Вася немедленно юркнул в кладовую. Здесь он нашел пустую бутылку, поднатужился и приподнял бидон. Подумав, он опустил бидон, сделал из бумаги вёрстку — такую, какую делали на уроках физики, — и через нее налил керосин. Бутылку он поставил у двери. Потом открыл шкаф, вынул буханку хлеба, отрезал половину и, завернув в газету, тоже положил у двери под старым пальто. Только после этого он прошел за свой столик и раскрыл тетрадь и учебник. В эту минуту вошла мама.

— Ну хорошо, — сказала она уже поспокойней. — Я разрешаю тебе идти на лыжную прогулку, но ты должен

сегодня же сделать все уроки и дать мне честное пионерское слово, что не будешь задерживаться.

Вася был совершенно спокоен — он знал, что иначе быть не может, и поэтому даже не очень обрадовался маминым словам.

— Ты же видишь — я уже учу, — даже как будто недовольно ответил он и добавил: — Честное пионерское, я не буду задерживаться.

Он выучил уроки, приготовил лыжи и рюкзак, проверил одежду: на шубе не хватало пуговицы. Очень хотелось спать, но Вася заставил себя пришить пуговицу: всякий уважающий себя спортсмен, а тем более путешественник обязан уметь все делать сам. Папа всегда говорит: лучше сделать все дома, чем потом мучиться в дороге.

Заснул он гораздо позже обычного и утром едва поднялся. Спросонья пошел зачем-то в кабинет отца, потом вернулся и едва сообразил, что и как нужно надеть.

Вася умылся, и постепенно сон стал проходить. Он позавтракал, положил в рюкзак приготовленный матерью бутерброд, надел шубу. Едва часы пробили восемь, в дверь постучали, и в коридор вошел снаряженный в дальнюю экспедицию Саша Мыльников.

Опасаясь, как бы мама не передумала, Вася юркнул за дверь, но сейчас же вспомнил, что керосин и хлеб он забыл. Саша насмешливо выслушал товарища.

— Растеряха! Подожди.

Он спокойно вошел в коридор, взял из-под пальто бутылку и хлеб и вышел.

— Тоже мне, придумал — прятать хлеб рядом с керосином! Никогда как следует не подумаешь! Ты и по алгебре поэтому отстаешь — не умеешь думать.

На улицах еще горели фонари, но туман исчезал. На востоке небо уже тронул рассвет, и оно чуть-чуть зазеленело. Ветер обжигал морозом лица. По снегу прокатился язычок поэмки.

Мальчики стали на лыжи и быстро, по уже проложенным лыжняам, прошли еще пустынные улицы города. Спра-

ва остались сияющие в темноте корпуса рудника и обогатительной фабрики. Слева холодным синеватым светом лучились скаты стеклянной крыши — огромной теплицы. К ней от фабрики тянулся теплопровод. Снег над ним таял, и темная земля курчавилась легким парком, кое-где виднелись темно-зеленые стрелки травы. Теплица освещалась лампами дневного света — под ними овощи вызревали быстрее.

В небе прошумел самолет, а рядом на шоссе, вдоль которого высились мачты высоковольтной передачи, метались снопы света — в тайгу шли машины.

За шоссе начался подъем, потом спуск — и снова подъем. Мальчики шли молча. Плечи побаливали — рюкзаки тяжелели. Лыжня пропала, и пришлось остановиться. Саша осмотрелся и сказал:

— По-моему, мы взяли левее.

— Почему ты так думаешь?

— Когда я ездил к папе, сопка была левее нас, а теперь она правее.

Они осмотрелись уже внимательней, и Вася предложил сориентироваться по Полярной звезде. Но ни ковшика Большой Медведицы, ни обычно яркой, голубоватой Полярной звезды не было. И тут только ребята заметили, что небо потемнело и стало низким, ветер налетал чаще и злее, вокруг как будто все помрачнело. На сердце стало тревожно. Вася поежился и согласился, что они действительно, кажется, взяли левее.

Мальчики свернули в сторону и вскоре начали новый подъем. Ветер трепал лыжников по-настоящему. По снегу неслась поземка, и седые космы ее то и дело пересекали лыжню. Ребята упрямо шли вперед, на ходу поправляя съезжающие рюкзаки.

Почти на самом перевале небо стало светлеть. Даль прояснилась, показались темная стена тайги и увалы сопки, у подножия которых геологи нашли мамонтовый зуб. К этим сопкам вело широкое и совершенно ровное плоскогорье. На нем не было ни бугорка, ни впадинки, как на

простыне, которую тщательно выгладили огромным и тяжелым утюгом...

Перед спуском на плоскогорье ребята остановились, поправили рюкзаки и проверили лыжные крепления. Вася долго любовался равниной, дальней грядой темных сопок и наконец сказал:

— А ты знаешь, Саша, когда смотришь отсюда, сверху, начинаешь верить, что в наших местах действительно когда-то путешествовали ледники. Ведь это, конечно, они сдвигали равнину?

— Какую еще равнину? — покровительственно спросил Саша. — Это называется распадок.

— Ну, в географии распадка ты не найдешь, — возразил Вася. — Это равнина, выглаженная ледником. Он спустился вон с тех гор, но наткнулся здесь на гряду сопки и повернул чуть на юг. И потом уж пополз дальше.

— Как ты легко делаешь открытия! — заметил Саша. — Такие сопки, как эти, — ледникам не препятствие. Ты знаешь, что их толщина достигала нескольких километров? Они всё сметали на своем пути. А ты — сопки!

— Ну и что ж? Все равно сопки могли помешать им. А почему же эта равнина такая ровная? Конечно, ее протаранили и выутюжили ледники.

Саша промолчал. Он не любил признавать себя побежденным. А Вася продолжал:

— Видишь, ты какой — не знаешь, а говоришь. Вот потому в наших местах и осталась вечная мерзлота, что здесь очень долго ползали ледники.

— Эх ты, открыватель! — протянул Саша. — Разве ледники в этом виноваты? А ты знаешь, что еще никто настоящему не знает, почему образовалась эта самая мерзлота? Ты знаешь, что целая четверть земного шара покрыта вечной мерзлотой? И что кое-где она то возникает, то пропадает? В одних местах держится год или два, а в других — тысячелетия? Ну, ты это знаешь?

Вася этого не знал.

— Молчишь? Учиться надо, а ты вечно со всякими затеями лезешь! — назидательно сказал Саша.

Вася невольно посмотрел на него, чтобы не ошибиться: ему показалось, что говорит это не Саша, а мама или классная руководительница. Но так наставительно, скучно и сварливо говорил именно Саша — вечный отличник, совершенно правильный парень, который никогда не ошибается и которому всегда все верят. И это почему-то обидело Васю. Он посопел, потер свой слегка вздернутый, в робких веснушках нос и сердито сказал:

— Ты все выучил! За вечную мерзлоту ставлю вечную пятерку. Но только ты тоже многого не знаешь.

— Чего же я не знаю? — еще не решив, обижаться или принять похвалу как должное, спросил Саша.

— А вот чего ты не знаешь! Мы за чем идем? За мамонтовым зубом. А какое животное мамонт? Ледниковое. Растаяли ледники — исчезли и мамонты. Значит, жили они только там, где были ледники.

— Это еще не доказано, — неуверенно возразил Саша.

— «Не доказано»! Ты вот не знаешь, что у нас найдено тридцать целеньких, замерзших в ледниках мамонтов.

— Ну, уж и тридцать! Так сразу целую мамонтовую ферму и нашли? Ты еще скажи, что их доисторические люди разводили.

— Ты не смейся. Доисторические люди мамонтов не разводили. Нашли их у нас именно в тех местах, где когда-то были ледники, а на их месте образовалась вечная мерзлота.

— Ну вот! То в ледниках нашли, то в вечной мерзлоте. Тебя никак не поймешь.

— Ты не придирайся. Были ледники, а стала вечная мерзлота.

— Ну вот мы с тобой тоже идем над вечной мерзлотой — так что ж, по-твоему, и здесь можно найти замерзшего мамонта?

— А почему нельзя? Ну почему? Ведь зубы мамонто-

вые находят? А почему не мог здесь какой-нибудь мамонт замерзнуть?

Теперь пришла очередь сопеть Саше. Он потерял свой прямой нос, покривил красивые яркие губы, пытаясь улыбнуться как можно независимей, но ответить на Васиные «почему» не мог. Вася это сразу понял и решил закрепить свою победу.

— Так что ты не задавайся своими пятерками! — хитро улыбнулся он. — И давай не спорить. Поехали!

Он оттолкнулся палками и помчался вниз, наискось пересекая склон сопки. Лыжи неслись все быстрее и быстрее, но встречного ветра Вася почти не чувствовал, потому что ему в бок бил все крепнущий юго-восточный ветер.

Вася лихо мчался точно на север. Изредка ему приходилось объезжать снежные наметы и гольцы — большие камни, выступающие на поверхности сопки, исковерканные северными ветрами низкорослые деревца и кусты удивительного растения — багульника. Он растет только на северных и восточных склонах сопки и начинает цвести в любое время, лишь бы была вода и тепло. С лыжных прогулок ребята обязательно привозили домой охапки промерзших, хрупких прутьев багульника и ставили их в воду. Через неделю на прутьях набухали почки, а еще через неделю, обычно ночью, багульникова метла превращалась в пышный, точно окутанный ласковым туманом розовато-фиолетовый букет. Недаром эвенки называют багульник солнечным цветком. Он встречает северное раннее солнце и купается в первых его лучах, а потом, заслоненный с юга склонами сопки и гор, пылает своими красивыми, как утренняя заря, цветами в прохладной и влажной тени.

Чуть не наткнувшись на куст такого багульника, Вася резко наклонился, сжался в комок и, вздымая лыжами вихри снега, промчался мимо. Он даже вспотел от неожиданного напряжения, но, сознавая, что искусно избежал опасности, улыбнулся.

Вдруг он почувствовал, что лыжи потеряли опору и он

несется куда-то вниз. На лицо, за воротник и даже за отвороты варежек посыпался колючий, холодный снег. Наконец Вася стукнулся обо что-то твердое, угловатое, услышал треск сломанных лыж и палок и упал на бок. Он попытался еще встать, но левую ногу пронзила острая боль, и он присел. Его лихорадило, во рту пересохло от страха и неожиданности. Понимая, что он провалился в какую-то яму и повредил ногу, Вася испугался всерьез: теперь-то наверняка ему попадет от матери, а Сашка, конечно, воспользуется его беспомощностью, и мамонтовый зуб окажется в 21-й школе.

Глава третья

В Я М Е

Вася барахтался в снегу на дне ямы, куда он попал, всего несколько секунд, но ему показалось, что прошло много времени. Вася очень спешил освободиться от рюкзака и лыжных обломков. Наконец ему удалось с трудом встать на ноги.

— Нужно думать логически. Не надо спешить, — стараясь успокоиться, шептал Вася.

«Думать логически» — любимое отцовское выражение. Рассказывая о своих приключениях во время скитаний с поисковыми партиями на Севере, самые интересные места он начинал так: «Тогда я решил успокоиться и думать логически».

Оказывается, если человек умеет думать логически, то он обязательно найдет выход из любого, самого трудного положения. По крайней мере, отец всегда находил и всегда оказывался победителем.

Вася осмотрелся. Вверху, метрах в двух — трех над Васиной головой, в нависшем над ямой сугробе, виднелось отверстие. Через него лился неверный утренний свет, едва освещающий просторную, с выщербленными стенами пещеру. Пахло сыростью, тленом и чем-то очень

странным — как будто бы паленой шерстью.

Когда глаза привыкли к темноте, Вася разглядел в стенах пещеры прослойки льда, следы кирки, черные пятна сажи. Видно, когда-то золотоискатели жгли здесь костры, стараясь растопить вечную мерзлоту. Но порода оказалась неподходящей — бедной золотом, и они бросили эту глубокую яму-шурф. Яму занесло снегом, и вот Вася провалился в нее, как в западню.

Вверху зашуршали лыжи и раздался сдавленный от волнения Сашин голос.

— Вася! Вася Голубев! — кричал Саша, как будто на этой заснеженной сопке бегало с десятков Вась и среди них только один — Голубев.

— Здесь я, — нехотя откликнулся Вася, но, подумав, что Саша не услышит его и уедет дальше, испугался и закричал: — Саша! Саша! Я здесь! Я провалился...

Серенькое небо загорела Сашина голова. Когда он убедился, что Вася жив и почти невредим, он рассердился:

— Обязательно с каким-нибудь приключением! Ну как тебя угораздило?

— Ладно, брось, — мрачно ответил Вася. — Помоги лучше выбраться.

Обсудив положение, решили, что двух связанных за ремни лыжных палок будет вполне достаточно, для того чтобы с их помощью выкарабкаться из ямы. Но при первой же попытке ремни оборвались, и Вася грохнулся на больную ногу. Саша связал палки поясным ремнем. Дело пошло лучше. Вася поднялся на полметра, но дело застопорилось. Саша решил помочь и потащил палки на себя, поскользнулся и, сам чуть не угодив в яму, обрушил кучу снега. Вася долго отряхивался, а когда поднял голову, то увидел, что отверстие сверху стало побольше.

Палки связали снова, и Вася дотянулся почти до половины ямы. Саша кричал, сопел и помогал сам себе, приговаривая:

— Так... Еще разочек... Еще... Так...

Оставалось всего несколько сантиметров — и одна палка оказалась бы на поверхности, а половина Васиного пути пройдена. Но Саша слишком увлекся, перехватил палку и приналег на нее, как на рычаг. Палка не выдержала. Раздался треск, и Вася опять кубарем полетел вниз.

Неудача и усталость подействовали на обоих удручающе. Они сидели молча — один наверху, другой внизу — и ничего не могли придумать.

— Остается одно, — несмело сказал Саша: — идти за помощью.

— Нет! Ни в коем случае! — испугался Вася.

Это значило, что все узнают о его тайне, о его неудаче. Но это еще куда ни шло... А вот если узнает мама... Нет, надо попробовать еще раз.

Они пробовали несколько раз, пока Вася в сердцах не крикнул:

— Чего ты все время снег сыплешь? И так за воротом полно.

— Ты знаешь, Вася... знаешь, — дрогнувшим голосом ответил Саша, — кажется, начинается метель.

Они опять замолчали. Вася посмотрел вверх. Над ним

неслись снежинки. Края ямы как будто сблизились, отверстие стало меньше — снег заметал ее. Дело принимало серьезный оборот, и он решил:

— Ладно, спеши домой. Успеешь?

— Постараюсь, — несмело ответил Саша. — Мы слишком долго возились.

— Все равно нужно спешить.

— Хорошо... Но у меня всего одна палка. Ты это учитывай.

— Ладно. Но ты спеши! И, слушай, оставь мне консервы.

— Да. И топорик. Ты пока что подруби стенки ступеньками. Будет легче вылезать.

— Об этом нужно было думать раньше! — вскипел Вася. — Пятерочник несчастный! Тебе бы только стишки писать... А я вот сиди! Если бы мы сразу подрубили стенки, я бы уже выкарабкался.

— Почему же ты об этом не подумал?

— Ведь топорик-то у тебя...

Саша вздохнул и извиняющимся, примирительным тоном сказал:

— Ну, я пойду... Ты тут не очень волнуйся. Хорошо?

Вася не ответил. Хотя будущее не сулило ему ничего приятного, он решил быть твердым, смелым и стойким.

В яме было холодно и пахло чем-то паленым. Вася поел мороженого хлеба с мороженой колбасой — бутерброды уже успели промерзнуть, консервы он поленился открыть — и заел обед сыпучим, колющимся снегом.

— Рассуждая логически, — вздохнул Вася, — на Северном полюсе и то живут лучше. Там у них и палатки, и радио, даже артисты в гости приезжают. И, потом, спальные мешки. Залезешь в них — и спи при любом морозе.

Он выбрал местечко в уголке, свернулся клубочком, подложил под голову рюкзак и решил немного отдохнуть.

Метель завывала сильнее, а дыра темнела и темнела. Снег через нее сыпался реже, и наконец все стихло — метель снова затянула сугробом яму-шурф. Но Вася этого не

заметил, как и не вспомнил, что не посоветовал Саше отметить яму снаружи — ведь метель могла замести лыжни. Он не думал об этом, потому что спал.

Очень плохо ложиться спать поздно, даже готовясь к поискам мамонтового зуба.

Глава четвертая

ТУЗИК

Первое, что услышал Вася Голубев, был рев. То жалобный, то злобный, то умоляющий. Трубный, необычайно громкий рев.

Потом Вася почувствовал, что земля колыхнется и на лицо сыплются влажные комочки и что вокруг очень тепло, даже жарко; вспотевшее тело сковано такой удивительной истомой, что, кажется, не то что пошевелиться, а даже открыть глаза и то не хватит сил. Оценив все эти ощущения, вспомнив, что там, наверху, над ямой началась метель, он с ужасом подумал: «Замерзаю». Ведь все замерзающие обязательно согревались перед смертью, страшно хотели спать и не могли даже открыть глаз. Об этом он читал много раз.

Но Вася не хотел замерзать. Он собрал все свое мужество, всю силу воли и, стиснув зубы так, что один, коренной, зуб с дуплом даже заныл, заставил себя открыть глаза и попытался подняться.

Глаза открылись с трудом, как будто ресницы были склеены чем-то липким, тягучим. А когда он все-таки открыл их, то прежде всего удивился. Над ним было подернутое дымкой высокое небо. Края ямы-шурфа осели. Она казалась теперь не такой уж глубокой. И нигде — ни в небе, ни на краях ямы, ни в самой яме — никаких признаков снега, или изморози, или хотя бы спутников вечной мерзлоты — ледяных прожилок в стенах.

Стены ямы высохли, на краях росла трава, кусты ба-

гульника, и вниз заглядывали пушистые, как гусята, сероватые цветы — махровики. В яму все время врывался сухой, будто от утюга горячий воздух. С каждым дуновением этого необычайного ветерка Вася ощущал, что в нем крепнут силы.

В это время над ним опять раздался отчаянный рев, и та стена, к которой он лежал прислонившись головой, закачалась. На лицо упала оттаявшая земля. Вася оглянулся и увидел, что справа, в самом углу, топчется огромная, как бревно, волосатая, с косяными наростами на ступне, определенно живая нога. Не помня себя Вася вскочил и отпрыгнул в противоположный конец ямы. Это спасло его, потому что почти сейчас же над ним метнулась темная змея. Прыжок отнял последние силы. Ноги подкашивались, в горле пересохло, сердце стучало медленно и глухо. Вася не выдержал и присел.

Он рассматривал стену, у которой ложился спать, и удивлялся все больше и больше.

Перед ним стоял удивительный, мохнатый слон. Вернее, не весь слон, а только одна его половинка, как у расклеившегося картонного елочного слоненка. Вторая половина и спина скрывались в толще еще не оттаявшей реч-

ной мерзлоты, которая открылась после того, как со стены ямы-шурфа отвалился слой влажной, холодной земли.

Живая половинка слона, которую Вася скачала принял за стену, была не только огромна, но еще и беспокойна. Задняя нога все время ворочалась, бок, поросший густой бурой шерстью, от которой и сейчас все еще пахло паленым, тяжело вздымался. Черный морщинистый хобот то взлетал вверх и становился торчком, то бессильно падал на желтоватый сломанный клык. Даже четырехклассник мог бы сразу определить, что перед Васей стоял оживший, но все еще скованный вечной мерзлотой доисторический житель ледникового периода — мохнатый мамонт.

Разглядывая своего соседа, Вася увидел маленький, свирепо ворочающийся сизовато-карий глаз. Он неотрывно следил за Васей, но вдруг померк и из него скатилась большая желтая слеза. Она скользнула по ресничкам и повисла на грубых волосах. Мамонт плакал. Он опять поднял хобот и затрубил — жалобно, призывно, точно жалуясь на свою удивительную судьбу или выпрашивая помощи и защиты. Васе стало очень жалко этого оттаявшего, ожившего гиганта, который, оказывается, делил с ним все беды плена в холодной яме-шурфе.

Мальчик хотел было подойти к мамонту, погладить его, успокоить, но потом решил, что спешить с этим не следует. В школе № 3 еще не проходили мамонтов и правил обращения с ними. Можно было ошибиться.

Слабость постепенно исчезала. Захотелось есть. Да так, что даже под ложечкой засосало. Вася осмотрелся и увидел сломанные лыжи и палки, свою лопатку и Сашин топорик, тускло поблескивающую банку консервов. Осторожно, чтобы не попасть под мамонтов хобот, мальчик собрал свое имущество и сломанной лыжей подтащил рюкзак: в нем должен быть хлеб.

Но вместо хлеба в рюкзаке были какие-то мокрые, серые крошки, слегка пахнущие керосином, потому что, хотя бутылка была цела, пробка в ней испортилась.

Все еще ничего не понимая, но уже догадываясь, что с ним произошло что-то невероятное, Вася покорно вздохнул, вскрыл покрытую пятнышками ржавчины консервную банку и стал есть. Консервы были вкусные, слегка солоноватые, и пахло от них так, словно их только что принесли из магазина. Это успокоило Васю, но он все-таки с горечью вспомнил:

«На Новой Земле нашли консервы, которые пролежали на зимовке почти пятьдесят лет...»

Мысль эта не только не успокоила его, а наоборот — ему стало грустно, и он пожалел себя. Почему именно с ним вечно случаются самые неприятные вещи? То переведут в женскую школу, то никуда не пускают, то вот попал в такую передрагу, что и сам не разберешь, что же все-таки случилось. Вася вздохнул еще горше и понял, что даже хорошие консервы без хлеба — не очень приятное кушанье. Удивительное дело, когда он обедал дома, мама вечно покрикивала на него:

«Опять без хлеба? Возьми же хлеба, Вася. Ну как можно есть без хлеба?»

Тогда Вася обижался, и хлеб для него был одной сплошной неприятностью. А сейчас... Дорого бы он дал за кусочек хлеба! Да что там — хлеба! Просто за сухарь.

Притихший мамонт шумно вздохнул и пошевелил хоботом. Его диковатый глаз неотрывно следил за жующим Васей. По толстым, как щетина, волосам опять поползла желтоватая слеза. И потому что Васе было очень жалко самого себя, он пожалел и мамонта.

— Бедный... Тузик, — невольно сказал он и даже улыбнулся: собачья кличка так не шла к этому волосатому великану, попавшему в плен вечной мерзлоты. — А ведь и ты, наверно, есть хочешь!

Консервы придали Васе силы, и он, разыскав топорик и лопатку, без труда сделал в оплывшей, мягкой стене ямы ступеньки и вылез на поверхность. Мамонт проводил его взглядом, поднял хобот и затрубил — кажется, из последних сил — жалобно и призывно.

НЕБЛАГОДАРНАЯ СКОТНИНА

По всем правилам, нужно было немедленно возвращаться домой, чтобы узнать, что же с ним случилось. Пусть будет нагоняй, даже наказание, но зато он узнает, что же с ним произошло. Да и мама перестанет волноваться. Но мамонт трубил так жалобно, что оставлять его в беде показалось Васе нечестным, непионерским поступком. Нужно было помочь ему вырваться из плена. Вспоминая о доме, о товарищах и, конечно, о теперешней своей 3-й школе и о своей бывшей 21-й, Вася подумал, что было бы очень здорово вытащить мамонта и привести его в теперешнюю свою школу. Это не то что зуб. Это живой мамонт! Вот уж тогда в 3-ю школу повалят экскурсии, пожалуй, не только со всего города! Вот уж тогда 3-я школа прогремит!..

Пока Вася мечтал, он все-таки осматривался по сторонам, и его мечты постепенно потухали. Кусты багульника уже явно отцвели — на них вовсю разрослись листья. Травы стояли густые, темно-зеленые. В хмурсм небе чирикали пичужки и даже как будто звенел жаворонок, хотя Вася твердо знал, что вокруг их городка никогда не бывало жаворонков. Внизу, у самого подножия сопки, на которой стоял Вася, подпрыгивала на камнях река, а весь распадок переливался на теплом ветру, как зеленая вода: он был засеян пшеницей.

На далеких сопках, на тех самых, на которых был обнаружен мамонтов зуб, высились какие-то строения и не то их крыши, не то огромные зеркала на них все время поблескивали. Именно оттуда непрерывным потоком, ровным и спокойным, тек теплый, сухой воздух, но с таким привкусом, какой бывает только после грозы.

«Почему же теплый ветер дует с севера?» — удивился Вася, но сейчас же подумал о другом: сколько же времени он спал в яме?

Понятно, что сейчас начало лета или конец весны. А он ходил на лыжах в марте. Значит... значит, он проспал не

меньше чем три месяца! Это смутило Васю, но он подумал, что бывали же случаи, когда люди спали летаргическим сном даже несколько лет, а не то что месяцев.

«Вот и будут меня дразнить теперь: спящая красавица из женской школы!»

Но он отмахнулся от этой мысли.

— Надо рассуждать логически, — сказал он вслух. — Когда я провалился, началась метель. Саша мог заблудиться, или меня занесло снегом. Поискали, искали и решили, что я замерз. Значит, дома меня не ждут. А если Саша заблудился и не вернулся домой? Значит, нас обоих считают погибшими? Значит, я мертвый?!. Но если я спал столько времени на морозе, я должен был замерзнуть. Я не мог не замерзнуть. Но как же я оттаял? Странно! Как это могло случиться?

Конечно, он знал, что, например, лягушку можно оживить даже через несколько лет после того, как она была заморожена. Он читал, что в медицинских клиниках научились оживлять людей через несколько часов после того, как они умерли. Да что там — в клиниках! Взять утопленников. Ведь их оживляют уже после того, как они и поспеют, и похолодеют, и сердце у них вовсе не бьется. А замерзших людей? Всякий житель Севера обязательно расскажет, как приводили в чувство людей, которые провели в сугробах по несколько дней без всякого сознания.

Все было правильно, все свидетельствовало о том, что Вася вышел из ямы на вполне законных, строго научных основаниях, и все-таки...

Все-таки человек оживал через несколько часов... ну дней, но уж не месяцев. Оставалась только лягушка. Она одна оживлялась и через несколько лет. Вот и будут дразнить так:

Лягушонок в тине
Болен скарлатиной.
Прилетел к нему грач
И сказал: «Я врач.
Полезай ко мне в рот —
И все пройдет».

В сущности, очень глупые стишки, но когда Сашка появился в школе, переболев скарлатиной, то Вася долгое время дразнил его этими стишками, а Сашка очень сердился. Да и неизвестно еще, какие ехидные стишки сочинит Сашка про Васю, когда он возвратится домой...

Нужно было как следует подумать, прежде чем бежать домой. Кто и как его встретит?

Отец и мать, конечно, обрадуются, что он остался жив, и если будут ругать, так только через некоторое время. Беда в том, что уж теперь его, конечно, не будут отпускать на лыжные прогулки по крайней мере года два или три. Это неприятно, но в конце концов можно будет что-нибудь придумать. А вот ребята... Они вначале будут удивляться и даже, может быть, позавидуют, а потом обязательно припомнят ему, как он не то замерз, не то заснул. Этого не забудут. В этом случае выручить могло только что-то особое, поражающее.

И этим особым, поражающим, конечно, был мамонт, который уже не трубил, а только сипел своим бессильно опущенным хоботом.

В спасении мамонта Вася увидел и собственное спасение. Он испугался, что мамонт так и не выберется из вечной мерзлоты, в которую вмерз его правый бок и большая часть туловища.

«А вдруг мамонт возьмет и умрет?» — заволновался Вася.

Он присел перед мамонтом на корточки:

— Что тебе сейчас больше всего нужно? Может, ты есть хочешь?

Хобот мамонта упал почти к самым ногам Васи и, сдувая пыль, жадно тянулся к траве. Глаз мамонта стал еще темнее, и на нем опять показалась слеза.

— Ясно, — сказал Вася, — ты хочешь есть! Но что ты ешь? В нашей школе не проходили кормления даже домашних животных, а не то что мамонта.

В самом деле, окажись сейчас перед Васей не мамонт, а, например, корова, овца или свинья, он не знал бы тол-

ком, как и чем их нужно кормить. И Вася в первый раз пожалел о том, что они не проходили этого в школе.

Но жалей не жалей, а кормить животное нужно. И не только кормить: нужно еще и приручать. Это было просто удивительно! Тринадцатилетний пионер, ученик шестого класса, вдруг оказался в положении доисторического человека, который никогда не приручал животных, а значит, и не знал, как их кормить.

Положение было трудное, но не безнадежное.

Мамонт тянулся к траве. Значит, ему нужна растительная пища. Известно, что животных приручают прежде всего с помощью пищи и хорошего обращения. И если оно правильно себя ведет, его поощряют лишней порцией самого вкусного корма.

Вася по-хозяйски огляделся вокруг и решил, что самым вкусным кормом будет, конечно, молодая пшеница. Разработав план действия, Вася достал со дна ямы все свое имущество — лопатку, топорик, рюкзак с бутылкой керосина, спички и даже обломки палок и лыж. Все могло пригодиться. Потом он снял шубу и шапку, о камень наточил лопатку и топор и начал прежде всего рубить кустики багульника. Первую охапку он положил правее мамонта и строго сказал:

— Тузик, право!

Мамонт жадно потянулся к веткам и отправил их в почти белый, бескровный рот. Ветки захрустели, и Вася, положив на прежнее место новую порцию кустиков, подошел к самому мамонтову уху и несколько раз прокричал:

— Тузик, право! Тузик, право!

Тузик покосился на него и повернул хобот направо, туда, где лежали ветви.

Потом Вася клал ветви слева и кричал: «Тузик, лево!» Потом он сбегал на поле и, перебравшись через реку и начерпав полные валенки воды, положил по снопу пшеницы и справа и слева мамонта и стал кричать:

— Тузик, право! Тузик, лево!

Мамонт оказался из понятливых и если вначале тя-

нулся хоботом не попад, то потом, когда Вася, осмелев, руками поправил хобот, Тузик свыкся и стал брать пшеницу из той кучи, из которой ему приказывал Вася. Когда урок был почти усвоен, мамонт вдруг перестал слушаться Васю и стал тереться хоботом о его мокрые валенки.

— Да ты, брат, пить хочешь! Ну-с, будем рассуждать логически. Посуды у меня нет. Как же я тебя напою?

Взвесив все свои возможности, Вася выложил остатки консервов прямо на шубу, снял с себя нижнюю теплую рубашку — благо ему становилось все жарче, — взял шапку и рюкзак. Справа, слева и перед самым мамонтом он выкопал три ямки и вымазал их мокрой глиной из шурфа. На реке он набрал воду в банку, в шапку-ушанку, в валенки и намочил рубашку. Банку и шапку он нес в левой руке, а все остальное положил в наполненный водой рюкзак и побежал к мамонту, оставляя за собой мокрую дорожку.

Вылив воду из валенок и шапки, выжав рубашку и рюкзак, он наполнил две ямки и опять занялся дрессировкой. Раз пятнадцать он бегал к реке и за кормом. Мамонт был похож на паровоз: сколько ему ни дай, все съедал; сколько ни таскай воды, все выпивал. Но, видно, «горючее» укрепляло его, и он быстро разводил пары — стал шевелиться, подпрыгивая свободной задней ногой. Но остатки вечной мерзлоты держали его крепко.

Вася так устал, что ему уже не хотелось ни дрессировать, ни бегать. Он присел на шубу, рассеянно доел консервы, сходил к реке, напился воды и, разложив мокрые вещи сушиться, задумался. Через полчаса он поднялся и стал рыть возле мамонта канаву. Оттаивающий грунт поддавался его усилиям, но мешали камни. Вася так увлекся работой, что вначале даже не заметил, что мамонт все время пытается поймать его хоботом. Наконец Тузик ухватил Васю за штаны и легонько потянул на себя.

— Брось! Перестань! Не смей! — закричал Вася и замахал руками.

Мамонт отпустил Васиные штаны, и Васе показалось, что Тузик чуть усмехнулся одним глазом. Впрочем, это

ведь могло только показаться — он еще никогда не видел, как мамонты усмежаются. Вася внимательно посмотрел на Тузика, на его хобот, и тут только заметил, что прорытая им траншея очищена от камней и гальки.

Тузик работал! Он сам пришел на помощь Васе, и мальчик до того растрогался понятливостью доисторического пленника, что не выдержал, смело подошел к нему и погладил мамонта по шершавому, в жестких волосиках, хоботу. Тузик тихонько хрюкнул, как поросенок, которому почесали брюшко, и заморгал глазом.

С этой минуты освобождение Тузика пошло быстро. Вася отламывал лопатой куски породы, отковыривал гальку и подсовывал ее под хобот Тузику. Тот отбрасывал породу в сторону. Когда удалось освободить его голову и шею, галька полетела во все стороны. Время от времени мамонт напрягал все свои мускулы, шевелился, и порода сама сваливалась в канавку.

После нескольких часов работы Тузик как-то удивительно крикнул, напрягся особенно сильно и вдруг стал выбираться из ямы. Совершенно обессиленный, Вася сел на траву. Мамонт встал на склоне сопки, дрожа всем телом, затрубил — победно и радостно. Потом, тяжело топая, побежал по берегу реки. Вася чуть не заплакал от обиды: какая же неблагодарная скотина! Столько возиться с ней, освобождать из плена, кормить, а она взяла и убежала.

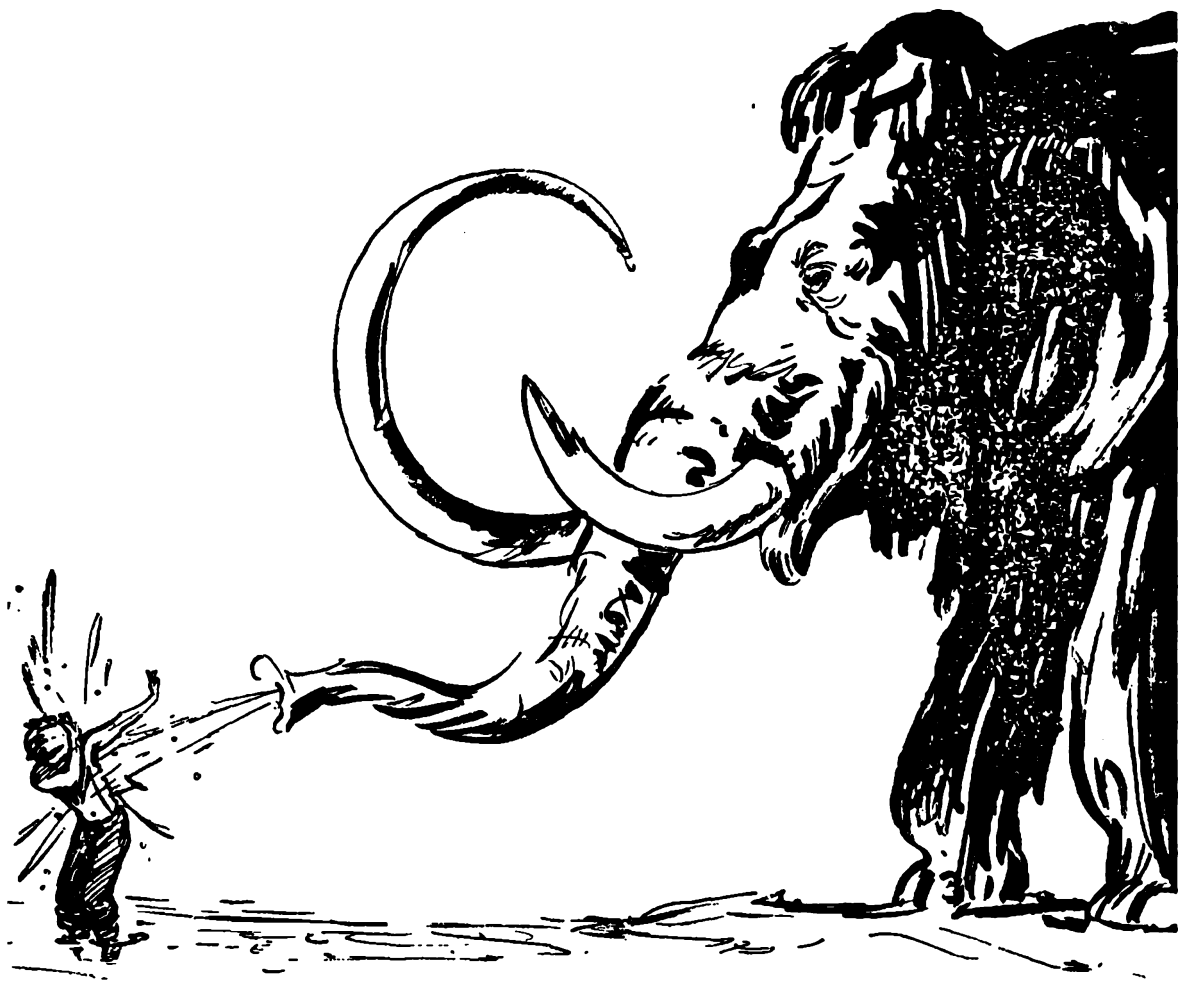
— Вот уж действительно доисторическая скотина!

Едва сдерживаясь, чтобы не заплакать от усталости и обиды, Вася отвернулся и ничком лег на траву.

Глава шестая

НАЧАЛО ДРУЖБЫ

Вася не то спал, не то дремал, не то просто лежал без мыслей — усталость и огорчения утомили его. Когда он очнулся, весеннее северное солнце висело над дальней гря-

дой сопки, над странными строениями. Он подумал, что успел проспать всю ночь. Правда, ночи в это время года здесь такие короткие, что и заснуть не успеешь. Это даже не ночь, а зеленоватые, прохладные сумерки с одинокими робкими звездами на бледном небе.

Но даже утром Васл не чувствовал холода. Все так же с севера тянул ровный теплый ветерок, напоенный каким-

то особым, очень знакомым запахом, как будто где-то рядом пронеслась бурная гроза. Согревая, этот ветерок укреплял силы. Вася потянулся и встал. Рядом поднялась огромная волосатая голова.

Мамонт, оказывается, не убежал. Он вернулся и спал рядом с Васей совсем как собачонка. Недаром Вася назвал его Тузиком. Он, кажется, будет настоящим другом. Вася подошел к Тузику и смело потрепал его за лохматое ухо. Мамонт шумно вздохнул, прищурил глаза и едва заметно зашевелил хоботом.

— Но-но! Не балуй! — крикнул Вася и на всякий случай отошел подальше — кто его знает, что замышляет этот доисторический житель.

Мальчик подошел к реке. Здесь он снял рубашку, размялся и стал умываться по пояс освежающей водой. Он кряхтел, сладко охал и подпрыгивал, когда капельки воды скатывались по спине. Вася

почти кончил умываться, как вдруг на него обрушилась волна. Он чуть не захлебнулся и, отплевываясь, отскочил в сторону. Рядом стоял мамонт и, хитро щуря маленькие глазки, набирал хоботом воду. Вася от неожиданности не понял, откуда на него свалилась волна, и смотрел то на Тузика, то на небо. Мамонт поднял хобот, надул бока, и на Васю опять полилась могучая прохладная струя воды.

— Брось! Хватит! — закричал Вася и замахал руками. — Как тебе не стыдно! Нашел время обливаться!

Тузик опять опустил хобот в реку. Вася со злости схватил хворостину и хлестнул ею мамонта, даже не подумав, что животное не почувствует этого удара.

Но Тузик вдруг смешно подпрыгнул, мотнул лопухой головой, как щенок, задумавший поиграть, и бросился в реку. Вася опять замахнулся на него, и мамонт рванулся в сторону. Игра незаметно захватила Васю. Он бегал по берегу, замахиваясь на Тузика, а мамонт, то замирая на месте, то бросаясь в сторону, увертывался от его ударов, смешно помахивая тонким, беспомощным хвостиком с метелочкой на конце. Если Вася застревал в грязи, Тузик успевал окатить его с ног до головы водой и снова бросался в сторону.

Наконец играть надоело. Вася снял брюки и белье, разложил их на траве и, погрозив мамонту кулаком, сказал:

— Ладно, хватит! Иди сюда. Будем сушиться.

Довольно посапывая, Тузик подошел и стал топтаться на месте, раскачивая грязно-бурой головой с беспомощно поникшим хоботом и обломанным клыком. Вся его туша была покрыта густой, въедливой грязью. Вода, стекая, не смывала эту еще доисторическую грязь.

Вася посмотрел на Тузика и подумал, что нужно было бы почистить его как следует. Вася сделал несколько прочных метелок из кустарника, потом подошел к мамонту, ласково похлопал его по боку и начал сдирать грязь метелкой.

Вначале Тузик не обращал внимания на Васю, но потом перестал раскачиваться и искоса следил за его работой.

Метелке мешали засохшие комки земли в густой мамонтовой шерсти. Хорошо бы окунуть Тузика в реку. И Вася скомандовал:

— Вперед, Тузик!

Мамонт покосился на своего маленького командира, посопел и не тронулся с места. Вася рассердился, толкнул его и, хлестнув метелкой, крикнул:

— Вперед, лодырь!

Тузик покорно повернулся и пошел в воду.

— А-а, тебя, оказывается, зовут не Тузик, а лодырь!

Мамонт вскоре понял Васину затею и стал помогать ему: мальчик тер ему бока, а Тузик набирал воду в хобот и смывал грязь. Видно, ему было очень приятно, потому что он похрюкивал и посапывал.

Бока были вымыты. Но спина оставалась грязной. Дотянуться до нее Вася не мог. Он прыгал и крутился, но ничего не мог поделать. Мамонт был больше самого большого слона. Тузик долго смотрел на мальчика, потом, видно, понял, в чем дело, стал на колени и, когда Вася ухватился за шерсть, чтобы влезть мамонту на спину, посадил его хоботом. Мыть мамонтову спину оказалось не таким уж сложным делом: каждый, кто хоть раз мыл полы, без особого труда справился бы с этой работой.

Наконец мамонт был вымыт. Вася и Тузик вышли из реки и расположились отдохнуть. Но у Тузика было явное преимущество: он стал обгладывать кусты, а потом отправился на пшеничное поле. А Вася сидел и облизывался — есть ему было нечего.

Прогулка с мамонтом затягивалась. Нужно было подумать и о возвращении: какие бы беды ни ожидали дома, но накормить-то Васю все равно накормят, а уж потом будут ругать.

Глава седьмая

ВСТРЕЧА У РЕКИ

Солнце было в зените, но теплый ветер по-прежнему ровно, без порывов, дул с севера. Вася собрал свои пожитки, уложил в рюкзак и заставил Тузика стать на колени. Мамонт не только беспрекословно послушался мальчика, но даже сам, без напоминаний, посадил его хоботом. И Вася командовал:

— Вперед!

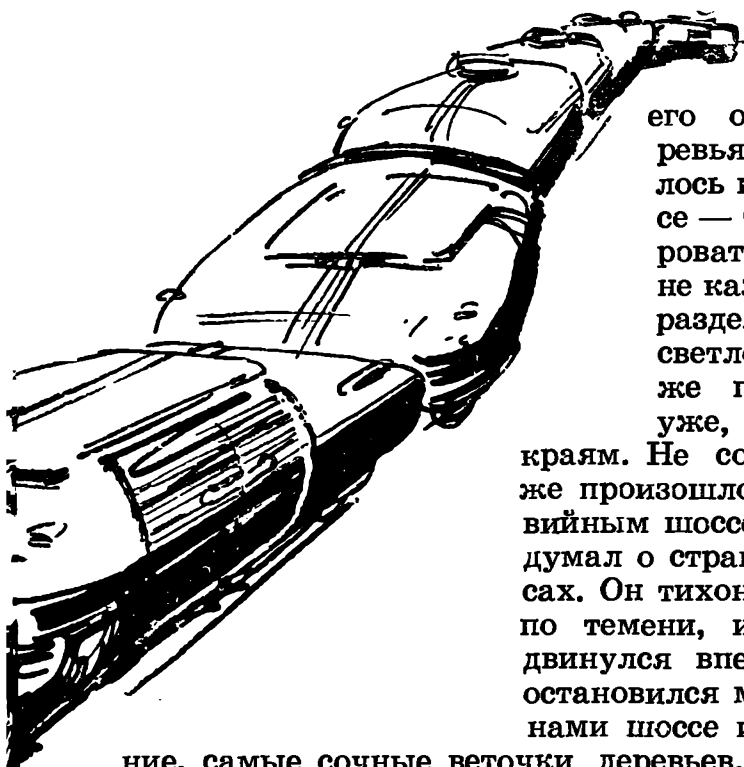
Весело помахивая головой, пофыркивая, то и дело за-

дирая хобот и приплюхиваясь, Тузик шел на взгорок. На шее Тузика была небольшая впадинка, густо заросшая шерстью, — в ней было мягко и тепло. Рюкзак и шубу Вася подложил под спину и путешествовал со всеми удобствами, слегка покачиваясь, как будто ехал не на мамонте, а на лодке или на легкой автомашине.

Со взгорка показались линии электропередач и дальний, блистающий стеклом городок. Он был таким красивым, таким зеленым, что у Васи даже сердце сжалось. Пока он смотрел на город, разыскивая школу, главную улицу с ее большими домами и свой маленький домик, мамонт подошел к шоссе.

Оно сильно изменилось: стало шире, а главное, было покрыто зеленоватой, блестящей, как бутылочное стекло, ровной массой. На

его обочине росли деревья, а за ними виднелось второе полотно шоссе — тоже блестящее, серовато-зеленое. Посредине каждое полотно шоссе разделялось широкой светлой полосой. Такие же полосы, только поуже, тянулись и по их краям. Не совсем понимая, что же произошло со знакомым гравийным шоссе, Вася даже не подумал о странных светлых полосах. Он тихонько ударил Тузика по темени, и тот, всхрапывая, двинулся вперед, но сейчас же остановился между двумя полотнами шоссе и стал ломать верх-

ние, самые сочные веточки деревьев. Он так аппетитно чавкал, что Вася чуть не заплакал от острого приступа голода и ударил Тузика сильнее. Но тот только мотнул головой, как будто сгоняя муху.

«Мотнет посильнее — и слетишь кубарем, — подумал Вася. — Придется ждать».

В это время издалека донесся ровный тяжелый гул и из-за поворота показалась странная машина. Очень широкая, приземистая, гораздо ниже и гораздо шире даже двадцатипятитонных самосвалов, она мчалась с невероятной скоростью. Впереди, в блестящей, прозрачной кабине, сидел шофер. Сзади машины тянулся целый поезд длинных, таких же низеньких и широких прицепов.

Машина была совсем неподалеку от Васи, и он увидел, что лицо у шофера в прозрачной кабине-колпаке вытянулось, глаза округлились, а рот стал таким, каким он бывает у людей лишь тогда, когда они с крайним удивлением произносят: «О-о-о!»

Разглядывая мохнатое доисторическое чудо, шофер забыл об управлении, и машина на полном ходу мчалась прямо на Тузика. Столкновение представителей двух эпох было неминуемо и грозило Васе порядочными неприятностями. Он съехал и замер, неотрывно следя за бешено мчащейся на него машиной.

Но тут случилось чудо. Едва переднее колесо машины приблизилось к светлой полосе на обочине шоссе всего в нескольких метрах от мамонта и когда ни один шофер уже не смог бы вывернуть руль и избежать столкновения — машина вдруг вильнула так круто, что шофер в прозрачной кабине-колпаке свалился с сиденья. Машина удалилась, наискось пересекая шоссе. Мимо Васи, поскрипывая на повороте, проносились прицепы. Они почти касались земли своими низкими бортами и визжали множеством маленьких блестящих колесиков.

У противоположной обочины машина опять вильнула, точно наскочила на непреодолимое препятствие, выровнялась и помчалась прямо по шоссе, увлекая за собой целый поезд прицепов.

Все произошло так быстро, так неожиданно, что Вася даже не успел изумиться и испугаться как следует.

Мамонт вначале растерянно следил за бешено мчащимся автопоездом, потом вдруг вскинул хобот, дико затрубил и помчался напрямик, смешно вскидывая задние ноги, как теленок, которого наконец выпустили на прогулку. Сорваться со взбрыкивающего теленка — удовольствие маленькое. А вот свалиться с несущегося полным ходом мамонта — настоящее несчастье. Спасаясь от новой опасности, Вася вцепился в его волосатую шкуру, лег на живот, проклиная и Тузика и свою судьбу, которая обязательно должна была сыграть с ним какую-нибудь невеселую шутку.

Тузик мчался, не разбирая дороги, ломая кусты, перепрыгивая через болотца и ручейки. Впереди чернел лес.

«Если он и там будет так же взбрыкивать, — подумал Вася, — меня обязательно собьет ветвями».

На самой опушке мамонт приостановил свой бег и быстрым шагом вошел в лес. Нижние деревья хлестали Васю со всех сторон. Приходилось терпеть. Потянуло свежей сыростью, и вскоре показалась река. Мамонт решительно протрубил и пошел к воде. Вася увидел, что от реки в лес бегут три человека — мальчик, девочка и мужчина. Опасаясь, как бы Тузик не натворил чего-нибудь неприятного, Вася отчаянно закричал:

— Стой! Стой, тебе говорят!

Мамонт шел к воде, не слушая своего поводыря. Девочка остановилась и оглянулась. На ней были ярко-красные шаровары и светлое платье, а на голове — цветная тубетейка. Загорелая, с темными живыми глазами, она была бы похожа на узбечку, но волосы на ее лбу и на висках уже выгорели и были совсем светлые. Она посмотрела на Васю, колотившего Тузика по голове, и сочувственно крикнула:

— Не слушается, да?

Как назло, Тузик остановился и повел в сторону девочки хоботом.

— Слушай, — крикнул Вася, — ты лучше отойди! Он, понимаешь, еще не совсем прирученный.

— Вот еще! Тебе можно, а мне нельзя! — сказала девочка и тряхнула коротко подстриженной головой. — Ты ему сахару давал?

— Какой тут сахар — это ж мамонт.

— Я вижу, что не слон. У нас уже в школе слонов проходили. Но ведь и мамонты, наверно, любят сахар. Я сейчас принесу, и мы его приручим.

Девочка побежала к приземистой, тупоносой автомашине светло-стального цвета, по бокам которой, как крылья, были навесы из материи такого же цвета, как и машина. Вот на этот автомобиль и косился Тузик.

— Слушай, не нужно! Эй! Тут не до сахара! Я его только начал приручать! — кричал Вася девочке.

Из леса ей тоже кричали:

— Лена! (Это мужской голос.) Ленка! (Это — мальчишеский.) Иди сейчас же сюда! (Это оба голоса вместе.)

Но девочка никого не слушала. Она достала из машины сверток и побежала прямо к мамонту.

— Не ходи ты сюда! — орал Вася. — Я не хочу за тебя отвечать! Он же еще дикий.

— Ну, на диком ты бы не катался, — возразила девочка и блеснула своими темными глазами. — Просто ты думаешь, что все будут ужасно уважать твою храбрость.

Она смело подошла под самый хобот Тузика и протянула ему на ладони несколько кусочков сахара. Мамонт косился то на девочку, то на сахар. Вася сидел ни жив ни мертв — он боялся, что мамонт ушибет девочку, затопчет, — и не решался даже дышать, чтобы не спугнуть животное.

Тузик обнюхал сахар, покосился опять на девочку, забрал сахар и подал его наверх, Васе. Такого доверия Вася не ожидал и, приятно польщенный, похлопал Тузика по мохнатым щекам и милостиво разрешил:

— Ешь, Тузик. Прямо ешь — и всё.

Мамонт услышал знакомое слово «прямо» и не спутал его с другими. Сахар исчез в его пасти. Девочка даже подскочила:

— Слушай, ну это же просто удивительно! Он как дрессированная собака: ничего не берет без разрешения. Как ты его здорово воспитал! Долго возился?

— Да как тебе сказать... — протянул смущенный и польщенный Вася. — Пришлось, конечно, помучиться... Но он — скотина понятливая, хоть и доисторическая.

— Действительно, просто удивительно: доисторическое животное, а такое понятливое! А ты его танцевать не учил?

Вася даже поперхнулся от возмущения. Мамонта — может быть, единственного на всей земле — и вдруг танцевать? Что ж, он будет ходить на задних лапках, как собачонка?

Девочка спрашивала, а сама все скармливала и скармливала сахар, аккуратно поплеывая на каждый кусочек.

Вася недовольно спросил:

— Зачем ты издеваешься над животным? Расплевалась...

— А меня папа учил так собак приручать. Поплюешь — он будет знать мой запах. И животные так быстрее привыкают к человеку.

— М-да, конечно... Рассуждая логически, это правильно... — мямлил Вася. — Но не очень приятно, когда сахар оплеванный. Я его не так приручаю.

— Ну, я же не знала, — скромно и доверчиво сказала девочка и попросила: — А можно, я к тебе сяду? Места там же хватит. Скажи ему, чтобы он подсадил.

Этого еще не доставало! Да и как ему скажешь? Ведь Вася еще не окончательно разработал технику обращения с мамонтом. Но девочка не дожидаясь его согласия, сразу же стала цепляться за мамонтову шерсть. И Тузик, обнюхав ее хоботом, вдруг склонился на одно колено, как самый благовоспитанный кавалер, и подсадил девочку хоботом. Вот что значит сахар!

Девочка уселась рядом с Васей, поправила тюбетейку и удивленно сказала:

— Ой, какой он высокий! И ты не боишься на нем ездить?

— Ну... как видишь... конечно...

— Ой, правда, мне страшно! — сказала девочка и вдруг пронзительно закричала: — Дедушка! Женька! Он — домашний! На нем пионер ездит! — Она обернулась и быстро спросила: — А ты пионер?

— Ну, а как же? — удивился Вася.

— Значит, все правильно. Давай поедem к дедушке.

Пришлось подчиниться. Вася, как капитан, дал команду:

— Тузик, право! Еще право! Пошел! Вперед!

Похрустывая остатками сахара, мамонт покорно пошел к лесу.

ЭЛЕКТРОНКА

Окончательное знакомство состоялось под шатром, возле машины. Мамонт пошел пастись, а Васе предложили покушать. Отказаться он не посмел. Дело тут не в том, что очень хотелось есть, а просто неудобно. Такие хорошие люди... Откажешься — обидятся.

Дедушка отошел и подозвал к себе Лену и Женьку. Вася так увлекся обыкновенными котлетами, бутербродами с колбасой, яблоками и бананами, что не слышал, как дедушка строжайше предупредил внуков:

— Ни в коем случае ни о чем его не спрашивайте — ни откуда он, ни как сюда попал. Я, кажется, знаю этого мальчика. Здесь удивительная тайна. Вы только слушайте, а я сам буду разговаривать.

Новые знакомые подошли к машине и присели вокруг Васи. Он посмотрел на дедушку и подумал, что знает его. Видел где-то... Лицо круглое, румяное, с прожилками, носик вздернутый и задиристый и очень знакомые светлые глаза. Вот видел их где-то, а где и когда — не упомнишь. А ребята — явно незнакомые. Чтобы уточнить, где же он видел дедушку, Вася решил вначале узнать все о ребятах. Уплетая бананы, он спросил как можно безразличней:

— А ты из какой школы?

— Я? — спросила Лена. — Я из двадцать первой.

— А-а... — протянул Вася и подумал, что он ее не знает по вполне понятной причине: ее, видно, только недавно перевели из женской школы в мужскую. — А ты? — спросил он у Женьки.

— Я тоже из двадцать первой.

— А из какого класса?

— Из третьего.

— А кто у вас учительница?

— Нина Петровна...

— А-а... — несколько разочарованно протянул Вася.

Нина Петровна была самая молодая учительница в школе, только в прошлом году окончившая педучилище. — Это такая... блондинка? Беленькая?

— Да, вся белая. Совсем-совсем седенькая! Ты ее знаешь?

Вася не ответил: с третьекласником разговор должен быть коротким. Дедушка то и дело посматривал на Васю и иногда едва заметно покачивал головой, не решаясь начать деловой разговор. Ребята тоже словно в рот воды набрали. И Васе показалось, что молчать неприлично — все-таки он гость и не какой-нибудь, а серьезный.

— Скажите, это что — автомобиль новой марки? Вроде «Волги»?

— Да нет, видишь ли... — замялся дедушка, — он не совсем новый... И потом, это не автомобиль, а электро-мобиль.

Вася недоверчиво посмотрел на странно знакомого дедушку и, посопев, решил показать, что и он кое-что понимает:

— Значит, это вроде троллейбуса?

— Не совсем так, — пожал плечами дедушка и добавил: — Да ты ешь, ешь! — А потом посмотрел на машину, что-то вспомнил и крикнул: — Женья! Ты аккумуляторы подключил?

Женька испуганно вздрогнул и покорно полез под машину, потом открыл дверцы, щелкнул чем-то в кузове и наконец вернулся к шатру. Судя по тому, как старательно он избегал дедушкиного взгляда, аккумуляторов он не включал. Дедушка это понял. Склеротические прожилки на его щеках стали гуще.

— Когда ты научишься слушаться? Нам сейчас рыбу ловить, а у нас аккумуляторы пустые. Ты об этом подумал?

Женька горестно вздыхал и прятал глаза. Вася считал, что дедушка совершенно прав: готовясь к такому ответственному делу, как рыбная ловля, нужно было все предусмотреть, все продумать. Любая ошибка в этом деле нетер-

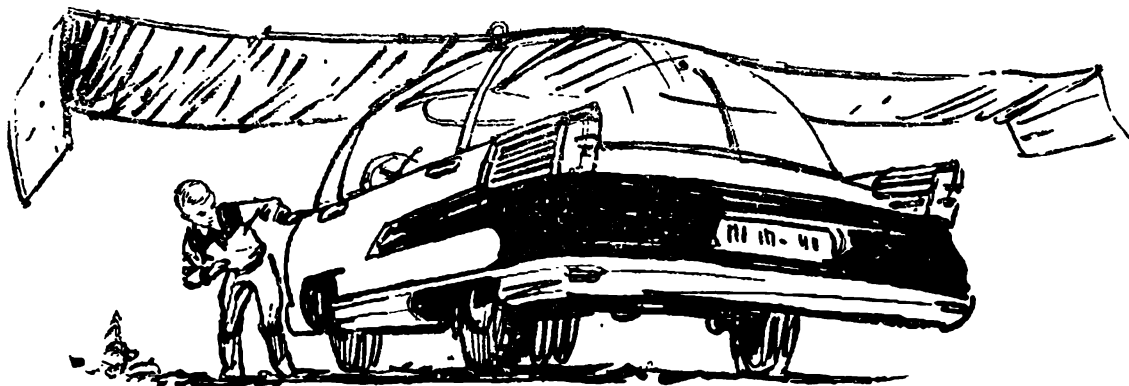
пима. А этот несчастный третьеклассник даже аккумулятора не включил...

«Хотя, зачем для рыбалки аккумулятор? — спохватился Вася. — На свет ловить? Так сейчас день... И потом, куда включать?»

Вася перестал жевать и осмотрелся. Ни столбов, ни проводов вокруг не было. Дедушка между тем сердился все больше и разворчался не на шутку:

— Дома, понимаешь ты, не подзарядились, по дороге у линии не остановились на зарядку — вот и будем теперь сидеть!

Вася недоумевал все больше. Ну, если дома не могли «подзарядиться», то где ж теперь сделаешь это?

Он отложил недоеденный банан и обошел тупоносую, похожую на автобус машину, но ничего особенного в ней не заметил. Он погладил ее по тусклому крылу и почувствовал, что краска, которая покрывает крыло, не гладкая, лаковая, какая бывает на обычных машинах, а шершавая, мягко поблескивающая мельчайшими кристалликами. Вот эти-то кристаллики и были первым толчком, породившим первые догадки.

Смущенный и виноватый Женька опять захлопотал у машины. Он заглядывал под кузов, поправлял какие-то проводочки, проверял соединение шатров с кузовом. И, только убедившись, что все в порядке, стал отругиваться:

— Да ладно вам, дедушка!.. Солнце светит вовсю, света много, аккумуляторы враз подзарядим. Да ведь и когда мы ехали, они тоже заряжались.

— Не в том дело, что солнце светит, а в том, что ты ничего не помнишь. К делу нужно относиться серьезно. На солнце надейся, а сам не плошай!

Вася прислушивался к этому разговору, и десятки догадок, одна фантастичней другой, мелькали в его голове. Как староста кружка «Умелые руки» он переводил эти свои фантастические догадки в четкие линии технических решений. Но решения требовали проверки. Вася нагнулся и заглянул под кузов машины. Первая из догадок немедленно подтвердилась.

Электромотор, двигавший машину, стоял прямо на задней ведущей оси. Никаких валов и передач. Заключенные в бронепровода проводнички от кузова и шатров тянулись внутрь машины.

«Понятно, — мысленно решил староста кружка «Умелые руки» и солидно нахмурил брови. — Это они идут к аккумуляторам».

И когда он понял все, у него замерло сердце точно так же, как оно замирало во время встречи с Тузиком. Он понял, что сейчас, сию минуту, он находится в гостях у гениального изобретателя техники будущего, человека, опередившего свое время по крайней мере на полвека. Вася даже не представлял, что этот человек живет, работает и изобретает в его северном городке. Вот кого нужно было бы затащить в свою, 3-ю школу! Вот с кем следовало бы работать! Правда, Вася сейчас же вспомнил, что внуки этого гениального человека учатся в 21-й школе, но это его не смутило. Ведь и сейчас видно, что они не очень-то уважают своего дедушку.

Вася вышел из машины и почтительно подошел к бурчащему дедушке. Дождавшись перерыва в его длинной речи, он наконец вставил фразу, в которую вложил все, что мог вспомнить из прочитанного в журналах о технике. Фраза эта должна была показать странно знакомому старичку и Васины знания, и то, что из него может выйти незаменимый помощник, верный соратник и продолжатель дела создания техники будущего.

— Мне кажется, — сказал Вася, — что вашу прекрасную машину правильней было бы назвать не электромобилем, а солнечнобилем.

Дедушка прислушался к несколько подобострастному тону Васи, недоверчиво покосился на него, потом махнул рукой и коротко отрезал:

— Вообще-то старье!

— Что — старье? — опешил Вася.

— Вот эта наша электронка.

— Но почему же? — спросил Вася, внутренне преклоняясь перед таким удивительным человеком: чудо будущего он называет старьем! Что же он держит в запасе? Подумать страшно...

— Да так... — неопределенно сказал дедушка. — Привык я к ней, вот и держу. Полупроводниковую краску нужно менять на ней... Да и вообще...

Вася даже задрожал от нетерпения. Подтверждалась еще одна его догадка.

Дедушка говорил о тех самых полупроводниках, о которых пишут газеты, о которых мечтают инженеры и техники, в том числе и юные, самых различных специальностей. Теперь, когда Вася услышал подтверждение еще одной догадки, он смог по частям восстановить целое.

Дедушкина электронка представилась ему так. Кузов и открываемые на остановках шатры покрыты краской, в которую входят полупроводниковые элементы. Они преобразовывают всю световую энергию, падающую на них, в электрическую. Электрическая энергия поступает в аккумуля-

муляторы, а из них на электромотор, который и движет машину. Все гениально просто и вполне доступно.

Правда, в цепи этих железных рассуждений была одна неясность: почему такую электронку требовалось подзаряжать? Спросить об этом у дедушки неудобно: все-таки гениальный человек. Спрашивать у Женьки бесполезно. И Вася обратился к Лене. Она выслушала его и равнодушно ответила:

— Потому и нужно подзаряжаться, что дедушка никак не хочет сменить это старье на настоящую, современную машину. Очень интересно: едешь ночью, энергии не хватает, и становишься к столбу, к розетке на нем, как будто это не машина, а электроплитка!

— А... а как же можно еще заряжаться?

— Нужна машина с прибором для приема воздушной беспроводной электропередачи. Ну, вот как радио. А дедушка не хочет. Говорит, что это еще неизвестно, как она там будет работать. Вот мы и мучаемся.

— Да!.. — мечтательно протянул прислушивавшийся к разговору Женька. — На тех машинах и управление как на атомках. Даже первокласснику можно самому кататься — ни за что не разобьешься.

— Я вот тебе покаताюсь! — услышав последние слова, прикрикнул дедушка. — Забыл, какие неприятности из-за твоего катания были?

— Но, дедушка, я говорю о новых машинах, об атомках.

— Все равно. На машины надеяться нечего. На себя больше надейся.

Пока они спорили, Вася думал. Оказывается, чудо будущего века действительно старье. Оказывается, гениальный изобретатель-дедушка — не изобретатель. Ведь если бы он сам изобретал, Лена не жаловалась бы на то, что он не хочет сменить старье на новую машину.

И чем дольше присматривался Вася к дедушке, тем больше ему казалось, что он его знает, видел где-то. И характер у него знакомый — любит обязательно с

кем-нибудь поспорить, читать нотации, словно он умнее всех.

«На кого же он похож? И потом, что за атомки? — с тревогой думал Вася. — Неужели, пока я замерзал, начали сбрасывать атомки? Да нет, что-то не похоже — все очень спокойно...»

— Да разве только атомки! — горячился меж тем Женька. — Я и сейчас, на этой самой машине, поеду куда хочешь — хоть по оборудованной фотоэлементами дороге, хоть по проселку! Куда хочешь!

— Маловат еще. Маловат, — отвечал дедушка.

— Ну так что ж, что маловат? Но зато я умею! — продолжал кипятиться Женька. — Он схватил Васю за руку. — Вот пойдем посмотрим, как все это просто. Пойдем, пойдем!

Глава девятая

ЖИВОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Женька потащил Васю в кузов автомобиля. Мягкие сиденья, обитые прохладной, похожей на кожу тканью, едва заметно светились. В щиток электронки был вделан небольшой экранчик, а подле него блестящий диск — почти такой, как на телефонах автоматической станции. Тихо тикали часы, рядом с ними — электрические измерительные приборы и спидометр. Словом, если бы не телефонный диск, можно было бы подумать, что Вася сел в обыкновенную такси.

Хлопнули дверцы, Женька уселся за обыкновенный руль и сейчас же опустил шторы на стеклах. В кузове стало призрачно светло.

— Это я ночь сделал, — пояснил Женька, — чтобы были самые большие трудности.

Вася с недоумением осматривался. И ветровые и боковые стекла были закрыты, а все вокруг светилось, отражаясь на никеле телефонного диска. Светились сиденья, све-

тились приборы, светились шторы. Голубовато-зеленые лучи сливались с синеватыми и розовыми, и все вокруг было залито чистым, мягким, будто предутренным светом.

— Как это... так получается? — крутил головой Вася, разыскивая хоть одну лампочку. Но ее не было.

— Что — получается? — удивился Женька.

— Да вот что светло? А лампочек нет...

— Ну, это же очень просто! — воскликнул Женька. — Стеклянная крышка сиденья пропитана светящейся краской. Как же... ее... лю... люми... Дедушка! — крикнул Женя и открыл дверцу. — Как эта краска... Ну, светящаяся... называется?

— Какая краска? — спросил дедушка.

— Ну, вот которой сиденья пропитаны. Что внутри все покрашено.

— А-а! Люминофорная. А что, Вася не знает, что это такое?

— Не-ет, — смутился Вася, — не знаю.

— А я тебе напомним. Когда ты приехал из Иванова от бабушки, ты рассказывал, что видел спектакль «Зайка-зазнайка». Помнишь?

Вася вспомнил. Действительно, когда он был еще в четвертом классе и ездил к бабушке на каникулы, он видел в Иванове, в Театре музыкальной комедии, удивительную декорацию. На сцене, в ярком свете огней рамп, стояли обычные грубоватые, размалеванные полотняные деревья. Над мочальной травой росли невероятные деревянные грибы, дымил покосившийся фанерный домишко хитрой лисы, завоеванный Зайкой-зазнайкой. Пьеса была смешная, музыка — веселая, и Вася заметил убогую декорацию только дважды: когда открывался занавес и когда он опускался.

Но вот занавес открылся снова, огни рамп погасли, в зале наступил такой мрак, что нельзя было увидеть даже вытянутого к сцене соседского носа. А на сцене начались настоящие чудеса. На каждой травинке сверкала свежая капелька росы, каждый гриб светился своей удивительной краской, каждый листик на деревьях, каждая ягода на

кустах переливались искрящимися голубоватой и розовой, зеленоватой, как изумруд, и алой, синей и желтой красками. А дом хитрой лисы! Не только резные наличники на окнах, не только карнизы и петухи на крыше, а даже бревна, каждый сучочек в них горел, сверкал, переливался и лучился.

И этот непостижимый, мягкий, удивительно красивый свет заливал всю полянку, на которую крадучись вышли лиса и волк. Их глаза горели, их шкуры переливались.

Васе казалось, что на лесной поляне жили настоящие зайцы, живые лисы и волк. И то, что они говорили человеческим языком, Васю не удивляло — они не могли не говорить, не могли не петь на такой чудесной лесной полянке, среди таких необыкновенных грибов и цветов.

Это была настоящая сказка, ставшая настоящей правдой. И все это сделала удивительная, светящаяся в темноте люминофорная краска.

Вася вспомнил, как он рассказывал об этом спектакле и об этой краске в кружке «Умелые руки». Ребята не верили ему, а он сердился и пытался доказать, что не сочиняет ни крошечки. Но Женька Маслов оборвал его:

— Короче говоря, ты все врешь, а попросту — брешешь!

Все рассмеялись, а Вася покраснел и стал с еще большим жаром отстаивать правду. Но чем больше он уверял и доказывал, тем меньше ему верили и тем откровенней смеялись. А больше всех Женька Маслов.

Все это вспомнилось и промелькнуло в голове в одну секунду, а уже в следующую Вася подумал:

«Но откуда знает этот странный старичок, что я видел в Иванове?»

Ответ, который напросился сам по себе, ужаснул Васю. Женька Маслов был круглолицый, краснощекий, со вздернутым, задиристым носом и светлыми глазами... Все, как у этого старичка. Внутренне холодея от страха, Вася уже не рассматривал машину, уже не думал об удивительных светящихся красках. Он спросил Женьку:

— Слушай, а... а как твоя фамилия?

— Моя?—беззаботно переспросил Женька.—Маслов.

Вася подскочил и чуть отодвинулся. Если бы он не был пионером и верил в привидения, он бы обязательно сказал: «Чур, меня! Растворись! Исчезни!»

Перед ним действительно сидел почти что Женька Маслов. Почти, но не совсем. Он был тоже курносый, тоже вихрастый, и глаза у него были светлые, и лицо круглое, и щеки аж пылали.

«Что же со мной делается? — беспомощно подумал Вася. — Куда и как я попал? Это Женька Маслов. Но не тот. Он похож, но это не тот. Но ведь этот тоже Женька Маслов из двадцать первой школы, но из третьего класса. А тот Женька Маслов сейчас в пятом. Ведь вчера... или когда-то, я уже теперь ничего не понимаю... я толкнул его двойным ударом, и он покатился по всему вестибюлю. Но если это тот, тогда где же я? В прошлом или в будущем? Будем рассуждать логически. Ведь тот Женька Маслов действительно учился в третьем классе, когда я жил в Чите. Но тогда он меня не мог знать. А когда он перешел в четвертый, я поступил в двадцать первую школу, в пятый класс, и он меня узнал. Тогда, рассуждая логически, я попал в прошлое, отстал на целых два года. Но если это так, то почему дедушка знает то, что я видел в Иванове? Ведь Женька тогда меня еще не знал, и он не мог поэтому рассказать дедушке...»

Логика окончательно отказала Васе. Видно, он был очень огорчен этим, потому что Женька Маслов вдруг посмотрел на него, испуганно поморгал глазами и стал задом выбираться из машины. Что он говорил дедушке, Вася, конечно, не знал, потому что решал страшно сложный вопрос. Кто же, в конце концов, Женька Маслов и что произошло с ним самим?

— Вечно ты все разболтаешь! — возмущался дедушка. — Ведь попросил как человека, ведь говорил же: помолчи! Нет, все по-своему! Я же тебе сказал: здесь тайна.

В дверцы заглянул дедушка.

— Вася, брось ты возиться с машиной, — сказал он ласково и заискивающе, как говорят люди только с больными или когда хотят что-нибудь выпросить. — Электронка от нас не уйдет. Пойдем лучше рыбу ловить.

Вася с ужасом смотрел на дедушку, на его чуть вздернутый нос, на всё еще румяные щеки в старческих прожилках и не двигался с места. Он даже думать как следует не мог, а все только спрашивал самого себя:

«Который из них — внук или дед — Женька Маслов? Что же со мной случилось?»

Дедушка взял его за руку и осторожно, но настойчиво потянул на себя. Вася покорился и вышел из электронки. Его уже не интересовали ни телефонный диск на щите машины, ни атомки, ни даже Тузик, который мирно ощипывал молодые древесные побеги и изредка довольно похрюкивал. Как будто сонный, пошел Вася рядом с дедушкой, даже не удивляясь, что его ведут на реку, даже не замечая взглядов: сожалеющих — Ленки, испуганных — Женьки, укоризненных и заботливых — дедушки. Он все думал об одном: кто же из двух Женька Маслов? И эта мысль была такой въедливой и вредной, что, наверно, со стороны казалось, что Вася не совсем в своем уме...

Над ним, попискивая, заплесали комары, впереди тихонько позванивала струями быстрая, горная река.

Глава десятая

РЫБИЙ КОНЦЕРТ

Река бежала по камням, тихонько и ласково булькая в прибрежных кустах краснотала. Солнце серебрило ее, а теплый ветерок с севера согревал. Было очень тихо и очень приятно. Но комары...

Вначале Вася даже не замечал их, но когда один, самый жадный, впился ему в шею и стал быстро наливать

кровью, Вася машинально изо всех сил хлопнул себя рукой по шее. Стайка комаров вспорхнула повыше, но потом снова опустилась, мешая Васе сосредоточиться: он все еще думал, все еще старался разгадать тайну Женьки Маслова, но уже стал кое о чем догадываться и замечать, что делается вокруг.

Дедушка и Лена возились с каким-то ящиком. На нем было множество кнопок, ручек и даже вольтметр. От ящика тянулись провода: один — к машине, другой — к берегу реки. Тот провод, что тянулся к реке, оканчивался металлической катушкой. Женька внимательно осмотрел ее и, размахнувшись, забросил в воду. Подошел дедушка, покачал головой и сказал:

— Далеко кинул. Рыбу нужно ближе собирать. — И подтянул катушку за провод поближе к берегу.

Лена еще возилась возле ящика. Женька подбежал к ней и закричал:

— Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты не вмешивалась! Опять ты на гольянов поставила! Что мы с твоими гольянами будем делать? Кошке на питание?

— Ничего не на гольянов, — ответила Лена и выпрямилась. — Я поставила на тайменей.

— Какие же это таймени?! — возмущался Женька. — На этом контакте мы всегда собираем гольянов.

— Нет, не на этом, — упрямылась Лена.

— Много ты понимаешь! — крикнул Женька и переставил ползунок прибора на другой контакт.

— Да побольше, чем ты, — запоздало возразила Лена и не совсем уверенно сказала: — это ты сейчас на гольянов ставишь.

Женька только уничтожающе посмотрел на сестру, но промолчал.

— Вот видите, опять спорите, — вмешался дедушка. — Сколько раз говорил: напишите над контактами, какой какую рыбу ловит!

Вася все внимательней слушал ребят и дедушку и подумал:

«Что за ерунда — контакты ловят рыбу...»

Лена покосилась на Васю, капризно надула губы и сказала:

— Но, дедушка, не контакты же ловят рыбу, а ультразвук. И даже не он. Ультразвук только собирает рыбу.

Кое-что прояснилось. Ну конечно, кому неизвестно, что кильку, например, ловят с помощью электросвета? Это же знает всякий. Но не всякий знает, что такое ультразвук, и не представляет его роли в ловле рыбы. Вася старался быть равнодушным, хотя он и видел, что Лена молчаливо предлагает разъяснить ему трудную задачу. Но то, что можно сделать один раз, не стоит делать во второй, а тем более надоедать вопросами девчонке. Не мог он сделать этого еще и потому, что не хотел показывать, что на душе у него по-прежнему очень грустно и недоумение не прошло. Но он решил быть твердым и непоколебимым.

Все собрались на берегу. Река катила свои прозрачные, чистые волны, подхватывая со дна песчинки, кружа траву и щепочки. Почти по самому дну путешествовали небольшие юркие рыбки — гольяны, названные так потому, что их бурое, в крапинках тело совсем не имеет чешуи. Чуть выше гольянов, в прибрежных прогретых заводях, стайками юлила рыба молодь. Крупной, промысловой рыбы видно не было. Но Вася по собственному опыту знал, что она всегда держится на глубине.

Как только начал работать ультразвуковой аппарат, гольяны вдруг остановились как вкопанные и, шевеля хвостами и плавниками, часто топорщили жабры, будто прислушиваясь. Вася невольно вспомнил свои рыбалки.

Стаи рыб разных пород недвижимо стоят на одном месте, вот так же, как сейчас гольяны, чуть пошевеливая хвостами. Вокруг — тишина. И вдруг, как по команде, одна из рыбьих стай, вильнув хвостами, исчезает в водорослях. Присмотришься — а внизу так же спокойно стоит вторая стайка рыб, уже другой породы. Она, кажется, вовсе не заметила, как исчезли соседи. Но вот опять следует неслыш-

ная и невидимая команда, и вторая рыба стая тоже исчезает.

«А что ж... Может быть, рыбы тоже переговариваются между собой на своем рыбьем языке с помощью этого самого ультразвука. Они подают сигналы, а мы их не слышим. Ведь вот у диких гусей, например; есть же сторожевые гуси, которые предупреждают всю стаю, как только заметят опасность. Может быть, и у рыб есть свои сторожа или даже вожаки... Только мы ничего об этом не знаем».

Пока Вася думал, Лена толкнула Женьку и сердито сказала:

— Говорила я тебе — это гольяновый контакт! Видишь, как они заслушались.

— Это еще неизвестно... — неуверенно ответил Женька.

Дедушка остановил их:

— Подождите. Пусть Вася посмотрит.

Прошло еще несколько минут. Со всех сторон поверху и понизу стали собираться гольяны — стаями и в одиночку. Речные струи тревожили их, они сбивались в кучки, но упрямо старались держаться на одном месте, прислушиваясь к удивительным звукам. Гольянов становилось все больше и больше. Дедушка подумал и сказал:

— Готовьте спиннинги, а я сменю контакт.

Дедушка пошел к яцику. Вася услышал, как щелкнул контакт, и среди гольянов пробежала дрожь. Они стали двигаться, вначале медленно, несмело, потом все быстрее и быстрее, рыская во все стороны, словно пытаясь разыскать пропавший звук. Вода так и вскипала — столько гольянчиков сплылось на этот участок реки.

— Ты понимаешь, что произошло? — возбужденно спросила Лена у Васи.

Вася гордо промолчал.

— Дедушка сменил контакт, и в воде сейчас начнет распространяться новый ультразвук. Ведь ты, наверно, знаешь, что одни рыбы пищат, а сами ничего не слышат;

другие, наоборот, сами слышат, а пищать не умеют. Ну вот. Но все они прекрасно слышат ультразвук — это такой звук, который мы, люди, не слышим. Знаешь, им еще металл сверлят, стекло режут, вообще он широко применяется. Вот мы и устраиваем рыбий концерт. Рыба одной породы слышит только звук одной частоты, а другой породы — другой частоты. Понимаешь?

Кое-что Вася уже понимал. Он вспомнил и летучую мышь, этот живой ультразвуковой локатор, и комаров, которые, кроме обычного слышимого писка, пищат еще и неслышно, точно переговариваясь друг с другом на своем комарином языке. Так что ничего удивительного в словах Лены он не увидел. Придумали — и хорошо.

Программа рыбьего концерта сменилась. Зеленоватую, искрящуюся толщу воды, как серебристые молнии, пронизали две огромные, почти в метр длиной, рыбы с красными плавниками.

— Таймени! — радостно завопил Женька.

Дедушка подбежал к берегу и закричал:

— Закидывайте спиннинги! Спиннинги!

Тут не утерпел и Вася. Он тоже схватил спиннинг и, чуть размотав катушку, закинул в реку блесну с крючком-тройчаткой.

Блесну подхватили речные струи и закружили. Она блистала на неярком, будто затянутом марлей, солнце, как настоящая рыбка.

Но таймени не обращали внимания ни на Васину блесну, ни на другие, которые закинули рыболовы. Они продолжали охотиться за беспомощно кружащими на месте гольянами.

Источник ультразвука все работал и работал, и в реке стали то и дело мелькать серебристо-зеленые туши тайменей. Они жадно набрасывались на собравшихся сюда и все еще ожидающих продолжения концерта гольянов. Охотничьи страсти разгорались не только у тайменей, но и у рыболовов. Они то и дело перекидывали блесну, стараясь попасть на охотничий маршрут тайменей. Но подводные

хищники не обращали на нее внимания. Впопыхах рыболовы не замечали, что их блесна никелированная, блестящая, а таймени ловят бурых, пятнистых рыбок, которые не похожи на блесну. Дедушка махнул рукой и начал ругать Женьку:

— Все перепутал! Конечно, тайменю в обычное время гольяна ни за что не взять, а гольянчик рыбка жирная, вкусная. Вот таймени и бросились на них.

— Ну, дедушка, — взмолился Женька, — я же не знал, что контакт не тот!

— «Не зна-ал»! — передразнила Лена. — Я ж тебе говорила — не тот контакт. Накормил тайменей сытным обедом, а теперь хочешь их ловить. Не такие они дураки.

Да, ошибка Женьки была слишком явной. Не привлеки он сначала гольянов, голодные таймени обязательно бы бросились на блесну, принимая ее за рыбку. А когда они очутились посредине своего любимого блюда — гольянов, — их, конечно, не заинтересует блесна.

Пока рыболовы переругивались, доказывая друг другу, что виноват не он, а кто-то другой, Тузик вошел в воду, опустил в нее хобот и стал пить, шумно поводя боками. Внезапно огромный таймень с налету наскочил на толстые, как бревна, ноги мамонта, метнулся в сторону и угодил как раз на хобот. В то же мгновение Тузик согнул хобот крючком и подхватил рыбину под брюхо. Все произошло так быстро, что Вася едва заметил, как над водой взлетел огромный серебрящийся красноперый таймень. Он перелетел через мамонта и тяжело шлепнулся на траву, да так, оглушенный, и застыл.

Рыболовы бросились было к тайменю, но тот пришел в себя, оттолкнулся могучим хвостом и взвился в воздух. Все четверо навалились на метровую рыбину, и дедушка, суетясь не меньше, чем внуки, кричал:

— Осторожно! У него зубищи огромные.

С большим трудом таймень был укрощен. Шум утих, и все услышали требовательный звонок.

НА ПОРОГЕ РАЗГАДКИ

Дедушка прислушался и посмотрел на машину. Ребята возились с тайменем. Издалека опять донесся звон, и дедушка обратился к Васе:

— Кто-то нас вызывает. Пойдем, Вася, я тебе покажу еще одну вещь.

В машине звенел телефон. Дедушка вынул из-под щитка трубку, нажал на кнопку, и сейчас же зеленоватым светом вспыхнул маленький экранчик. Дедушка подождал несколько секунд и, когда на экране вырисовался облик молодой и красивой женщины, сказал в трубку:

— Что там такое, Валя?

— Я просто волнуюсь, папа. На дворе сыро, а ребята так легко одеты... Как идет ваша рыбалка?

— Наша — плохо. Но вот рыбалка нашего нового знакомого — отлично. Поймали тайменя — наверно, больше пуда весом.

— А что это за новый знакомый? — удивилась женщина.

— А вот этот... — Дедушка притянул к себе Васю, так что его лицо оказалось как раз против экранчика, а потом на минуту задумался и сказал: — Он не очень новый, и, может быть, даже ты кое-что о нем знаешь... Его зовут Вася Голубев, Василий Николаевич Голубев. Помнишь?

Женщина на экранчике вначале удивленно вскинула брови и поджала губы, потом глаза у нее расширились, и она прижала розовую, чуть припудренную мукой руку к румяной щеке и спросила:

— Неужели... Неужели это Николай Васильевича Голубева...

— Да-да! — перебил ее дедушка и обратился к Васе: — Ты пойдй погуляй минутку.

Вася вышел, а дедушка, захлопнув дверь машины, торпливо сказал:

— Слушай, Валя, немедленно сообщи об этом в медицинское управление. Ты же сама видела Васю и можешь подтвердить, что он совершенно нормальный человек. Это редчайший случай, — и повесил трубку под щиток.

Экранчик потух.

Вася молча смотрел через блестящее стекло двери на дедушку. Сердце билось толчками. Он понял, что стоит на пороге разгадки своей тайны — ведь Николаем Васильевичем звали его отца. И еще он понял, что женщина на экранчике хотела спросить, не он ли, Вася Голубев, и есть сын Николая Васильевича. Вася ничего не спрашивал, потому что по глазам дедушки видел, что он собирается сообщить ему всю правду. Но он ошибся. Дедушка опять пригласил его в машину и вкрадчиво заговорил совсем о другом:

— Вот видишь, Вася, в каждой машине установлен такой радиотелефон. Стоит только включить аппарат, и ты можешь набрать нужный номер и вызвать абонента. Но дело не только в этом. Мало того, что ты можешь разговаривать с кем хочешь, — ты еще можешь и видеть того, с кем ты говоришь, и он тебя видит. И все — в цвете. Но это, впрочем, не ново. В Москве уже в твоё время работали над созданием цветных телевизионных передач. — Дедушка посмотрел на Васю и стал смущенно покашливать: он видел, что мальчика интересует совсем не радиотелефон. Однако он продолжал: — А для того, чтобы не перепутать номера радиотелефонов, им присваивается номер машины, на которой он установлен. Если знаешь номер машины, можешь немедленно позвонить в нее — пусть та машина будет хоть за тысячу километров.

Вася упорно, не моргая, смотрел на дедушку так, словно хотел сказать: «Это все интересно, но меня волнует сейчас другое».

Дедушка опять смущенно покашливал и, чуть покраснев, продолжал:

— Ты не заметил, что впереди каждого номера машины стоит буква? Они приняты как обозначение длины волны. Набирая на обыкновенном телефонном диске нужные

буквы, ты автоматически настраиваешь приемо-передаточный аппарат на нужную волну. А потом уже, когда набираешь номер телефона или машины...

— Скажите, — перебил его Вася и на мгновение заппулся, не зная, как называть дедушку. — Скажите, как вас зовут?

— Меня? — дедушка почему-то покраснел, словно его поймали на чем-то нехорошем. — Меня?

— Да, вас. Как вас зовут? И как ваша фамилия? — Вася смотрел на дедушку не мигая и говорил опять спокойно и тихо.

— Так, значит... — покашлял дедушка. — Зовут меня... меня зовут Евгений Алексеевич Маслов.

— Ясно! — закричал Вася. — Значит, ты не дедушка, а Женька Маслов из двадцать первой школы! Значит, это ты занимался в кружке «Умелые руки», значит, это ты дрался в вестибюле! Так вот почему ты все знаешь обо мне! Сейчас же рассказывай, что со мной случилось, изобретатель несчастный!

Дедушка страшно смутился, стал оправлять свой пиджак и вдруг неожиданно шмыгнул носом и рукавом вытер его.

— А почему я изобретатель? Да еще несчастный? — попробовал обидеться дедушка, чтобы по привычке детских лет перехватить инициативу.

— Конечно, несчастный! В кружке ничего не мог сделать толком — даже модели высотного дома не закончил — и теперь занимаешься неизвестно чем.

— Почему — «неизвестно чем»? Я, брат, очень интересными делами занимаюсь, — опять почему-то покраснел дедушка. — А ты думаешь, что это я ультразвук выдумал, — так нет. Не я.

— Да разве ж ультразвук выдумывают! Эх ты, изобретатель...

Дедушка, конечно, не понимал, почему Вася с таким упорством называл его изобретателем, и ему почему-то это казалось обидным — ведь в свое время, в школе, именно

так называли самого Васю. И дедушка никак не хотел меняться с ним ролями:

— Брось, Васька! И ультразвуковую катушку не я изобретал. Понял? И вообще хватит.

Вот теперь Вася совершенно не сомневался, что перед ним пятиклассник Женька Маслов, который, пока еще совершенно непонятным образом, прикинулся дедушкой. Вася злился уже не на шутку. Подумать только, как ему приходится мучиться, разгадывая собственную судьбу, а этот Женька замаскировался и ничего ему не говорит! А он, как дурак, еще мечтал стать помощником этого «гениального изобретателя». Вот уж, действительно,

поспешишь — людей насмешишь!

— Женька! Говори сейчас же, что со мной случилось! Где Сашка Мыльников? Где папа и мама? Все говори!

Вася даже сжал кулаки: он был уверен, что с Женькой Масловым иначе не договоришься — тот всегда был довольно вредным парнишкой. Но дедушка не протестовал. Он как будто даже согласился с Васиным превосходством — все-таки, что ни говори, а Вася Голубев был старше Женьки Маслова на целый класс. Миротвориво и даже заискивающе он ответил:

— Я тебе все расскажу. Ты не волнуйся. История, правда, получается таинственная, но я тебе потом расскажу.

— Нет! Это ты брось! Ты сейчас рассказывай!

Пятиклассник 21-й школы Женька Маслов потер морщинистыми руками пылающие щеки в красных склеротических прожилках, погладил остатки седых волос на голове и неуверенно сказал:

— Я думаю, что лучше всего сначала поехать в город. Там ты все поймешь...

— А я хочу все знать сейчас же!

— Мало ли что ты хочешь.

— Женька!.. — угрожающе сказал Вася.

— Вот что, Вася Голубев: ты все-таки не забывайся! Был я Женькой, а теперь в честь того Женьки назван другой Женька Маслов — вон он с тайменем возится. А тебе я теперь Евгений Алексеевич. Понятно? Как-никак, а я старше тебя ровно на полсотни лет... Точнее, на сорок девять.

— На сколько? — широко раскрыл свои серые глаза Вася. — На сколько?

— На сорок девять, — невозмутимо ответил дедушка. — И ты теперь меня будешь слушаться во всем. Сказано: поедem в город — и поедem... Жень, Лена! — крикнул он. — Мама звонила — собирайтесь. Сейчас поедem.

— А мамонта с собой возьмем? — спросила Лена.

Дедушка поперхнулся. Мамонт — обстоятельство непредвиденное. Даже сообщая своей дочери о Васе, он как-то упустил это из виду.

— Вася, — спросил он, — ты поедешь на мамонте или мы его оставим здесь, а потом приедem за ним?

Но Вася не слышал дедушкиного вопроса. Он сидел в машине и плакал. Слезы лились сами по себе, и он даже не замечал их. Он только тихонько, почти беззвучно шептал:

— Мама, мамочка...

Дедушка посмотрел на Васю, смущенно потер лысину и, тряхнув головой, пробормотал:

— Гм... да, положение...

Глава двенадцатая

ВО ВСЕМ ВИНОВАТ ЗУБ

Через некоторое время дедушка принял решение:

— Тузика оставим здесь, а потом приедem за ним.

— Но ведь он убежит, — сказала Лена.

— А что же делать? — развел руками дедушка. — Нас он не послушает, а Вася... Васе сейчас не до мамонта.

— А что с Васей? — тревожно спросила Лена.

— Видишь ли... я же говорил, что здесь тайна, — вот она постепенно и раскрывается. — И, заметив нетерпеливое движение девочки, остановил ее: — Не спеши — все узнаешь. Когда попадем домой, я все расскажу.

Дедушка ушел искать убежище для мамонта, а Лена бросилась к машине, открыла дверцу и растерянно остановилась: она еще никогда не видела, чтобы мальчики, да еще такие смелые, каким показался ей Вася, плакали так безутешно. Он даже не оглянулся, когда открылась дверца, а только всхлипнул.

Лена решительно убрала под тюбетейку выбившиеся светлые пряди волос. Готовясь как следует пристыдить Васю, она взглянула на него укоризненно и поджала губы. Но Вася опять всхлипнул. Лена только вздохнула поглубже и

промолчала. Чем дольше она молчала и смотрела на Васю, тем быстрее проходила ее решительность. Она почувствовала, что в уголках ее глаз почему-то защипало, дышать носом стало трудно, и она беспомощно открыла рот.

Вася, конечно, заметил Лену, но он не мог сразу же совладать с собой и поэтому некоторое время плакал уже нехотя, по инерции: разогнался и никак не мог остановиться. Но наконец усилием воли он заставил себя успокоиться и спросил у Лены:

— Слушай, какой сейчас год?

— Где — какой год? — не поняла разжалобившаяся Лена.

— Ну, вот здесь. Где мы сейчас, — уточнил Вася.

— А он везде одинаковый, — растерялась Лена.

— Тем более... — уже начинал злиться Вася: на себя за то, что он так плакал, на Лену за то, что она видела, как он плакал, и за то, что она такая непонятливая. — Тем более. Неужели ты не знаешь, какой сейчас год?

— Ну, пятый...

— Какой, какой?

— Пятый, — уже тверже сказала Лена.

Вася недоверчиво покосился на нее и разозлился еще сильнее. Ему показалось, что Лена шутит над ним.

— Слушай, а тебе сколько лет?

— Мне? Двенадцать.

— Так почему же сейчас пятый год? В каком же году ты родилась?

— Я? — Лена все больше удивлялась и даже чуть растерялась. Она никак не могла понять, что от нее хочет Вася. — Я родилась в 1993 году.

— В каком, каком? — опять переспросил Вася и побледнел. Он решал новую, совершенно невероятную и очень мучительную для него задачу.

— В 1993 году.

— Значит... значит, сейчас 2005 год?

— Ну да, — совсем растерялась Лена. — Я так и сказала — пятый.

Слезы опять сами по себе покатились по Васиным щекам, и, как он ни старался успокоиться и «рассуждать логически», из этого ничего не получилось.

Как только Лена увидела новый приступ Васиного горя, она поняла, что и ей самой очень хочется плакать. А когда ей что-нибудь хотелось, она обязательно это делала.

В машину заглянул наконец Женька. Он увидел, что Вася и Лена сидят рядом и плачут вперегонки. Женька открыл рот и испуганно спросил:

— Что случилось?

Ему никто не ответил. Вася только скрипнул зубами, но сейчас же новый поток слез покатился из глаз. Дело в том, что Вася слишком сжал зубы, и коренной зуб с дуплом невероятно заныл. Лена громко всхлипнула и уткнулась в платок. Женька тоже растерялся и на всякий случай потер кулаком глаза.

— Дома что-нибудь? — спросил он, но Лена отрицательно покачала головой. — Потеряли что-нибудь?

Вася, у которого зуб болел все сильнее, пробурчал: «Нет», и вытер слезы. Женька вспомнил странное поведение Васи в электронке и, перестав тереть глаза, подозрительно спросил:

— Вася заболел?

— Дурак! — Вася окончательно рассердился на себя, на Женьку и на свой зуб. — Неужели ты не понимаешь, что я пролежал замерзшим пятьдесят лет!

— Сколько, сколько? — опешил Женька, а Лена разом перестала плакать.

— Пятьдесят лет! Ты это понимаешь?

Женька не понимал, но на всякий случай присвистнул и с уважением, почти с завистью сказал:

— Вот это да! Здорово! Пятьдесят лет... — и попытался уточнить: — Ты вместе с мамонтом замерзал?

— Дурак! — уже спокойней повторил Вася, и слезы перестали капать, но зуб еще ныл. — Мамонт же доисторическое животное. А я... я — исторический...

— Слушай, я ничего не понимаю, — честно признался Женька.

— Я сам... — начал было Вася, но, почувствовав, что у него опять навернулись слезы, сжал зубы и вскрикнул: — Ой!

— Ты чего? — наклонилась к нему Лена.

— Зуб вот еще...

— А-а! — понимающе сказала Лена и окончательно успокоилась: от зубной боли плачут не только мальчишки, но даже взрослые — это такая боль, хуже которой не

бывает. И странно, она, жалея Васю, уже снова верила, что он очень смелый и совершенно необыкновенный мальчик.

— В конце концов, это ведь не так важно, сколько ты там замерзал, — сказала она, — важно, что ты отмерз и даже приручил мамонта. Он вместе с тобой отмерзал?

Вася кивнул головой.

— По-моему, это тоже неважно, — с завистью сказал Женька. — Это даже интересно — пятьдесят лет пролежать замерзшим, а потом вдруг оттаять и сразу же приручить мамонта. Слушай, а как же ты замерзал?

Вася понял, что его положение не такое уж безнадежное, и мысли о родителях отошли на задний план — ведь еще ничего не известно: может быть, они и живы. Теперь они, конечно, старенькие, но все-таки... и Вася рассказал все, что с ним случилось пятьдесят лет назад. Кстати он спросил:

— А почему вы говорите «пятый», а не две тысячи пятый год?

— Видишь ли, это просто удобней. Ведь каждый знает, что две тысячи лет уже прошло, — ответила Лена.

— А Сашка Мыльников все-таки плохой товарищ, — твердо сказал Женька.

— Почему? — нахмурился Вася.

— Ну, что же это за товарищ, если он бросил тебя в яме? Я бы обязательно разыскал.

— Метель была... пурга.

— Ну и что ж! Разве это помеха? Вот когда первые межпланетные летчики потерялись на Марсе, так их и то нашли. А тут, на Земле, он не мог разыскать...

Лена вздохнула и почему-то очень твердо сказала:

— Ты ничего не знаешь, Женька, и поэтому не болтай.

— Сама ты болтаешь! — очень своевременно и остроумно ответил Женька. — Разве это товарищ?! — добавил он с презрением.

Они помолчали. К машине приблизился Тузик и стал

обнюхивать ее хоботом, шумно вздыхая и опасливо косясь своими маленькими глазками.

Вскоре пришел дедушка и сказал:

— Тузика мы оставим в старом лесничестве. Там есть загон — в нем когда-то приручали лосей. Вот там он и погуляет.

— А разве лосей приручили? — уже откровенно удивился Вася.

И дедушка, тоже уже не таясь, ответил:

— Да, уже лет тридцать, как они домашние животные. Их разводят, как коров, из-за мяса, молока и хорошей кожи. А в лесных районах лосей используют как лошадей. Ну, взбирайся на своего мамонта и веди в загон.

— Я тоже сяду! — закричал Женька.

Но Лена презрительно сжала губы:

— Так он тебя и возьмет!

— Вася ему прикажет.

Польщенный Вася взобрался на Тузика и, покрикивая на него, заставил посадить Лену и Женьку.

Дедушка шел впереди, показывая дорогу.

Вскоре они подошли к заброшенному деревянному зданию фермы.

Оно было ограждено высоким и крепким забором с хорошими воротами.

Не подозревая подвоха, Тузик спокойно прошел во двор и стал обнюхивать хоботом постройку. Они не понравились ему, поэтому он фыркал и сопел. Ребята наносили в корыто воды, нарвали травы и ветвей и простились с мамонтом. Он стоял посреди двора, слегка раскачивая свою большую лопоухую голову.

— До свиданья, Тузик! — сказал Вася. — Мы скоро приедем.

Ворота закрылись, и все четверо пошли к машине. Сзади раздался трубный рев, ворота затрещали... Все остановилось. Но рев затих, и слышно было, как Тузик, тяжело ступая, пошел обследовать свои владения.

— Ничего, — сказал дедушка. — Привыкнет...

ВУЛКАН НА КОЛЕСАХ

Переваливаясь на кочках, электронка выбралась на шоссе, и дедушка чуть прибавил скорость. Сделать это было нетрудно — стоило только нажать педаль и, значит, передвинуть рычажок реостата. В электромотор поступило больше тока из аккумуляторов, и машина побежала быстрее. На повороте, где несколько часов назад Тузик испугался автопоезда, на щитке электронки зажегся красный сигнал.

Дедушка поправил зеркальце и увидел, что сзади его догоняет новый автопоезд. Красный сигнал зажег специальный аппарат, который зорко наблюдал за всем, что делается позади, и заранее предупреждал водителя об опасности. Электронка прижалась к самой обочине шоссе. Мимо промчался автопоезд. Его вагоны были окрашены в светлую краску, в них было множество широких окон, возле которых сидели пассажиры; вагоны-прицепы мелькали со скоростью курьерского поезда.

— Атомка промчалась! — с завистью сказал Женька.

«Ах, вот что такое атомка! — подумал Вася. — Это, видно, автопоезд, работающий на атомной энергии. Да, такие атомки делать гораздо лучше, чем те, что делали когда-то».

Воспоминание о тех далеких днях, когда атомками называли атомные бомбы, заставило Васю опять вспомнить о своем странном положении, и он снова загрустил. Лена тоже задумчиво ответила Жене:

— Это пассажирский экспресс порт Уэлен — Ужгород.

— А не московский? — ревниво спросил Женя.

— Нет, московский проходит раньше.

— Вот вырасту, — мечтательно протянул Женька, — и стану водителем атомных поездов!

— Не очень-то интересно, — заметила Лена. — Все время в дороге. Они же могут вокруг света без остановки проехать.

— Мало ли что могут! — возразил Женька. — А водителей-то все время на станциях меняют. Сменился — и куда хочешь! Красота!

— Да! — почти с завистью сказал дедушка. — Атомки — хорошее дело. Недаром железные дороги перестали строить. Атомка ведь везде пройдет.

Пока выяснялись все преимущества безрельсовых атомных поездов, электронка вдруг замедлила ход и остановилась, хотя Вася ясно видел, что дедушка при этом даже пальцем не шевельнул.

— Перекресток, — сказал дедушка. — Что ж, подождем.

— Вот, «подождем»!.. — обиженно протянул Женька. — Меня так за руль не пускаете. А ведь вот сами заговорились, и автотелефонотормоза за вас сработали — остановили машину. А то б наверняка нарушили правила уличного движения.

— Ладно тебе! А фотоэлементы у нас на что?!

Из дальнейшего разговора дедушки и Женьки Вася сделал вывод, что и дороги и машины устроены так, что даже при всем твоём желании совершить аварию, сделать это не позволяют фотоэлементы. Они установлены на всех машинах, и на всем протяжении шоссе: на перекрестках и поворотах полосами нанесена особая краска, посылающая невидимые простому глазу лучи. Их-то и ловят установленные на машинах приборы и автоматически помогают водителю, предостерегая его от опасности и предотвращая аварии.

И сейчас же вспомнился случай на шоссе: бешено мчащийся прямо на Тузика автопоезд, растерянный водитель. Да, крушение тогда было неизбежно. Его предотвратили умные приборы.

Как тогда вильнула атомка! Как понеслась! Вот теперь ясно: полосы вдоль обочины шоссе — это своеобразный фотоэлементный барьер, который не позволяет машине выезжать за его предел. Пожалуй, Женька-маленький прав: при такой технике машину может водить не то что

третьеклассник, а даже первоклассник. И Вася посмотрел на него уже дружелюбней.

«А Женька Маслов-старший стал таким вредным! Просто смотреть на него не хочется», — подумал Вася.

Шоссе пересек автопоезд, и электронка свернула. Сквозь ветровое стекло перед Васей открылся вид на родной городок. Как он вырос, как повзрослел! То там, то здесь из-за высоких деревьев высились разноцветные, а чаще всего серебристые крыши многоэтажных домов. Вася догадался теперь, что они также покрыты фотоэлементом, перерабатывающим солнечную энергию в электрическую. Надо думать, летом солнечные лучи с помощью специальных аппаратов охлаждали воздух в домах, а зимой помогали обогревать их.

Теплица, что была на окраине города, стала чуть побольше; но обогатительная фабрика осталась такой же. Зато неподалеку от нее высились новые фабричные здания.

Но сколько ни искал Вася родную школу, он так и не мог ее увидеть. Не нашел он и своего маленького, одноэтажного, деревянного дома. Улицы были застроены многоэтажными зданиями самых различных цветов и оттенков. Среди них преобладал тот же странный зеленовато-блестящий материал, которым было покрыто шоссе.

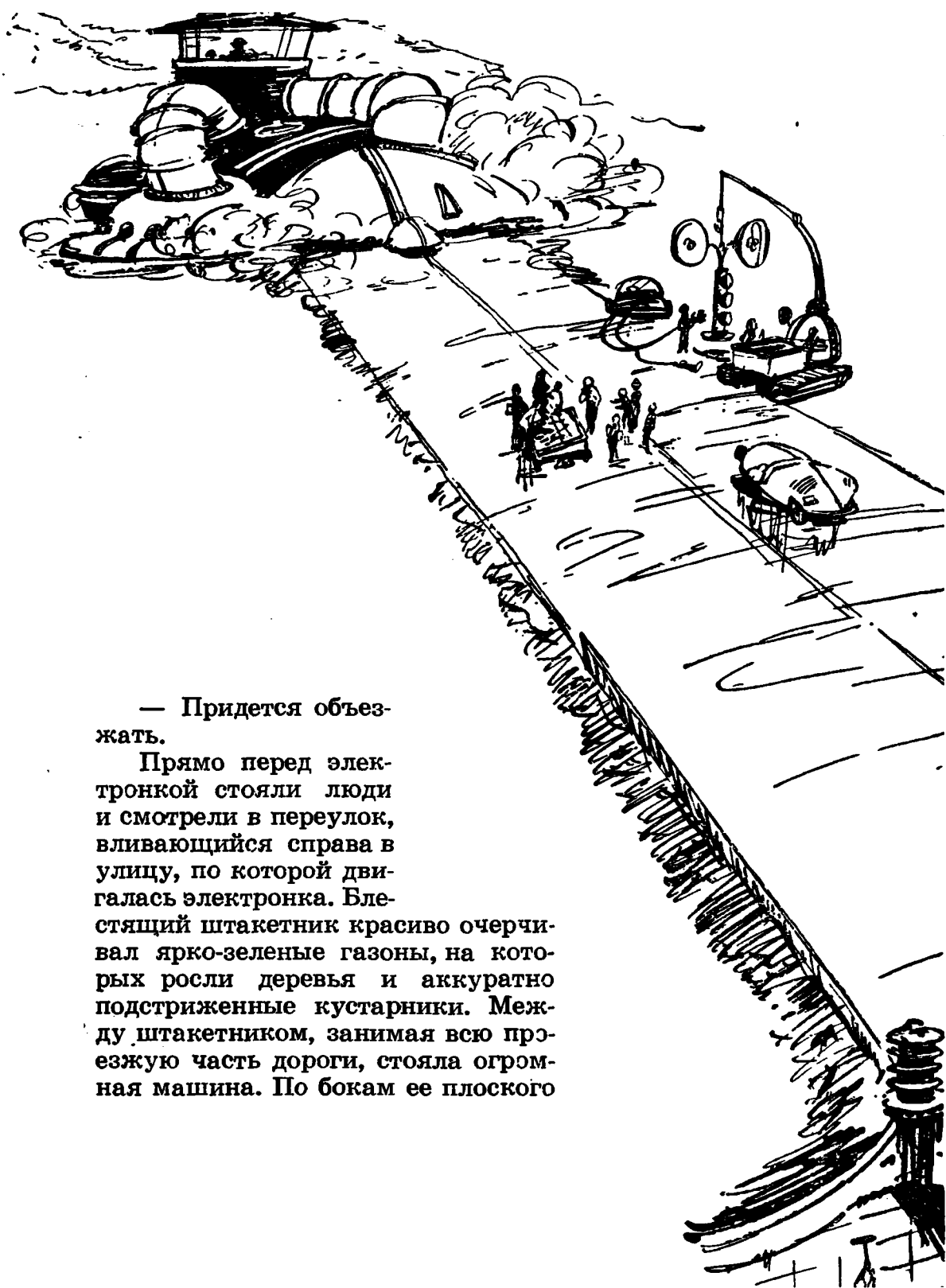
Однако Вася не обращал внимания на эти странности, потому что больше всего думал о родителях. Живы ли они? Ведь прошло пятьдесят лет! Целых полвека... Вздвигаясь, по сторонам, заглядывая в лица встречным людям, надеясь увидеть родных или знакомых. Лена видела Васино волнение и ласково шепнула ему:

— Ты не беспокойся... По-моему, они живы, и ты их найдешь...

— Ты думаешь? — обернулся Вася.

— Ну конечно, — убежденно сказала Лена, и глаза у нее смотрели так твердо, что Вася невольно поверил девочке.

Электронка опять остановилась, и дедушка пробурчал:

— Придется объезжать.

Прямо перед электронкой стояли люди и смотрели в переулок, вливающийся справа в улицу, по которой двигалась электронка. Блестящий штакетник красиво очерчивал ярко-зеленые газоны, на которых росли деревья и аккуратно подстриженные кустарники. Между штакетником, занимая всю проезжую часть дороги, стояла огромная машина. По бокам ее плоского

тела с прозрачной кабиной впереди выдавались чуть вздрагивающие выступы. Под кабиной беспрерывно и стремительно вращался архимедов винт, по которому скользила слегка дымящаяся серовато-зеленая масса. Над ней струился раскаленный воздух. Человек в блестящей кабине все время поглядывал на архимедов винт и иногда касался блестящих рычажков, во множестве разбросанных на щите перед ним. И тут только Вася заметил, что машина не стоит на месте: она движется медленно, ровно, как корабль на тихой воде. Позади машины остается блестящее, как зеркальное стекло, зеленоватое, искрящееся на ярком солнце шоссе.

— Вот это и есть дорожная машина, — сказал дедушка. — Она тоже атомная. Сзади в специальном котле беспрерывно выделяется тепло в несколько сотен тысяч градусов. В этот огонь попадает грунт, который машина сама выбирает по бокам дороги — видишь, выступы по бокам.

Они роют кюветы, канавы по бокам будущего шоссе, а землю подают в атомный котел. Понятно, что земля не выдерживает такой невероятной температуры и плавится, превращаясь в лаву. Она подается вперед и по архимедову винту равномерно разносится по всей площади будущего шоссе. Вся машина катится на огромных, тяжелых валках, которые уплотняют лаву. Позади остается только готовое шоссе — каменное, почти базальтовое. Самое главное тут в том, что не требуется специально готовить плотно дороги, как когда-то его готовили перед заливкой асфальтом. Теперь машина идет по самой неровной почве — правда, впереди нее пускают специальные струги. А позади машины ровная гладь шоссе. Прямо-таки настоящий вулкан на колесах! — улыбнулся дедушка.

Вася с уважением обошел пышущую жаром, могучую машину. Она неумолимо ползла все вперед и вперед. Пока дедушка рассказывал, а Вася осматривал машину, она успела выложить несколько метров нового, еще тепленького шоссе.

— А где же она берет атомное топливо? — спросил Вася, чтобы показать себя солидным, думающим человеком.

— В этом-то и вся штука! — оживился дедушка. — Помнишь, как на уроках физики нам доказывали, что построить «перпетуум-мобиле» — вечный двигатель — невозможно. А вот эта машина, в сущности, вечный двигатель. Ты не удивляйся! Конечно, и она не вечна, но... дело в том, что для нее не требуется горючего. Вначале, когда ее строят на заводе и запускают в ход атомный котел, ей, конечно, горючее требуется. А потом, в дальнейшем, она сама добывает горючее из той земли, что она же и расплавляет. Ты, конечно, знаешь, что многие редкие элементы рассеяны в земной коре — в песке, земле, камне — в таких ничтожных количествах, что добывать их раньше было просто невыгодно. А вот при такой машине стало выгодно. У нее есть специальный атомный сепаратор, который сортирует всевозможные элементы, когда они расплавятся в ее недрах. Ненужные атомы сепаратор выбрасывает, и они, со-

единась в лаву, идут на строительство шоссе. А редкие, нужные элементы сепаратор сортирует по своим кладовочкам-полочкам. Так что эта машина, строя шоссе, добывает еще и химически чистое железо, медь, серебро, золото, кобальт и многие-многие другие элементы. Некоторые из них поддаются разложению в атомных котлах и служат атомным горючим. Понимаешь? Машина сама добывает себе энергию, сама перерабатывает ее и сама дает столько и такой продукции, как в прошлом целая группа заводов. Вот, брат, какая это умная и дешевая машина!

Лена, скромно слушавшая дедушку, вставила:

— И знаешь, Вася, на таких машинах водителями работают наши ученики-старшеклассники.

— Почему? — удивился Вася. — Неужели им доверяют?

— Управлять-то ею не очень сложно, — сказала Лена, — а вот регулировать, готовить к работе — ужас до чего сложно! Но зато, знаешь, несколько дней поработаешь и сразу поймешь, как в лаборатории, какие элементы существуют, чем они отличаются друг от друга и в каком соотношении они встречаются в земной коре. Потом мы ходили на экскурсию в парк таких машин, когда опораживали их бункера, — каких там слитков только не было! Всякие-всякие!

— И золотые? — недоверчиво спросил Вася.

— Подумаешь, золотые! — презрительно сказала Лена. — Они большие, да толку в них мало. Они ведь сейчас почти не применяются в технике. А вот стронций, германий — вот это да!..

Женьке было скучно слушать эти научные разговоры, и он потащил Васю:

— Брось ты! Тоже мне интерес — шоссе заливать! Это и первоклассник сумеет. А вот домá строить — это действительно... Дедушка, поедem покажем! Вот это работа! Как только вырасту, обязательно стану строителем!

— Инженером? — ехидно сказала Лена и покровительственно улыбнулась. — Если ты хочешь знать, на той

машине, что строит, нельзя работать даже инженеру. Профессор — он справится. Вот это машина так машина! А кем ты все-таки будешь? — насмешливо продолжала Лена. — Водителем атомки, строителем или просто инженером?

Женька смутился только на минуту и сейчас же ответил:

— Вот чудачка! Важно стать инженером. А кем я работать буду, это уж мое дело. Может, водителем, может, строителем, а может, и пекарем.

Электронка тем временем медленно подъехала к одному из новых искрящихся домов, и дедушка предложил:

— Слезай, приехали.

Кажется, ничего страшного в этих словах не было. Но сердце у Васи сжалось. Приехали — а куда? Как будто и в свой город, но в чужой и незнакомый дом. Ведь вот как иногда складывается жизнь: лег спать, проснулся, и ты сирота — ни родных, ни знакомых, ни даже дома. Один на всем белом свете. Вася опять еле удержался, чтобы не всхлипнуть.

— Снова зуб разболелся? — участливо спросил Женька.

Васе так захотелось стукнуть его, но ведь нельзя...

Глава четырнадцатая

«ПРОФЕССОРСКАЯ МАШИНА»

Вася Голубев остался в квартире Масловых один (если не считать Женьки-маленького). Лена отправилась по поручению матери отыскивать ему подходящий для времени года костюм, потому что Васина одежда — шуба, шапка, валенки — все это было явно не по сезону.

Дедушка и Женькина мама тоже отправились по каким-то делам.

Один только Женька-маленький решил быть настоя-

щим другом и потащил было Васю показывать свой «конструктор», из деталей которого можно было, по его словам, соорудить все — начиная от высотного здания и комбайна до подводной лодки и межпланетного корабля.

Они устроились в коридоре. Женькины сокровища заслуживали самого пристального внимания. Кроме шурупов, болтов с гайками, медяшек, алюминиевых и пластмассовых обрезков, среди сокровищ были парные и даже тройчатые зубчатые колеса, шарикоподшипники, конденсаторы, лампы и лампочки и еще масса всякой всячины. И хотя многоопытный глаз заядлого моделиста и старосты кружка «Умелые руки» без особого труда определил, что не то что межпланетного корабля, но даже комбайна здесь не соорудишь, он все-таки заинтересовался сокровищами.

Однако Васю все время не покидали мысли о своем доме, о матери, похожей, понятно, и на Женькину мать, как похожи, наверно, все матери друг на друга.

Впервые за свою жизнь Вася решил сознательно соблазнить и обмануть младшего товарища, да еще пионера. Конечно, он понимал, что поступает нехорошо, нечестно, но ничего не мог поделать с собой. Ему очень хотелось увидеть родителей. Поэтому, пряча виноватые серые глаза, стараясь скрыть выступивший румянец, Вася как можно спокойнее предложил:

— Вот если бы посмотреть твою «профессорскую машину», мы бы с тобой из этих деталей сделали такую модель! Сама бы дома строила!

— А можно сделать? — восхищенно понижая голос и заглядывая в глаза Васе, спросил Женька.

— Не знаю... — коварно остановился на полпути Вася. — Нужно посмотреть.

— А ты знаешь что... знаешь... Давай пойдем и посмотрим.

— Так тебя ж мать не пустит! — почти презрительно сказал Вася.

— Ну и что? Ну и что?.. А мы пойдем и посмотрим.

Она, знаешь, куда-то по хозяйству ушла. Пока она вернется, мы уже дома будем.

— Неудобно, понимаешь... Скажут, что я тебя сманил.

— Вот еще! Я что — маленький? Пойдем. Честное слово, это недалеко.

Вася дал Женьке уговорить себя, и они тихонько выскользнули за дверь. Женька потянул Васю к ближайшей стройке, но Вася сразу стал неумолимым:

— Мне нужно найти Ленскую улицу.

— Да зачем тебе Ленская? Она ж далеко.

— Нужно. Я жил на Ленской, понял? В доме двадцать один. Такой деревянненький домик.

— Да на что тебе деревянненький?

— Нужно — и все. Веди!

Женька покорился. Они быстро миновали несколько улиц. Вася так волновался, что даже не замечал, что встречные посматривают на его необычный костюм с некоторым интересом. Но ни один из них не остановился, не стал удивляться вслух, а тем более смеяться. Ну, идет человек в зимнем, да еще старомодном костюме, — значит, ему так нравится. Пусть себе идет.

На Ленской, такой знакомой в прошлом, такой родной, Вася не увидел ни одного старого дома. Улица неузнаваемо изменилась. Все было новое, и везде строились новые дома. Он даже растерялся. Старой улицы не было, не было и его дома. Вася подумал вначале, что Женька, по своей легкомысленности, привел его на другую улицу. Но вдруг он увидел старую знакомую: почти черную внизу и все еще нежно-белую вверху раскидистую березу. На всей улице была только одна такая красивая, такая раскидистая и старая береза. И она стояла как раз против Васиного дома. Ошибиться Вася не мог. Правда, береза немного постарела, но почти не изменилась, стала только еще толще и раскидистой. Ее крохотные нежно-зеленые листочки беспрерывно вздрагивали — рядом проносились самосвалы и грузовики, а чуть подальше, на том самом месте, где стоял когда-то Васин дом, суетились грейдеры и экскаваторы.

В разноголосицу их моторов смело вплеталась звонкая птичья песня.

Пел скворец. Пел самозабвенно, запрокинув черную, будто отлакированную голову назад и прикрыв глаза. Пел весело, словно зараженный общим весельем труда.

И только один человек не радовался и не веселился. Он думал о том, что скворечню, на крыше которой пел скворец, мастерил он вместе с отцом. Он вспомнил, как он лазил на дерево, чтобы привязать птичий домик, и как мама кричала снизу:

«Слазь! Сейчас же слазь! Упадешь!»

И как отец, задрав голову, добродушно посмеивался:

«Здоровый парень — не сорвется. Я в его годы на мачты лазил».

Это было в «День птицы», и скворечню ставили не для скворцов, а для синичек, потому что скворцов в Васино время в этих местах не бывало.

И вот прошли годы, появились скворцы, по-прежнему стоит на своем месте раскидистая береза и верно служит свою службу маленький деревянный скворечник. А человек, который делал его, не имеет ни дома, ни родных. Да... Если бы рядом не стоял Женька, который наверняка бы осведомился насчет больного зуба, впору было зареветь. Но делать нечего. Приходилось быть стойким и мужественным. В конце концов, люди переносили и не такие трудности. А тут просто вместо старого дома строят новый. Это ведь даже хорошо.

Пока Вася смотрел на скворечник, пока он думал о своей судьбе, Женька уже успел обежать стройку, вернулся и теребил Васю за рукав:

— Идем! Понимаешь ты, там такой дядька отличный есть — все объяснит. Идем!

Вася нехотя пошел за Женькой. Едва они свернули за огораживающий строительную площадку заборчик, Вася увидел огромную, очень высокую машину с гибким хоботом. Над ней возвышался подъемный кран. Вот он взял прямо с автомашины оконный переплет с подоконником,

шпингалетами и стеклом, поднял его и осторожно установил на нежно-розовую стену. Двое рабочих помогли крану поставить переплет на место.

К мальчикам подошел высокий загорелый человек в комбинезоне со множеством кармашков и застёжек и спросил:

— Учиться пришли? Хорошее дело! А где же ваш учитель?

— Мы одни, — замирая, ответил Женька.

— Это хуже. Как бы не попали под кран...

— Да нет, дяденька! Мы тихонько. Мальчик вот приехал... издалека, никогда не видел такой машины.

Загорелый человек с интересом осмотрел Васю, его обыкновенную одежду и переспросил:

— Издалека, говоришь, приехал? Даже в телевизор не видал такой машины?

На первый вопрос Вася тактично не ответил, а отвечая на второй, сказал честно:

— Никогда не видел. Ни в телевизоре, ни так.

— Да, брат, далековато, видно, живете... Ну ладно, поможем. Раз такое дело, возьмусь за работу экскурсовода.

В это время подъемный кран поднимал второй оконный переплет, третий... десятый и наконец начал устанавливать двери, тоже совсем готовые — с ручками, электрическими звонками и почтовыми ящиками. Рабочие в это время подвели железные стены и закрепили их болтами. Дом сразу вырос на целый этаж.

— Заметили, что сделано? — спросил прораб. — Теперь смотрите дальше.

В огромной машине что-то зашуршало, загудело, и длинные хоботы опустились над металлической стеной, в которую одновременно уперлись небольшие мелко дрожащие брусья с резиновыми набалдашниками. Из хоботов полилась пенистая огненная масса. Брусья задрожали еще сильнее.

— Видел, как вибраторы работают! — сказал восхищенно Женька.

Через минуту хоботы и брусья присосались к другой стене, и опять полилась огненная жидкость.

— Что же это такое? — немножко испугался Вася. Раскаленный поток был слишком необычен.

— А вот это они стены делают, — пояснил, блестя глазами, раскрасневшийся Женька. — Туда воздух нагоняют, и они становятся такими... пузырьчатыми.

— Куда нагоняют воздух? Кто становится пузырьчатым?

— Ну, Вася, какой ты непонятливый! Это стены, значит. А воздух в них нагоняют...

— Ничего не понимаю, — честно признался Вася.

— И немудрено, — вмешался прораб. — Тебе, папень, — обратился он к Женьке, — нужно как следует заняться русским языком. Даже рассказать толком ничего не умеешь.

— А чего ж тут такого? — удивился Женька. — Воздух же нагоняют туда? Нагоняют.

— Послушай-ка лучше меня, Вася, — начал рассказывать прораб. — Давным-давно, кажется еще в 1950 году, в одной из лабораторий было получено удивительное стекло — оно не тонуло в воде, не разбивалось от ударов молотка. Это было пеностекло. Делали его так. В расплавленную стеклянную массу вводили газ. Стекло застывало не сплошным куском, а мельчайшими порами, клеточками, как губка. В порах был заключен воздух, газ, и стекло поэтому не тонуло. Если его ударяли молотком, то разбивалось только несколько клеточек, а весь кусок оставался целым. Кирпич из такого пеностекла очень удобен: он легкий, хорошо сохраняет тепло, почти не пропускает звук, его можно окрасить в любой цвет. Из таких стеклянных кирпичей уже пробовали строить дома. Но тогда пеностекло было очень дорого... Так вот... А в наше время для строительства зданий применили почти такой же метод — атомная машина плавит минеральную массу, отделяет от нее полезные примеси и окрашивает в нужный цвет. Когда масса готова, специальный вентилятор насыщает ее возду-

хом и гонит по трубе-хоботу к месту заливки. Масса выливается в нужное место и застывает, как пеностекло. Не нужно ни каменщика, ни цемента — стены домов сразу же льются из минеральной массы. А чтобы она застывала ровно, плотно, ее встряхивают вибраторами, уплотняют. Пока что лучшего строительного материала у нас не придумано. Но тут одна заковыка: дома-то бывают разные. Один — с маленькими окнами, другой — с большими, третий — с какими-нибудь особыми выступами. В помощь машине существуют специальные заводы. Раньше они были железобетонными или домостроительными, теперь они несколько переоборудованы, но занимаются тем же делом, что и прежде, — изготавливают детали домов: окна, двери, потолки, полы и т. д. Что тебе нужно, то они и изготовят. Привезут такие детали на строительную площадку, установят, как это ты только что видел, а промежутки между ними, то есть стены, залиют пеномассой. Потом покроют крышей, и дом готов.

Пока прораб рассказывал, машина уже повернула за угол дома — целая стена была готова. Ребята пошли вслед за машиной, но прораб остановил их:

— Посмотрите, что будет дальше.

На только что залитую стену кран уже подал какую-то аппаратуру — путаницу резервуаров, решеток и труб.

— Это устанавливают систему искусственного домашнего климата, — сказал прораб. — Он будет регулировать в этом этаже температуру и влажность воздуха. А когда будут готовы другие стены, на них положат балки, укрепят пол и потолок и начнут возводить следующий этаж. Неделя — и трехэтажный дом будет выстроен без каменщиков, плотников и штукатуров. Вот так, брат, и строят теперь!

— Сколько же нужно учиться, чтобы управлять такой машинкой? — вслух подумал Вася.

— Ну, теперь только покрасят внутри — и все в порядке! — восхищенно сказал Женька.

— Нет, брат, теперь в домах ничего не красят. На внутреннюю отделку идут или пластмассы, или чаще всего

специально обработанное под высоким давлением дерево. Благодаря такой обработке дерево становится намного крепче, почти как металл, не горит и окрашивается в любые цвета — оранжевый, красный, какой угодно. С нашим замечательным деревом, только специально обработанным, никакие другие отделочные материалы не сравнятся!

Женька хотел задать еще один вопрос, но вдруг съезжился, схватил Васю за рукав и торопливо стал благодарить прораба. Тот несколько удивился такой поспешности, но задерживать ребят не стал.

А Женька прошептал:

— Ленка нас ищет. Бежим!

Но убежать им не удалось. Лена подошла к ним и сейчас же напала на Женьку, но тот стал оправдываться давно известным способом:

— А я что? Ничего...

— Сбежали из дому без спросу, ребятки? — улыбаясь, спросил прораб. — А мне говорили, что вот он, дескать, приехал издалека и никогда не видел атомной домостроительной машины.

— Ой, нет, нет! Это правда, правда! — торопливо вмешалась Лена. — Он действительно никогда не видел. Просто у нас обед остывает...

— А-а, ну тогда все в порядке. Спешите скорей домой.

Он усмехнулся и пожал ребятам руки. Вася тоже невесело усмехнулся. Женьке это не понравилось, и он ехидно спросил:

— Опять зуб болит?

— Женька! — крикнула Лена и топнула ногой. — Перестань сейчас же!

— А чего он киснет? Нашел мамонта, и ему все мало!

— Ты понимаешь, что он беспокоится о родителях! — яростно зашептала Лена брату на ухо. — Какой ты бесчувственный...

— А чего о них беспокоиться? — искренне удивился Женька. — Не маленькие — не пропадут.

Лена грозно сверкнула глазами, но промолчала.

МЕХАНИЗИРОВАННАЯ УЧЕБА

Возвращение с «экскурсии по знакомым местам» было не очень веселым. Вася угрюмо шагал по улицам, стараясь не замечать взглядов прохожих и не смотреть на дома. Он уже знал судьбу своего дома, и ему было очень грустно. Правда, старых домов в городе осталось еще немало. Они честно несли свою службу, только стали более опрятными — выбеленными, с покрашенными крышами. Дом, в котором жили Масловы, был не то чтобы стар, но уж, во всяком случае, не нов. Вместо литых стен — кирпичные, но крыша была покрашена полупроводниковой краской. Значит, она тоже вырабатывала электроэнергию.

Пока мать и бабушка ругали Женьку за его легкомысленное поведение, Вася вынужден был молчать: он прекрасно понимал, что виноват не Женька и что все упреки касаются прежде всего его самого. Но, очевидно, Васю как гостя пока еще щадили.

Когда кончилась первая часть второго Васиного вступления на территорию масловской семьи и выяснилось, что Женька ни в чем не виноват, что он только помог Васе найти свою улицу и что, если б он знал, что уходить нельзя, он ни за что бы не ушел без спросу, потому что это же всякий понимает — вначале нужно было пообедать, — после всех этих сложных переговоров Женькина мать тревожно покачала головой и сказала:

— Я понимаю, Вася, что тебе не терпелось повидать родных, но ты должен был спросить о них у меня.

Конечно, Женькина мать думала, что она права, как думают об этом все матери. Но она не учитывала, что Вася уже требовал ответа от бывшего соученика, а ныне бабушки и не получил его. Откуда Вася знал, что о его родных может знать кто-то другой? Но опыт прошлого подсказывал, что в споры с незнакомыми старшими лучше не вступать — в конечном счете окажется, что они всегда правы. Поэтому Вася промолчал, а Женькина мать сказала:

— Если бы ты спросил у меня о них, я бы тебе ответила, что они...

Вася даже чуть подался вперед, не сводя глаз с Женькиной матери. Вся его тоненькая фигурка вытянулась, и на белом, чистом лбу обозначились морщинки, а на носу мелкими бисеринками выступил пот. Он ждал продолжения, он ждал слов и в то же время боялся их — ведь от них зависело очень многое. Почти всё...

— Я бы сказала тебе, мой мальчик, что они живы и здоровы, — мягко улыбаясь, проговорила Женькина мама.

— А где же они? — хрипло спросил Вася и вдруг почувствовал, что он очень устал.

— Они сейчас в Средней Азии, на Памире. Видишь ли, Вася, когда с тобой случилось несчастье, твоей маме было очень тяжело здесь жить, и тогда она попросила отца переехать. Вот почему они живут теперь все время там. Но ты не беспокойся: мы с Евгением Алексеевичем уже дали знать в Москву нашим общим знакомым, а они свяжутся с твоими родителями. И тогда они приедут за тобой. Так что ты не волнуйся. Хорошо?

Нет, конечно, он не волновался. Он был в том блаженном, расслабленном состоянии, когда все вокруг кажется необычайно милым и приятным. В этом состоянии можно, улыбаясь, пить касторку, решать незаданные задачи или зубрить ненужное правило, можно быть абсолютно послушным и совершенно приятным человеком. Вася улыбался и почему-то твердил:

— Спасибо... Вот спасибо!

Большей радости он не испытывал еще ни разу в жизни.

Но, странно, чем глубже и понятней становилась эта радость, тем быстрее она уходила куда-то вглубь, в самое сердце, и уже спокойно думалось о том, что раз родители живы и здоровы, значит, все в порядке, значит, можно заняться теперь другими делами.

С этих минут все окружающее стало по-настоящему интересовать Васю. Жизнь не остановилась. Жизнь идет, и он

должен занять в ней свое место. А это место прежде всего в школе. Он теперь ясно представлял себе все трудности, которые придется ему преодолевать. Учиться, наверно, он будет в старой школе, но уж, во всяком случае, с новыми учениками. А так как он и раньше переезжал не раз, то представлял, как важно сразу же, с первых дней, завоевать настоящий авторитет среди новых товарищей. Ну, на первых порах пригодится мамонт. Он, конечно, сыграет свою роль. Но этого мало. Учиться! А вот чему теперь учат? Может быть, он забыл все? Ведь как-никак, а пятьдесят лет прошло, целых полвека. Немудрено порастерять кое-какие знания.

Вот почему, когда Вася пришел в себя и утихомирил свою радость, он заговорил с Леной о школьных делах.

Выяснилось, что в пятых классах проходят сейчас почти то же самое, что в Васино время — в шестых. Это заставило его насторожиться. Лена поняла это по-своему, хитро улыбнулась и очень серьезно предложила:

— Тебе обязательно нужно проверить свои знания. Ведь если ты забыл все на свете, тебя же могут перевести в четвертый класс, а то еще возьмут и посадят в третий.

Лена говорила без тени улыбки, и Вася так поверил ей, что даже покосился на несерьезного Женьку: неужели и в самом деле могут посадить рядом с такой мелюзгой? Вот будет позорище!

— Мне кажется, что тебе нужно сделать это немедленно, — продолжала Лена, и глаза у нее хитро поблескивали. — Знаешь, чтобы не волноваться. Верно? Пойдем ко мне в комнату.

Комнатка Лены оказалась маленькой и очень уютной. Кровать, столик для занятий, над ним — полочка для книг со стеклянными дверцами, стенные шкафчики для одежды, стулья, несколько картин...

На столе, слева от чернильницы, поблескивая никелем и пластмассой, стоял какой-то странный прибор, а рядом с ним — крошечная портативная пишущая машинка. Под полочкой для книг — матовый экран телевизора.

Лена усадила Васю за стол, достала новую тетрадь в клеточку:

— Давай проверим твои знания по арифметике, а потом уж по математике. — Она тоже села за стол и придвинула к себе странный прибор. — Ну-с, вначале — умножение. Помножь 3475 на 9821.

Вася склонился над тетрадью. Лена щелкнула выключателем, и на приборе загорелся розоватый экранчик. Потом она нажала на кнопки, на которых были написаны числа 3, 4, 7, 5 и затем 9, 8, 2, 1; через секунду на экранчике вспыхнуло слегка пульсирующее розовато-зеленое число: 34 127 975. Вася ничего этого не видел. Он честно писал, считал и наконец сказал с некоторым торжеством:

— 34 127 975!

— Правильно, — спокойно сказала Лена. — Теперь проверим деление.

Вася решил все примеры, но, прежде чем он произносил результат, на розоватом экранчике прибора перед Леной уже светилась нужная цифра. Потом они перешли к относительным числам, потом попробовали алгебру, и Лена бесстрастно произносила:

— Правильно. Неправильно.

Вася наконец не выдержал:

— А откуда ты знаешь, что правильно, а что неправильно?

— А у меня есть проверяльщик, — ответила Лена и показала глазами на прибор.

На его кнопках были написаны цифры и десяток латинских букв; в стороне рядком стояли знаки, обозначающие арифметические, алгебраические и тригонометрические действия и значения.

— На этом приборе можно решить любую задачу в несколько секунд — успевай только на кнопки нажимать. Понятно?

— Ну-у, — разочарованно и обиженно протянул Вася, — так вам, конечно, в школе и делать нечего — только на кнопки нажимай! За вас же машины думают.

— Да... как бы не так! Они только ответ дают. А решать-то все равно самим приходится, чтобы в тетрадах был виден весь ход решения. Видишь ли, в наших задачах есть только примеры и задачи. А ответов на них нет. Как же мы делаем? Решаем задачу обычным путем, а потом проверяем ответ. А учителю сдаем письменную работу.

Теперь Вася разочаровался снова, но уже совсем по другому поводу.

— Ну, это неинтересно... — протянул он. — Зачем тогда нужны такие машины? Лучше ответы в задачниках печатать.

— Ой, Вася, какой ты странный! Но нам-то ведь нужно учиться работать на вычислительных машинах? Сейчас без них везде как без рук. И в школе у нас такие же машины, только больше размером. А в институтах — так там прямо огромные.

— Что ж выходит? Попадете вы в поле или в тайгу и без машины не сможете решить ни одной задачки, ни одного примера? Обязательно подавай вам машину? — почему-то начиная сердиться, спросил Вася.

Лена покосилась на него, вздохнула и постаралась ответить как можно мягче:

— Вот как раз поэтому мы и учимся всякую задачу и пример решать обычным путем. Как будто в поле, в тайге, — добавила Лена и слегка улыбнулась. — И только ответы проверяем на машине. Зато, когда мы будем работать на заводах или в МТС, мы уже будем пользоваться этими умными машинами. Они ведь очень экономят время. И потом, на них можно решать такие задачи, которые самому и за год не решить.

— Знаю, — недовольно ответил Вася. — Читал.

Конечно, Лена была права. Но Васе очень не хотелось попадать в четвертый, а тем более в третий класс только потому, что в школу наконец пришла техника. Разве он виноват в том, что в его время техники побаивались? И, сердясь на свою неудачную судьбу, он спросил:

— Ну, а какие еще машины вы изучаете?

— Мы учимся работать на пишущей машинке. Видишь, и у меня и у Женьки есть свои портативки. Но все равно тетради мы ведем от руки, уроки записываем тоже от руки. А когда нужно, учитель диктует, и мы печатаем на машинке.

— Так... — протянул Вася и иронически присвистнул. — Ну, а телевизоры у вас зачем? Чтобы не скучно заниматься было?

— Что ты! Это учебный телевизор. А для развлечения у нас в столовой стоит.

Нет, это уж слишком! Телевизор и тот приспособлен к школьным занятиям! Такой веселый и интересный аппарат — и вдруг уроки?

Но Лене уже надоело Васино недоверие. Она сказала:

— Послушай, но это, честное слово, нехорошо — ничему ты не веришь!.. А ты знаешь, что у нас, кроме школьных, есть еще и телеуроки.

— Это еще что такое? — удивился Вася.

Лена щелкнула ручкой в стене, и экранчик под полочкой засветился. Вскоре вырисовались цветные картины далекой Антарктики — зеленовато-белые величественные айсберги, фонтаны китов, колонии пингвинов в белых маинишках. Потом открылась необозримая горная страна, покрытая слоем льда и снега.

— Это повторный дополнительный урок для шестых классов, — сказала Лена. — Вот на таких учебных телевизорах дают нам уроки. Ты не понимаешь? Ну, видишь ли... программа во всех школах одна и та же. И вот определенные станции передают пособия для уроков. На одной волне — для одних классов, на другой — для других. Я вот смотрю программу для пятого класса. Вот мы, например, изучаем по истории техники доменный процесс. Передача покажет и старые домницы, и более поздние, еще сохранившиеся сейчас домны, и заводы, на которых добывается металл без помощи домен. Так зубришь, зубришь — ничего все равно толком не поймешь. А посмотришь пере-

дачу, книжку прочтешь — и все в порядке: сразу на пятерку отвечаешь.

Лена увлеклась. Она достала с полочки катушку с тонкой ленточкой, открыла ящик в столе, вставила катушку в какой-то приборчик и переключила ручку на стене. Экранчик засветился сильнее. На нем вырисовался класс, доска, учитель возле нее. Вот он обернулся, и начался самый настоящий урок по русскому языку.

— Это повторные уроки. Понимаешь? Если ты отстаешь по какому-нибудь предмету, берешь в школьной картотеке повторный урок и вкладываешь пленку, на которой он записан, в проигрыватель. Он соединен с телевизором, и тогда слушаешь и смотришь урок, пишешь диктант, решаешь задачи и все что хочешь.

— Да, — восхищенно протянул Вася, — с такой техникой можно учиться не то что на пятерки, а даже на десятки!

Лена не поняла шутки, и Вася это заметил. Но как ни великолепна была техника, пришедшая на помощь школьнику, он все-таки считал, что теряться ему перед ней не приходится. И поэтому он заговорил с Леной несколько снисходительно: все-таки что бы там ни говорили, а она девчонка и слишком уж расхвасталась. Нужно поумерить ее пыл.

— Вот вам теперь все машины помогают, — сказал он и покровительственно усмехнулся, — а ты бы поучилась в наше время, тогда бы знала, как пятерки достаются!

— Подумаешь —

«в наше время». Конечно, теоретически теперь стало легче учиться. Так ведь теперь теория — это еще не все. Если ты не умеешь все делать на практике, все равно пятерки не получишь.

— Так-таки и всё? — также покровительственно улыбаясь, спросил Вася. — Всё-всё?

— Ты не веришь? — рассердилась вдруг Лена. — А знаешь, что в седьмом классе у нас будет экзамен по вождению

трактора и комбайна? Ты знаешь, что всю пахоту проводят школьники и студенты? А об уборке и говорить нечего!

— Не знаю, но думаю, что ты уж слишком загибаешь — никто ведь этого не разрешит.

— «Не разрешит»! Почему не разрешить? Ты знаешь, что пшеницу теперь сеют сразу на три — четыре года. Один раз вспашут, посеют, а потом три или четыре года подряд урожай снимают.

— Ну, этого я не видел, но такую пшеницу выводили.

— «Выводили»!.. — насмешливо протянула Лена. — Если ты хочешь знать, она теперь по всему земному шару растет. И тракторы теперь тоже — будь уверен! — всё автоматически делают: поставишь плуг на нужную глубину, визир установишь и включаешь ток... А там сиди и следи только, чтобы все в порядке было. Даже скучно... Учитель и инструктора из МТС все время на мотоциклах разъезжают и проверяют.

Вася смотрел на Лену и начинал ей верить — так горячо она говорила, так ярко горели ее темные глаза, что не верить ей было невозможно...

— А убирают урожай как?

— А так же... Приезжаем в МТС на производственную практику, нам дают комбайны. Опять установишь визир, включишь мотор — и пошел. Вот тут дело сложное: нужно следить за бункером, за высотой среза. А на polegших хлебах обязательно инструктор рядом.

— Видишь! А говоришь — всё ребята: и пахут и убирают.

— Ну, конечно, не всё, — немного поостыла Лена, — но все-таки большинство работ мы делаем. В программе так и записано: две недели производственной практики в поле. Вот и работаем. Ох, как хорошо в поле!.. Я, наверно, агрономом стану.

— Две недели, — задумчиво сказал Вася. — За год этого мало...

— Ты, честное слово, странный! Конечно, в МТС и взрослые работают, ну и мы помогаем.

— Видишь! То всё делаем, то — помогаем.

— Конечно, всё!.. Что нам скажут, то всё и делаем. И потом, визир контролирует! Тут и младенец все сделает.

— Что это еще за визир?

— А такой прибор... Ну, вот дедушка тебе рассказывал, что на автомашинах установлены такие приборы, что не позволяют ей съехать с шоссе. А на тракторе, на комбайне, сеялке и других машинах установлены такие приборы, которые не позволяют им свернуть с прямой линии. Как наведешь визирный прибор на какой-нибудь предмет, так хоть бейся не бейся, а трактор ровнехонько пойдет на этот предмет. Такие квадратики делаем — закачаешься!

— Скажешь, вы и на заводе работаете? — недоверчиво спросил Вася.

— Ясно! У нас три недели производственной практики на заводе. У станков стоим. Управляем ими. Потом на животноводческих фермах бываем, тоже работаем! Если ты в теории силен, а на практике ничего сделать не можешь, все равно пятерку не получишь, в институт не примут.

— А... а в школе мастерские есть? — срывающимся

голосом спросил Вася, мгновенно вспомнив свою школу, товарищей и все, что с ним произошло.

— Конечно, есть! Там и учатся вначале, а потом на фабриках, рудниках, заводах, в МТС. В восьмом классе сдают вождение автомашины, а в девятом уж выбирают основную профессию...

— Лена! — крикнул дедушка. — Мама беспокоится: куда ты нашего гостя дела?

— Сейчас, сейчас! — откликнулась Лена и потащила за собой Васю. — Пойдем обедать. А вообще, когда я читаю старые книги про школу, так мне кажется, что у нас лучше.

Вася уже не слушал Лену. Он опять задумался над своей судьбой. Теперь она вырисовывалась не такой уж мрачной. Техники он не боится. И еще он подумал про Лену, что она толковая девочка, толковее многих мальчишек. Ничего не боится. Технику любит. Все понимает. Это здорово...

Но в следующую секунду Вася спохватился, что думать о ней слишком долго было бы не совсем серьезно. Ведь он все-таки мужчина. С какой стати думать о девчонке! И чтобы заставить себя не думать о ней, хоть ему все время думалось, он тихонько вздохнул и сурово нахмурил свои выгоревшие, редкие брови: ему казалось, что, когда хмуришься, сила воли прибавляется. А сейчас ему прежде всего нужна сила воли. Без нее не справишься с трудностями в каком угодно году и в какой угодно обстановке.

Глава шестнадцатая

БИОМЕХАНИКА

Сила воли помогла Васе Голубеву в первые же минуты обеда.

В столовой собралось все семейство Масловых: дедушка, жена его сына Валентина Петровна, Лена и Женька.

Их отца — техника автобазы Александра Евгеньевича — дома не было: он уехал на завод за новыми автомобилями. Взрослые спокойно, даже равнодушно показали Васе свободный стул. Вася вспомнил, что мама учила его никогда не садиться до тех пор, пока не сядут взрослые. Вася так и сделал. Он скромно стоял, слегка нахмутив брови, у своего стула и старался ни на кого не смотреть. Лена и Женька, конечно, немедленно уселись на свои места и потянулись к тарелкам с салатом и селедкой. Валентина Петровна немедленно отметила это.

— Лена! Женя! — сказала она укоризненно. — Ну, когда вы научитесь вежливости? Дедушка еще не сел за стол, а вы уже за салат. Нужно быть более сдержанными. Вот поучитесь у Васи.

Да, как это ни удивительно, хоть и через пятьдесят лет, но Васино поведение все-таки было поставлено в пример. Вот что значит сила воли!

Взрослые сели, и тогда уселся и Вася, сжав ладони коленками. Валентина Петровна спросила:

— Ты салат любишь? А селедки тебе положить?

Честно говоря, Вася, конечно, хотел и селедку и салат. Да что там салат! Хоть бы до хлеба добраться... Но он понимал, что находится в гостях. А мама не раз учила его, что в гостях не следует набрасываться на еду, и поэтому он промышчал что-то такое, что можно было понять и как «Да, пожалуйста» и в то же время как «Нет, благодарю вас».

Валентина Петровна сразу же поняла Васю и взяла его тарелку. Женька ехидно и в то же время как будто бы невинно сказал:

— Мама, он же не будет есть морского салата.

— Почему? — удивилась Валентина Петровна. — У него же очень своеобразный вкус.

— У салата, конечно? — спросил Женька.

— Да, разумеется. Ведь я еще не знаю Васиных вкусов.

— Ну вот видишь! А предлагаешь морской салат... Ты знаешь, что это такое? — наклонился Женька к Ва-

се. — Это всякая морская трава: водоросли, морская капуста, морские огурцы, морские помидоры — их недавно вывели. И всякое такое... С непривычки никак не лезет.

— Не говори глупостей! Китайский салат — очень вкусное и полезное блюдо.

— Ну, смотри сама, мама, — скромно потупил глаза Женька. — Морской салат нравится не всем...

Валентина Петровна пожала плечами и, постучав ложкой по тарелке, спросила у Васи:

— Ну как? Положить или не нужно?

Вася растерялся. Салат, конечно, всегда был вещью вкусной. Но морской? Из водорослей? Он никогда не слышал, чтобы водоросли ели, да еще какие-то там морские огурцы и помидоры. Но раз едят все...

Впрочем, дедушка не положил себе салата. Он привык к старой пище и морские салаты, видно, недолюбливает. Значит, и Васе стоило бы вначале присмотреться, а то съешь какой-нибудь ерунды, а потом хорошего, знакомого не захочется.

— Так положить или нет? — опять спросила Валентина Петровна.

Дедушка хитро щурился. Лена молчала. Женька беззаботно ковырялся в тарелке. Надо было решать самому. Сила воли еще не оставила Васю. Он взял себя в руки и решил сманеврировать:

— Скажите, а это действительно китайский салат?

— Ну конечно! В Китае очень любят различные съедобные морские водоросли. Они очень полезны.

Это был опасный ответ. Многолетний опыт подсказывал Васе, что, как только взрослые начинают говорить о полезности какого-нибудь блюда — оно наверняка невкусное, а порой даже противное. Но китайцы... Если они любят, то почему это может быть невкусно? Ведь нельзя же поверить, что в Китае вместо компота подают касторку или рыбий жир... А ведь они полезны.

— Да, — твердо, но все-таки ощущая, как ёкнуло

сердце, сказал Вася. — Положите мне немного... — Он подумал и добавил: — Пожалуйста.

Дедушка удивленно посмотрел на Васю, слегка крикнул и покачал головой. Лена едва заметно улыбнулась — поощрительно и ласково. Женька сделал вид, что Васино решение его не касается.

Китайский салат на первых порах показался Васе странным — от него чуть-чуть пахло йодистым простором южных морей. Он был слегка кисловат, чуть-чуть сладковат, немножечко отдавал перцем и еще чем-то таким необычным, что Вася даже жевать перестал.

Это немедленно заметили сидящие за столом. Дедушка хитро улыбнулся. Женька довольно ухмыльнулся. Лена тревожно нахмурилась.

Но прежде чем окончательно разобраться, чем все-таки пахнет салат из морских водорослей и овощей, Вася решил: салат просто вкусный. Он молча доел свою порцию и, уже понимая, что старания Женьки его подкузмить не удалось, решил отомстить ему. Он поднял свою тарелку и обратился к Валентине Петровне:

— Будьте добры, положите мне еще немного морского салата. Он, оказывается, не только полезный, но и вкусный.

— Ну что! — торжествующе воскликнула Лена и толкнула Женьку. — Съел? Вечно всем настроение портишь!

Если не считать этого происшествия, то обед в семье Масловых проходил спокойно. На первое были отличные щи из свежей капусты, а на второе — оленье мясо по-турецки: с перцем, с черносливом и прочими вкусными приправами. Но когда наконец на столе появилось третье — фрукты, — Вася удивился. Какие тут были плоды! И желтоватые изогнутые бананы, о которых Женька сейчас же сказал, что они мыльные, и огромные, как хорошая слива, вишни нового сорта «Полярная», и великолепные сливы, груши и яблоки, окружавшие огромный, покрытый коричневыми чешуйками ананас, и еще какие-то необыкновенные, не виданные Васей фрукты. Как ни

странно, но больше всех обрадовался вкусным плодам дедушка. Он довольно потирал руки, щурился и наконец сказал:

— Это ты все ел, наверно, а вот мангуса ты еще не пробовал. — Он протянул Васе круглый, чуть побольше яблока, зеленоваторозовый плод. — Только кожуру очисти.

Вася с некоторой опаской взял невиданный фрукт.

Кто его знает, этого дедушку: морской салат ему не нравится, но ведь он вкусный. А может быть, этот самый мангус какая-нибудь кислятина...

Но мангус оказался очень вкусным — нежным, сладким и в то же время с приятной кислинкой. Он так и таял во рту, освежая его, словно там вырос целый цветник, — таким он был душистым.

— Во-от, брат! Нравится? Это у нас в оранжерее не сплошали и вывели новый сорт — мангус «Арктический». А ведь раньше он рос только в тропических странах и был настолько нежным, что его даже перевозить было трудно: портился. А мы вот сумели вывести свой сорт.

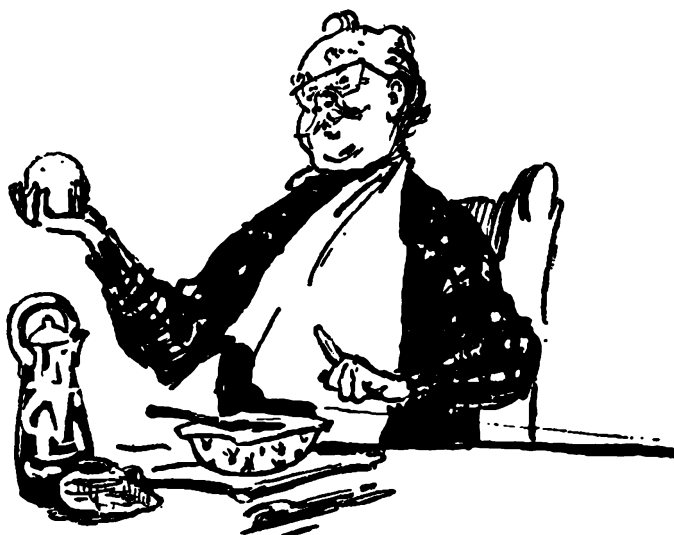
Дедушка говорил с такой гордостью, что Вася не мог не спросить у него:

— В какой это вашей оранжерее?

— Ну, в нашей, где я работаю.

— Так ты... — изумился Вася и поэтому слегка ошибся. — Так вы работаете садовником?

— Да нет... Видишь ли... ну, когда тебя перевели в женскую школу, кружок «Умелые руки» почти совсем заглох.

Но зато у нас появилась такая учительница биологии, что мы сразу записались все в юннаты. Вот, брат, понимаешь, биология так захватила, что в результате я и работаю теперь механиком по искусственному климату в нашей оранжерее.

— Что же вы там делаете?

— Как — что? Создаю искусственный климат. Теплый или холодный, тропический или умеренный. Полярный день или экваториальную ночь — все, что хочешь. Потом, конечно, электронное воспитание растений — это тоже на моей ответственности. Вообще очень интересно. Тут тебе и физика, и химия, и механика, а все вместе — биология. Меня так и называют: биомеханик. Вот для мангусов я климат разрабатывал. И теперь видишь — весь район снабжаем. А бананы или ананасы — так это для нас просто чепуха. Высадили их из оранжереи в грунт, создали вокруг посадок микроклимат, поливаем их особыми растворами — ростоувеличителями, облучаем всякими лучами, и растут они лучше, чем в Мексике. Понимаешь, недавно мы новый сорт вывели — так за саженцами из Канады прилетали! Вот, брат, что такое биомеханика!

— Папа, — сказала Валентина Петровна, — но ведь дело не только в механике.

— Знаешь, Валя, я не люблю возражений. Никакая современная биология без механики быть не может.

— Ну хорошо, хорошо. С тобой спорить нельзя... Но тебе, Вася, я скажу, что дело, конечно, не только в механике.

— Нет в ней! — упрямылся дедушка. — Вот пойдем в оранжерею — сам увидишь.

Вася не стал спорить.

Впервые ему показалось, что бывший Женька Маслов, а ныне биомеханик, прав.

Все-таки выращивать ананасы или вот эти мангусы на вечной мерзлоте — дело не легкое. Главное в этом деле, наверно, не биология, а механика. Впрочем, об этом стоит подумать...

Начиная думать, Вася взял огромную вишню и, забыв, что в ней, в отличие от мангуса, есть косточка, стал ее жевать и сейчас же вскрикнул: вишневая косточка попала на больной зуб. Он невероятно заныл. Из глаз сами выскочили две слезинки. Женька немедленно вмешался:

— Что, опять зуб?

Вася вынужден был смолчать. Он сморщился и схватился рукой за щеку. Валентина Петровна и дедушка переглянулись.

— Знаешь что, Вася, все равно тебе нужно обязательно показаться врачам. Они, по-моему, уже поджидают тебя. Так что поедem в поликлинику и сразу же решим вопрос с зубом.

Что ни говорите, а хождение к врачам во все времена и у всех народов не считалось самым долгожданным удовольствием. А тем более — к зубным врачам. В другое время и в другой обстановке Вася, конечно, отказался бы от этой прогулки. Пусть лучше болит этот чертов зуб — поболит, поболит и перестанет. Но зато его не будет лечить врач, который, когда боль станет такой, что хоть на потолок прыгай, не преминет сказать: «Ну вот, молодец! Настоящий мужчина. Еще немного — и конец».

Но вся беда в том, что Вася был не в той привычной далекой обстановке, а в этой новой и еще не совсем разгаданной. Кроме того, рядом сидела сочувствующая Лена и ехидно-торжествующий Женька. В этих условиях нужно было сразу же показать всем, что ты настоящий мужчина, что ты не боишься ничего на свете. Даже зубного врача.

Обо всем этом Вася, конечно, ничего не сказал, но при мысли о зубном враче его светлые и безгрешные глаза несколько затуманились. И дедушка, кажется, понял его грусть:

— Ничего не поделаешь, брат. Нужно — значит, нужно.

Тут Вася окончательно понял, что зубного врача ему не избежать, но выхода у него не было....

НОВАЯ РОЛЬ СТАРОГО ЗНАКОМОГО

Поликлиника как поликлиника — стены белые, блестящие. Чистота, сложные запахи лекарств, озабоченные и неприступные на вид врачи, сестры и прочие медицинские работники. И кабинет зубных болезней, куда вначале попал Вася Голубев, наивно полагая, что на этом и окончится его посещение поликлиники, был тоже обычным и несколько скучным: блестящие шкафы из никеля и стекла, тяжелые кресла, сложные машины с опасно длинными, гибкими шлангами. Зубной врач сейчас же воспользовался одним шлангом, и Вася, уже по опыту зная, к чему приводит знакомство с ним, вцепился в поручни кресла и мысленно решил:

«Будь что будет, а я не крикну».

Но решительности хватило ненадолго. Чернявый толстенный врач поковырялся в зубе и, обращаясь к дедушке, сказал:

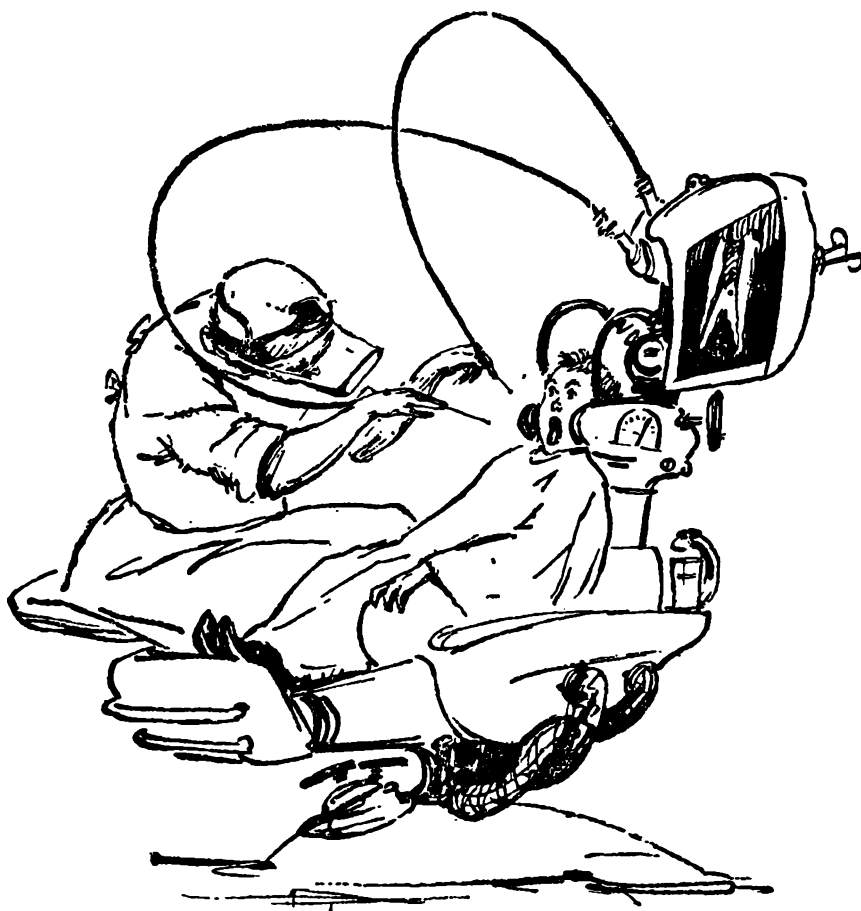
— Зуб у него, конечно, неважный, но, думается, удалять его не следует. Эмаль в основном цела, так что лучше запломбировать. Как вы думаете?

Дедушка кашлянул и не совсем решительно ответил:

— Да, конечно... Хотя, знаете, на эмаль надейся...

— Ничего, — успокоил врач, — мы ее укрепим... Ну-с, молодой человек, — обратился врач к Васе, — сейчас мы приступим к операции. Постарайтесь думать о чем-нибудь приятном. Например, о пломбировке.

С этой минуты Васина решительность исчезла. Если уж врач рекомендует думать о приятном, значит, впереди только неприятное. Вася хотел было сказать, что лучше вырвать зуб, чем пломбировать его, потому что во все времена не было неприятней минут, чем те, когда вам сверлят зубы. Но Вася не успел сделать этого: врач уже засунул ему в рот новый шланг. Внутри зуба что-то мелко-мелко затрепетало. Этот странный трепет распространился все глубже, но он

не вызывал ни боли, ни даже неприятного ощущения, а, наоборот, как будто успокаивал. Но Вася стойко не поддавался успокоению и ждал момента, когда сверло поглубже врежется в зуб и с противным скрежетом доберется до нерва. Тогда придется подскочить, замахать руками и ногами и, конечно, замычать.

Но время шло, врач то и дело менял шланги, потом стал что-то делать с зубом с помощью иголок, лопаток и еще каких-то инструментов. Уже давно ныли скулы, уже много раз приходила и уходила решительность, а боли все не бы-

ло. Даже мелкий трепет исчез давным-давно. Вася все ждал неприятности, но врач неожиданно сказал:

— Ну-с, вот и все, молодой человек. Ввиду того, что вы так долго думали о пломбировке, запрещаю вам употреблять его целых два часа. Выдержите?

Еще не вполне веря своей удаче, Вася кивнул головой, но все-таки спросил:

— И это все? Уже запломбировали?

— Да, разумеется. Вы, конечно, ждали худшего?

Вася чистосердечно признался, что он ждал много худшего. Врач рассмеялся:

— Ах, молодой человек, молодой человек! Вы же почти взрослый, а живете все еще старыми представлениями... Вот к чему приводит несовершенство школьной программы! — обратился он к дедушке. — Ребята боятся зубных врачей, не ходят к ним вовремя и портят из-за этого зубы. А почему? Потому, что в школе уважаемые преподаватели физики не растолковывают им практического применения ультразвука... Вы понимаете, молодой человек, что мы теперь действуем с помощью ультразвука. Он не только сверлит пульпу зуба лучше, чем любое сверло, но он одновременно и совершенно безболезненно убивает больной нерв. Происходит, так сказать, автоматическое обезболивание. Я теперь представляю, как вы, ничего не зная о наших методах лечения, волновались! И, как видите, напрасно.

Прощаясь с зубным врачом, Вася не знал, чему удивляться: уже старому знакомому — ультразвуку, который ловит рыбу, лечит зубы и, вероятно, делает еще немало иных дел, или неожиданно хорошему настроению дедушки. Он улыбался, часто потирал руки, похлопывал Васю по плечу. Можно было подумать, что это ему вылечили больной зуб.

— Ну вот, теперь тебя осмотрят другие врачи — и все будет в порядке.

— Какие еще врачи? — опешил Вася.

— Так, видишь ли... ты все-таки вроде бы как воскрес, и им, знаешь ли, очень интересно посмотреть на тебя. Заме-

тив нетерпеливый жест Васи, дедушка вдруг рассердился. — Ты не задавайся очень! Нужно уважать старших — им это для науки требуется. И вообще, если удалось тебе воскреснуть, так это не значит, что ты уже от врачей застрахован.

Спорить не приходилось — не потому, что Вася не мог не подчиниться дедушке: в конце концов он все-таки только Женька Маслов и с ним еще можно поспорить, — но дело касалось науки...

Вася вздохнул, искоса посмотрел на дедушку и согласился.

Глава восемнадцатая

УЧЕНЫЙ СОВЕТ

Они прошли по чистым коридорам и наконец попали в небольшой зал. От невысокой не то сцены, не то просто настила вверх полукругом уходили ряды полированных столиков. За ними уже сидели какие-то люди. Когда Вася и дедушка вошли в зал, люди эти примолкли и уставились на мальчика. Он слегка смутился, но, призвав на помощь всю свою выдержку, стал внимательно присматриваться к окружающему.

Над сценой-настилом висел экран. Возле него стояли какие-то странные машины, свешивались шланги и лампы. Окон в зале не было, а мягкий, приятный для зрения свет струился неизвестно откуда. Васю медленно, но настойчиво окружал целый взвод седовласых, русых, лысых, черноволосых, худых и толстых людей в белых шелковистых халатах и белых шапочках, которые придавали людям очень ученый и даже несколько устрашающий вид. Среди них выделялся смуглый старичок с пронзительными глазами. Он первый пожал Васину руку и с легким, чуть сюсюкающим акцентом представился:

— Меня зовут Ли Чжань. А тебя — Вася?.. Очень хорошо...

Еще не совсем понимая, что же в этом хорошего, Вася решил, что перед ним китаец, и подумал:

«Какой он? Наш, русский, китаец или оттуда, из Китая? — Но, поразмыслив логически, решил: — Нет, наверно, китайский китаец. Он уже старенький. Если бы он жил все время у нас, он бы говорил по-русски без акцента».

Потом Вася знакомился с другими учеными-докторами и с удивлением отметил, что многие из них говорили по-русски с большим трудом. Но задуматься над этой странностью он не успел, потому что в зал вошли высокие смуглые люди в легких развевающихся одеждах. Вася без труда отгадал, что это пришли индийцы. Их сейчас же окружили другие врачи, и они стали оправдываться:

— Пришлось делать крюк. Над Тибетом сильные магнитные бури. Кроме того, мы залетали за бирманскими товарами.

— Да, что-то в этом году слишком много всяких бурь! — покачал головой Ли Чжань. — Наши австралийские и американские коллеги задержались в Индонезии... Ну, я думаю, что мы не будем откладывать конференции? Я думаю, что можно организовать им телепередачу.

Самый молодой из всех присутствующих на конференции — высокий, белокурый, подчеркнуто аккуратный и чистенький врач, — как бы в знак одобрения наклонил голову. В то же время в его глазах мелькнула искорка превосходства, точно он знал нечто такое, чего не знал никто. И эта чистоплотность, и это сознание собственного превосходства показались Васе странно знакомыми. Уже наученный горьким опытом, он подумал было, что перед ним еще один из его выросших соучеников, но потом отбросил такие мысли: аккуратный врач был слишком молод для того, чтобы учиться с Васей. Молодой врач едва заметно улыбнулся и ответил Ли Чжаню:

— Хорошо. Я организую телепередачу. Я думаю, что следует организовать обоюдную?

— Да-да, конечно! — поспешно и как будто виновато сказал Ли Чжань.

— Хорошо. Я организую обоюдную, — сказал молодой врач.

Он собрался было уйти, потом озабоченно посмотрел на Васю, подумал и улыбнулся.

— А вам, наш юный гость, придется заняться делом: заполнять анкеты. Вы... вы умеете писать? — спросил молодой врач совершенно серьезно.

Ну, всего ожидал Вася, только не такого по меньшей мере странного вопроса. Неужели этот белокурый красавчик думает, что полвека назад жили только дикари, которые даже писать не умели? Вася хотел было возмутиться, но потом подумал: заполнять анкеты — дело не очень интересное. Может быть, это лучше сделают другие?.. Но врать он не стал, а только скромно потупился. Врач кивнул головой, и на его красивом, тщательно выбритом лице опять мелькнула улыбка превосходства.

— Ну ничего, — сказал он, — это дело поправимое. Я сейчас организую заполнение анкет.

Он ушел, и вскоре в зал вошла регистраторша в белом халате. Поджав тонкие губы, она так сердито посмотрела на ученых-докторов, точно они уже мешали ей работать. Она села за стол, подозвала Васю и громко, как учительница, которая спрашивает правило у неуспевающего ученика, окликнула Васю:

— Мальчик, как твоя фамилия? Имя? Отчество? Национальность? Место рождения?..

Вася Голубев терпеливо и довольно вежливо отвечал на эти привычные вопросы, и регистраторша, не глядя на него, строчила вечной ручкой по бумаге. Все шло как по маслу. Но вот регистраторша задала новый вопрос:

— Год твоего рождения?

Вася несколько помедлил, и она подсказала:

— Ну, возраст? Сколько тебе лет?

— Год моего рождения тысяча девятьсот сорок второй. Мне... тринадцать лет... — голос у Васи чуть дрогнул.

Регистраторша сначала написала ответ, потом задумалась, недоверчиво покосилась на анкету, потом на Васю,

потом снова на анкету. Наконец она убрала одну из многих прядок седеющих волос под белый колпачок и сердито сказала:

— Нужно отвечать точно: не тысяча девятьсот сорок второй, а тысяча девятьсот девяносто второй. Не маленький.

— Видите ли... я действительно родился в тысяча девятьсот сорок втором, — как можно спокойней и вежливей ответил Вася.

— Послушай, Василий Голубев, я работаю, а не разгадываю вопросы из школьной математической викторины. Если тебе тринадцать лет, то ты мог родиться только в тысяча девятьсот девяносто втором.

— Но, видите ли...

— Не морочь мне голову, я все вижу отлично!

— Да я вовсе не морочу! — обиделся Вася. — Если в вашей анкете нужно писать правду, тогда вы запишите, что я родился в тысяча девятьсот сорок втором. А если в анкету все равно, что записывать, — тогда пишите хоть тысяча девятьсот девяносто второй год, хоть какой сами хотите. Мне все равно. Я от этого не помолодею.

— Ты просто невоспитанный мальчишка, который не уважает старших! А еще, наверно, пионер! — сердито сказала регистраторша.

«Ну что ж... — подумал Вася, услышав знакомую сказку. — Ведь многие взрослые, когда они не хотят понять ребят, обязательно обвиняют их во всех страшных грехах и прежде всего в невоспитанности, причем обязательно прибавляют: «А еще пионер!»

И возмущенный Вася ответил:

— Вот потому, что я пионер, я и говорю правду!

Регистраторша стала багроветь, и, вероятно, Васе пришлось бы туго, но ему на помощь пришел дедушка.

— Он действительно родился в тысяча девятьсот сорок втором году, — сказал он регистраторше.

— Послушайте, гражданин, не морочьте мне голову! Если вы знаете арифметику, так вы сами поймете, что если

Он действительно родился в тысяча девятьсот сорок втором году, то, значит, сейчас ему шестьдесят три года. А вы посмотрите на него: разве ему можно дать шестьдесят три года?! Ведь каждый скажет, что Вася Голубев — ребенок! Да он и сам не отрицает этого. Он же сам говорит, что ему тринадцать лет.

Дедушка потер лысину, покачал головой и на всякий случай осмотрел Васю. Нет, никто бы не сказал, что мальчику уже идет седьмой десяток.

— Все это верно, конечно, — протянул Маслов. — Но вы понимаете, что случилось...

Дедушка вкратце попытался рассказать Васину историю. Но она не взволновала регистраторшу. Она думала не о Васиной судьбе, а о правильном ответе на анкетный вопрос. Поэтому она сказала:

— Ну и что же? Все правильно. Даже если он и не жил пятьдесят лет, так ему все равно тринадцать лет. Так мы и запишем, тринадцать! Но... но, позвольте... тогда, как же быть все-таки с годом его рождения?

Регистраторша первый раз растерялась и почти с ужасом посмотрела на Васю. Смотрели на него и многие ученые, которых невольно привлек громкий и строгий голос регистраторши. Она сказала:

— Я действительно ничего не понимаю... Ведь если он родился в сорок втором году, значит, по всем правилам ему шестьдесят три года. Но ему тринадцать. Значит, он родился в девяносто втором, но в этом году он даже не жил. Ничего не понимаю!..

— Позвольте, — вмешался один из ученых-врачей. — Здесь, видимо, нужно применить не арифметику, а алгебру... Я, правда, не занимался ею уже лет сорок, но все-таки попробуем. Запишем условия задачи. Вася Голубев прожил тринадцать лет. Так. Это, значит, его актив. Плюс тринадцать. Положительное, так сказать, число. Потом он не жил целых пятьдесят лет. Поскольку он не жил эти годы, то логически это будет отрицательное число: минус пятьдесят. Понимаете? Теперь мы складываем, сколько он жил

и сколько он не жил... Та-ак... Плюс тринадцать плюс минус пятьдесят... Итого получается... — Ученый-врач вдруг покраснел, побледнел и почти закричал: — Так ведь получается нечто необыкновенное — человек с отрицательным возрастом! Оказывается, Васе Голубеву в данный момент минус тридцать семь лет! Но ведь этого не может быть!

Ученые-доктора, конечно, поняли, что человека с минусовым возрастом быть не может. Таким образом, не только арифметика, но и алгебра спасовала перед задачей, которую невольно задал Вася ученым.

Доктора некоторое время глубокомысленно молчали, потом вдруг зашумели. Случай этот непосредственно не касался их специальностей, но он все-таки заинтересовал их. Одни рассуждали так:

— Голубев родился в тысяча девятьсот сорок втором году. Значит, арифметически ему шестьдесят три года. Но мы все видим, что ему тринадцать лет. Арифметика зачеркивается. Алгебра результата не дает. Значит, на помощь нам может прийти только логика...

Другие возражали:

— Какая же здесь может быть логика? Раз он жил на земле, значит, ему шестьдесят три года. Это же очень просто.

— Нет, не так просто. Жить — это значит расти, стариться — словом, жизнь — это движение. А Вася Голубев не рос, не старился, не двигался. Значит, он не жил. Ведь так, если рассуждать логически? А если это так, то нужно признать, что алгебра права. Но та же логика не позволит нам признать возможным появление человека с минусовым возрастом. Так что и логика отказывается.

Ученые-доктора думали. Вася молчал. Дедушка краснел так, словно он был виноват в том, что Вася невольно задал всем такую невероятную задачу. Не растерялась только регистраторша.

— В конце концов, меня это не касается, — решительно сказала она. — Раз он действительно родился в тысяча

девятьсот сорок втором году, так мы и запишем. А потом кому нужно — разберутся.

Мудрое решение пришлось всем по нраву. Ученые-врачи облегченно вздохнули:

— И в самом деле. Нам ведь важно выяснить не его возраст, а установить те изменения в его организме, которые могли возникнуть в результате длительного пребывания в условиях минусовых температур в течение длительного периода времени, а также установить, по возможности точно, причины его... ну... так сказать, оживления, или, точнее, возвращения в нормальное состояние...

Вася упрямо молчал. Он еще не мог понять: с каких пор относительные числа перенесены в алгебру? Может быть, так требует новая программа? А может быть, настоящая алгебра поможет ему установить собственный возраст? И он, кажется, в первый — но, как потом выяснилось, не в последний — раз пожалел о том, что так мало и так поверхностно знает математику.

О логике он почему-то не вспомнил...

Вопрос как-то сам по себе несколько отодвинулся, и Вася подумал:

«Поскольку я отстал от этих людей на полвека не по моей вине, я обязан учиться, чтобы догнать их. А для того, чтобы учиться, нужно спрашивать...»

Однако ему показалось не совсем удобным задавать вопросы таким серьезным и таким ученым людям. Трудно сказать, как они посмотрят на это. Ведь врачи никогда не отвечают на вопросы. Они всегда только сами спрашивают: «Не болит ли горло? Покажите язык. Вдохните, выдохните. Здесь болит?.. А здесь?.. А вот так больно?»

И на все нужно отвечать. Но когда врачу задаешь совершенно ясные вопросы: «А когда я выздоровею?» или «Когда мне можно будет выйти на улицу?» — следует покровительственный ответ: «Все в свое время. Полежитесь, молодой человек, полежите, а там будет видно. И зачем вам спешить? Разве дома плохо? Книжки есть, чего вам еще нужно?»

Попробуй растолкуй, чего еще нужно! И сразу станет понятным, что только глупый человек может задавать такие дурацкие вопросы.

А перед Васей сидели не какие-нибудь, а ученые-врачи. В такой обстановке, прежде чем задать вопрос, подумаешь и подумаешь.

Но пока Вася думал, он все сильнее хмурил свои светлые брови. Чем ближе они сходились над переносицей, тем больше в Васе накапливалось силы воли. В таком состоянии Вася долго находиться не мог. Он вначале покраснел и попыхтел от напряжения, а потом очень вежливо и не слишком громко спросил:

— Простите, пожалуйста, но меня интересует один вопрос. Не могли бы вы ответить мне на него?

Первым с живостью обернулся Ли Чжань:

— Пожалуйста, мой друг. Мы охотно ответим тебе на все твои вопросы.

— На чем летели товарищи индийцы, если им мешали магнитные бури? И почему не могли прилететь американцы?

Среди ученых-докторов прокатился шумок. Они задвигались на местах, как ученики в классе, когда учитель наконец прочел условие задачи. Послышался приглушенный шепот, странные, оканчивающиеся на «ус» слова. Ученые переглядывались с Ли Чжанем, а он — с ними. И в эту очень неприятную, напряженную минуту к Васе подошел дедушка и, заикаясь от уважения к ученым-докторам, сказал:

— Мне кажется, что ему... — дедушка ласково обнял Васю за плечи, — ему нужно рассказывать все так, как есть на самом деле.

— Вы уверены? — строго и в то же время заботливо спросил Ли Чжань. — Вы проверяли?

— Видите ли... — Дедушка от волнения прижал к груди руки. — Видите ли, раз он живет в современной среде, в современном обществе, он не может быть отгорожен от их влияния. А он совершенно нормальный человек, и ему все

интересно. Значит, ему лучше всего сразу все объяснить. Тем более, что многое он и так знает — ведь он в свое время был старостой кружка «Умелые руки» и занимался вопросами техники будущего.

Это сообщение дедушки ученые-доктора восприняли несколько настороженно, но все-таки с должным вниманием. Шум движения и шепот в их рядах стал утихать. Тогда один из индийцев спросил:

— А вы уверены, что преждевременное раскрытие всех особенностей техники нашего общества не нанесет ему психической травмы?

Вася опять насторожился: ему попало совершенно новое слово — «травма». Видимо, и дедушке это слово было не совсем знакомо, потому что он на мгновение задумался, но потом твердо ответил:

— Да, я в этом уверен.

— Ну что ж... — сказал Ли Чжань. — Я думаю, что мы проведем первый опыт и разъясним Василию Голубеву его вопрос. Вы не возражаете? (Ученые не возражали.) Индийцы, как и многие другие из присутствующих, прилетели на эту нашу научную конференцию на специальных, очень быстрых самолетах. Вас удовлетворяет этот ответ, молодой человек?

— Нет, — честно и немного обиженно ответил Вася. — Не удовлетворяет.

— Почему? — удивился Ли Чжань.

— Потому что самолеты бывают разные, — твердо сказал Вася. — Я знаю, что были самолеты, которые летали со скоростью, превышающей скорость звука. Я читал — и мне рассказывал папа, и потом на вечере в нашей школе летчики, — что звуковой барьер преодолеть было очень трудно. Но его преодолели. И тогда реактивные самолеты с газовыми турбинами, нагнетающими воздух, полетели быстрее звука. Но летели они все-таки не очень высоко. Не дальше начала стратосферы.

— А-а!.. — радостно улыбнулся Ли Чжань, и вместе с ним улыбнулись все ученые-доктора. А дедушка засмеял-

ся. — Теперь мне понятно, что мой ответ вас действительно не может удовлетворить. Ну хорошо. Я исправлю свою ошибку. Видите ли, Вася Голубев, ракетные самолеты есть и до сих пор — правда, они несколько изменились. Но сейчас основным видом воздушного транспорта являются атомные самолеты. Они бывают грузовые, пассажирские, скоростные. Каждый тип самолетов используется по назначению и имеет свои преимущества и свои недостатки. Я надеюсь, что вы избавите меня от изложения подробных характеристик всех типов атомных самолетов?

Вася милостиво избавил ученого-доктора от этого изложения, хотя и пожалел об этом, но потом подумал:

«Понятно. Когда доктора спрашивают, им обычно подробно отвечай. А когда им задаешь вопросы, они освобождаются от изложения подробностей».

Китайский ученый искоса посмотрел на снисходительного пионера и, улыбнувшись, продолжал:

— Так вот, молодой человек. А самолеты летают теперь со скоростью в три—четыре тысячи километров в час. Они снабжены такими приборами, которые дают им возможность садиться на любом аэродроме в любую погоду и в любое время года и суток. Но в силу некоторой несовершенности современной техники, и на приборы, и на их моторы влияет не погода, а невидимые простому глазу магнитные бури, иногда возникающие в атмосфере. Еще больше влияют и мешают космические бури. Дело в том, что в межпланетных пространствах то и дело происходят атомные катастрофы и взрывы. Кроме того, на космические бури все еще очень сильно влияет солнце, на поверхности которого также все время происходят атомные взрывы. На поверхности земли магнитные и космические бури не так страшны, потому что их в значительной степени утихомиривают различные слои атмосферы. А так как атомные самолеты летают на очень большой высоте: тридцать — сорок — шестьдесят километров, где сопротивление воздуха ничтожно, то они испытывают на себе удары всех этих бурь. Вам теперь понятно, Вася Голубев?

— Да, благодарю вас. Теперь почти понятно.

— Только почти? — удивился доктор. — Но, честно говоря, я не смогу вам сообщить большего. Для этого потребовался бы специалист.

— Ну хорошо, — сказал Вася. — Главное-то я все-таки понял.

В зал вошли новые люди. Они вкатили сложные на вид приборы с широкими раструбами и блестящими юпитерами, от которых тянулись провода. Закончив подключение, они зажгли юпитеры, покрутили какие-то ручки на приборах и бодро доложили:

— Двусторонняя телерадиосвязь с Индонезией установлена!

Молодой врач, который тоже пришел с радиотехниками, предложил:

— Давайте начнем конференцию!

Начались скучные разговоры. Васю крутили во все стороны, выслушивали, выстукивали, и он, ошеломленный новыми и, пожалуй, самыми сложными передрыгами за все последнее время, покорно вздыхал, ложился, вставал, показывал язык и говорил «а», попутно отвечая на десятки самых невероятных и, с его точки зрения, пустых, порой даже и неприличных вопросов. Дедушка — Женька Маслов мужественно отражал натиск ученых, добросовестно рассказывал всю прошлую жизнь Васи, хвалил его за то, что он был самым лучшим конструктором в школьном кружке «Умелые руки» и даже отлично учился.

Надо сказать, что здесь Маслов покривил душой: как известно, Вася Голубев имел и тройки и даже двойки, которые, правда, не определяли оценок в четвертях, но тем не менее в тетради попадали. Но дедушку можно было извинить: ведь каждому пятикласснику кажется, что в шестом классе все учатся замечательно и стоит ему самому перейти в шестой класс, как и он, конечно, станет отличником.

И еще нужно сказать: Васе Голубеву показалось, что дедушка употребил не вполне приличное слово — «фантазер». Ведь в переводе на язык нормального школьника оно звучит, как «враль», или «врун», или (когда этого не слышит учительница русского языка) «трепач». Но ведь это могло и показаться...

Кажется, дело подходило к концу. Но молодой врач безжалостно предложил:

— Приступим к внутреннему осмотру!

«Как же это они начнут осматривать меня изнутри? — не без робости подумал Вася. — Ведь не вздумают же они меня резать?»

Но резать его никто не собирался. В комнате погас свет, и экран на стене вспыхнул мерцающим, розовато-синим светом. Молодой врач навел на Васю один из шлангов. Из репродуктора вдруг раздался голос:

— Свейтить бронхи!

Вася вопросительно посмотрел на дедушку, и тот шепнул ему:

— Это, видно, американец просит. Он же по телерадио все видит и слышит.

Васю попросили повернуться спиной. Перед его глазами оказался экран. Он посмотрел на него и обмер. На экране светились, дышали, бились, двигались все его внутренности. Он видел, как сжимается и разжимается его сердце, видел, как вздыхают сероватые легкие, как бежит в жилах ярко-красная кровь. Он видел все в красках, в цветах и не просто в натуральную величину, а в значительно увеличенном виде.

Так вот почему ученые даже не поднялись с мест! Они пользовались цветным, объемным рентгеновским аппаратом. Кто-то по радио попросил:

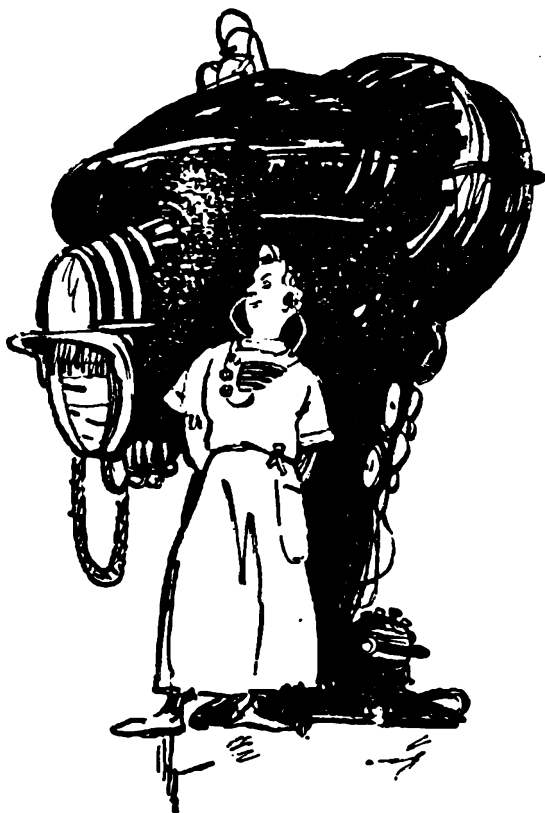
— Включите сердечные шумы.

О, это было что-то совершенно невероятное! Вася услышал, как стучит его сердце, стучит так, что его можно было услышать даже за сто метров.

Ученые в зале и ученые в далекой Индонезии изучали состояние Васиного организма с такой точностью, что ошибка в их оценке быть не могло. И все-таки, когда длительный внутренний и внешний осмотр окончился, ученые вдруг стали спорить. В спор вмешивались и те, что были за океаном, и, как потом оказалось, и африканские ученые, которые просто не успели прилететь, но были извещены о конференции. Все забыли о Васе, и он примостился на диванчике. К нему подошел дедушка, крикнул и присел рядом. Прислушиваясь к спору ученых, он с уважением сказал:

— Вот, брат, как разговорились! И, понимаешь, всё по-латыни! Так и режут, так и режут! Да, на латынь надейся, а сам не плошай.

Вася следил за молодым врачом, который почти не участвовал в споре. Он стоял на сцене, заложив руки за спину, выпрямившись, и на его лице играла легкая улыбка собст-

венного превосходства. Она почему-то показалась Васе такой неприятной, что он спросил:

— А кто этот задавака?

— Это? А ты не знаешь? — хитро улыбнулся дедушка.

— Не-ет...

— Это, брат ты мой, сын Сашки Мыльников. Да... Вот стал врачом.

— Сын... Сашки Мыльникова?.. Значит, он жив?!

— Ну как же! Известный поэт.

— Он и сейчас пишет?

— А как же?.. Товарищ Мыльников! — окликнул дедушка молодого врача. — А что пишет сейчас ваш отец?

Мыльников-младший выпрямился и с гордостью, отчеканивая слова, ответил:

— Мой отец пишет сейчас новую поэму! Называется она «Космос». В ней будет двести тысяч строк.

И Вася подумал, что этот Мыльников-младший не столько сам «воображает», сколько кичится своим папашей. Однако Вася невольно ощутил прилив уважения к поэту Александру Мыльникову. Подумать только — двести тысяч строк! Это ж надо высидеть!

Между тем ученые-врачи как будто окончили свой спор, и Мыльников-младший обратился к Васе очень официально:

— Мы вам очень благодарны, товарищ Голубев, но вам придется еще потрудиться. Нам нужно съездить с вами на то место, где вы замерзали и отмерзали.

Прежде чем Вася успел что-нибудь сказать, дедушка решительно запротестовал:

— Нет! Я не разрешу этого. Человеку нужно отдохнуть. У него и так слишком много впечатлений.

Ли Чжань первый согласился с дедушкой, и все порешили, что экскурсию на место Васиного «воскрешения» нужно отложить до следующего дня.

Глава девятнадцатая

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

В машине Васю ждали Лена и Женька.

Солнце скрылось за ближними домами, и над сопками в зеленоватом небе показалась бледная, пятнистая луна. Она была едва заметна и казалась заплутавшимся обрывком облака. В домах зажглись разноцветные огни. Слышались звуки музыки. Бесшумно проносились лучащиеся мягким светом электронки.

В небе, освещенные последними отблесками розовой зари, проплывали почти бесшумно вертолеты — маленькие, похожие на жучков, индивидуальные и побольше — семейные или общественные. Много было и пешеходов в легких красивых одеждах. У иных модников одежда была оторочена цветной светящейся тканью, которая мягко и загадочно мерцала в сумерках.

И почему-то Васе стало грустно...

Он устал во время врачебного осмотра и сейчас, вспоминая его, не мог не думать и о Сашке Мыльникове.

Значит, он жив! Значит, он не сумел сделать все для того, чтобы спасти его из занесенного снегом шурфа! Разве он, Вася, смог бы успокоиться, если бы знал, что его товарищ погибает или даже уже погиб! Да он бы сам лучше замерз! А Сашка, оказывается, смог и даже не расстроился.

Он, наверно, окончил школу отличником. Ведь не мог

же человек, окончивший школу кое-как, стать известным поэтом, который пишет космические поэмы в двести тысяч строк! Потом он, наверно, окончил какой-нибудь литературный институт и вот теперь пишет себе свои поэмы по всем правилам, и все его уважают.

А то, что этот уважаемый человек оставил в беде товарища, никто и не знает.

Но тут впервые Васе показалось, что он ошибается. Ведь не может быть, чтобы Сашка — пусть парень и положительный, хотя порой и вредный, самолюбивый и все такое прочее, но все-таки пионер, советский школьник, Васин товарищ, — поступил так подло! Не мог он так поступить! И стоило Васе начать оправдывать Сашу, как он немедленно вспоминал, что ведь и родители тоже не нашли его. Так чего же ждать от Сашки Мыльниковова? Значит, были какие-то особенно веские причины. И узнать о них он может только тогда, когда повидается с Мыльниковым.

Словом, почти все выяснилось, но ощущение грусти все-таки не пропадало. Может быть, еще потому, что Вася как будто даже завидовал и Женьке Маслову, и Сашке Мыльникову. Подумать только! Один — биомеханик, второй — известный поэт. А что он, Вася! Что из него еще выйдет! Ох, неизвестно... Вокруг столько интересного...

— Нужно спешить, — сказал дедушка, — сейчас самая лучшая видимость межпланетных телевизоров.

— Да, — подтвердила Лена, — а то начнутся служебные переговоры — не настроишься на волну.

И, несмотря на то что Вася чувствовал себя немного несчастным, он все-таки заинтересовался этим разговором и спросил:

— Это что ж, можно будет посмотреть, как живут люди на других планетах?

— Да, конечно, — безразлично ответила Лена и едва заметно зевнула.

Вася был неприятно удивлен таким равнодушием.

— И что же, служебные переговоры очень мешают настроиваться на волну?

— Да как тебе сказать... Не так чтобы очень... Лунные еще ничего, а вот те, что работают на наводке межпланетных кораблей, и особенно те, что связаны с Марсом и Венерой, — вот эти очень мешают. Они же очень сильные! Шутка сказать — послать радиоволну сначала на Луну, отразить ее на тамошней станции, передать на промежуточный искусственный астероид, а потом уж оттуда на Марс или на Венеру! Вот эти-то служебные станции и мешают... Да и вообще-то мы уже не смотрим Марс или Венеру, а уж Луну тем более! Ничего интересного! — капризно закончила Лена.

Вася очень удивился: не интересоваться тем, что делается на Луне или Марсе? Да если бы в его время появился бы кинофильм «На Луне», так к кинотеатру нужно было бы пробиваться сквозь сплошную толпу. А тут — неинтересно! Подумаешь, какая умная...

Лена заметила, как у Васи сначала удивленно расширились глаза, потом они стали узенькими и между бровями прорезались тоненькие, упрямые морщинки. Она поняла, что сказала что-то не так. Чтобы исправить впечатление, она разъяснила:

— Видишь ли, вначале это, может быть, и интересно, а потом все одно и то же: машины, красивые картинки лунной природы, потом опять машины и машины.... А людей почти не видишь. Ну разве может быть что-нибудь интересное без людей?

Это объяснение только рассердило Васю. Вот они — девчонки! Во все времена одинаковы. А ведь что может быть интересней машин?

Женька как будто понял Васины мысли. Он неожиданно хмыкнул и сказал:

— Конечно, стишков там никто не читает, песенок не поет и даже никто ни за кем не ухаживает... Конечно, ей неинтересно. Вот если бы там про записочки что-нибудь рассказывали, тогда да! Тогда бы она от экрана не отходила.

Лена неожиданно покраснела, быстро покосилась на Васю и вдруг наинулась на Женьку:

— Что ты говоришь? Болтун! Как тебе не стыдно!

Но чем больше она кричала и возмущалась, чем настойчивей старалась ударить Женьку, который привалился в самый угол сиденья и, отчаянно хохоча, прикрывался от Лены не только руками, но и коленями, — тем больше Васе казалось, что Лена краснеет неспроста. Записочки, вероятно, были...

«Ну, а мне что за дело? — спрашивал себя Вася. — Мало ли кто пишет записки или переписывает для девчонок стихи... А я-то тут при чем?»

Но чем больше он убеждал себя, тем грустнее становилось у него на сердце. Лена все-таки... смелая девочка. Вон как она решительно познакомилась с Тузиком. Наконец, она просто сильная и ловкая девочка. Как она лихо справлялась с тайменем! Потом она, конечно, еще и... добрая девочка — даже заплакала, когда плакал Вася.

И чем больше думал Вася, стараясь не сказать самого главного — что Лена просто красивая девочка, которая ему понравилась с первого взгляда (теперь-то он понимал это очень хорошо), — тем больше самых великолепных качеств он отыскивал в ней и тем грустней ему становилось. Он надулся и отодвинулся от Лены как можно дальше. А она, стараясь достать до Женьки, все ближе придвигалась к нему.

Женька, отбиваясь, все время подзуживал сестру:

— Сказать, от кого записка? Сказать?

Лена яростно визжала и все сильней наваливалась на совсем загрустившего Васю.

Женька не унимался:

— А про стишки рассказать? А как песенками переговаривались, рассказать?.. Слушай, Вася... — начал было он.

Но Вася только безнадежно отодвинулся подальше от Лены. Он с горечью думал:

«Ну и пусть записочки... Пусть песенки... Пусть даже стихи... Сашку бы Мыльникову сюда — он на любую тему любой стишок состряпает».

Ему казалось, что он должен быть совершенно безразличным и строгим, как настоящий мужчина. Но в то же время Вася понимал, что он вдруг стал очень несчастным, даже несчастней, чем в масловской машине, когда он понял, что пролежал замерзшим целых полвека. Он даже подумал, что не стоило и отмерзать только для того, чтобы узнать, какая замечательная и, без всякого сомнения, самая лучшая из всех девочек, которых он встречал, за... за...

Это окончательно сбило его с толку. За сколько же лет он впервые встретил такую замечательную девочку, как Лена? За тринадцать, за тридцать семь или за шестьдесят три? Вот дурацкое положение! Даже не знаешь, какой у тебя возраст.

Вася немного успокоился и почувствовал себя менее несчастным, чем секунду назад. Тем более Лена так натурально кричала на Женьку, что он все врет, что он все выдумывает, что стоило только захотеть, и можно было поверить, что Женька действительно говорит неправду. Когда она искоса, почти умоляюще посматривала на Васю, в ее красивых — больших и темных — глазах сверкали самые настоящие светлые и чистые слезы. Ее ресницы сами по себе стали склеиваться стрелками, а лицо покраснелось, и от этого светлые выбившиеся из-под тубетейки кудряшки были еще красивей. Вася не выдержал. Он поверил ей и почувствовал, что он скорее счастливый, чем несчастный.

«Все-таки, как-никак, а еще никто не может похвалиться, что он приручил мамонта, — думал он. — Еще ни один мальчик из нашего города не может похвастаться, что ради него съехались ученые со всех концов света. И вообще, поживу месяц в двадцать первом веке — еще поглядим, кому записочки будут писать!»

Он уже так уверился в невинности Лены, в собственной неотразимости, что даже сам не заметил, как у него появилась сила воли, решимость и даже, кажется, способность мыслить логически. Он уже решил, что нужно одернуть Женьку, довольно вредного третьеклассника, который

явно не умеет вести себя в приличном и солидном обществе. Но Женька наконец добился своего. Он закричал:

— Валька Башмаков тебе записочки писал! И ты ему писала! Я сам видел. Он тебе и стишки переписывал. И провожать ходил...

Вася обмер. Ну ладно — записочки, стишки там, песенки... Ну, бывает. Ну, кто не поскользнется... Но — провожать! Да, тут все понятно.

Все исчезло — и сила воли, и убеждение в невинности Лены. Осталось одно презрение к этой девчонке, которая так натурально умеет врать. Вася был горд и неприступен, и Лена, взглянув на него, поняла это. Она вдруг бросилась в дальний угол машины, закрыла лицо руками и заплакала. Еще минуту назад Вася попытался бы ее успокоить, но сейчас он отвернулся. В его глазах еще светилось презрение. Женька понял это по-своему. Он опустил свои исцарапанные, в коричневых, подживающих рубцах колени и не очень уверенно сказал:

— Разревелась... Пусть не задается... Машины ей не нравятся!

Вася молчал. Он сложил руки на груди и независимо смотрел в окно. И тут только он заметил, что электронка стоит на месте, дедушка обернулся и, улыбаясь, посматривает на них. Он улыбался так хитро, так понимающе, что Васе опять показалось, что перед ним когда-то знакомый круглолицый Женька Маслов. И он невольно испугался, что тот Женька обязательно отмочит какую-нибудь шутку, после которой придется краснеть. Поэтому Вася покраснел заранее и предупреждающе сказал:

— Ладно, Женька, брось...

Он обращался к дедушке, но откликнулся маленький Женька:

— А чего бросать? Я правду сказал...

— Врешь! Врешь! — Лена сорвалась с места и мокрой от слез рукой залепила Женьке звонкую оплеуху. — Все врешь, противный мальчишка!

Прежде чем Женька смог опомниться, щека у него побегровела, нос стал розовым. А Лена, выпрыгнув из машины, убежала в дом.

Вася посмотрел ей вслед. Конечно, Валька Башмаков — неприятность, но нужно признать, что затрещину Лена залепила звонкую и умелую.

«Можно сказать, со знанием дела», — с уважением подумал Вася и вдруг опять понял, что он очень несчастный человек.

Глава двадцатая

ЛУННЫЙ РУДНИК

Вечернее освещение масловской квартиры поразило Васю. Ему показалось, что в комнатах каким-то невероятным образом застряли разные кусочки дня.

В прихожей был яркий, но не резкий летний полдень,

когда тонкие облака покрывают небо и оно едва голубеет. И глаза можно не щурить.

В другой комнате остался вечерний час — свет был золотистый, богатый и какой-то весомый. Кажется, что его можно набрать в руки и поддержать. Обстановка словно выступила вперед, стала красивее. Даже в углах комнаты, как при закате, переплетались багровые, синие и оранжевые тона, незаметно для глаза дополняя друг друга.

В третьей комнате стоял рассвет. Но не южный — быстрый и буйный, больше похожий на закат, а северный, летний. В нем преобладали нежно-зеленые и едва розовые тени. Свет был такой спокойный, такой радостный и добрый.

Вася заглянул в темный кабинет Женькиного отца и удивился еще сильнее. В кабинете стояла настоящая, живая ночь. Было очень темно. И все-таки в кабинете был свет — тихий и успокаивающий, как летней ночью у моря или реки, когда яркие звезды мерцают над головой и их лучики перекрещиваются и едва заметно вздрагивают и в воздухе и на воде. И кажется, словно света нет, неоткуда ему взяться, и все-таки все светится, все живет своей особой, таинственной жизнью.

Пораженный этой тихой, лучистой темнотой, Вася постепенно стал понимать, что в комнатах нет ни одной лампы, ни одного источника света. Лучилось все — стены, потолок, вещи, карнизы, двери, рамы окон. И каждый из этих предметов светился по-своему, едва-едва отличаясь от окружающих, а все вместе образовывали этот общий необычный свет.

«Но ведь этого мало для освещения», — подумал Вася и снова пошел по комнатам.

Оказалось, что лампы были, но они прятались в углах, за вещами, в карнизах, и незаметно лили свой необыкновенный свет.

Снова и снова переходя с вечера в полдень, а с полудня в раннее утро, Вася думал, что как было бы красиво жить в его время, если бы люди по-настоящему занялись освеще-

нием. Как красиво, сказочно красиво стало бы в комнатах и домах, на улицах и в парках...

Пока он думал об этом, возившийся возле стены Женька удовлетворенно сказал:

— Ну вот! Луна поймана!

Вася даже вздрогнул — так неожиданно было восклицание. Он подошел к Женьке и увидел, что матовый экран в стене, слегка пульсируя, светился. В его глубине стояли какие-то странные машины. Поразило не то, что они двигались, а то, что они были в ясно осязаемой глубине экрана.

— Странно... Даже не как в кино, — сказал Вася.

— Ну, в кино и не такое увидишь! — беспечно ответил Женька. А Вася подумал, что отстал он здорово: полвека назад в кино можно было увидеть только то, что было давным-давно. Но то, что будет когда-нибудь, — этого он не мог бы увидеть ни за какие деньги...

Сзади неслышно подошел дедушка, повертел круглые ручки под экраном, и пульсация исчезла. Удивительные машины словно приблизились.

— Почему кажется, что они в глубине? — спросил Вася. — Просто как живые...

— Так, видишь ли, теперь телевизоры не только цветные — они еще стереоскопические. В твои годы даже стереокино создать как следует не могли, а сейчас даже телевизоры стереоскопические.

Дедушка придвинул поближе кресло. Женька и Вася уселись рядом и уставились в экран.

— Перед тобой, — откашлялся дедушка, — лунный пейзаж сегодняшнего дня. Несколько десятков лет назад люди послали на Луну автоматические межпланетные ракетопланы. С помощью специальных приборов, в том числе и спектрографов, — это, знаешь, такие приборы, которые по спектру определяют присутствие всяких элементов в каком-нибудь расплавленном или нагретом материале не только на Земле, но даже на звездах, — так вот с помощью спектрографов они открыли...

Дедушка не успел закончить. Там, на Луне, возле доми-

ка, что стоял у машин, показался человек в прозрачной оболочке, как будто его упаковали в целлофан. Сквозь эту поблескивающую на солнце оболочку была видна даже его одежда. В руках он держал чемоданчик и самый обыкновенный раздвижной гаечный ключ. Лунный человек шел осторожно, выбирая место для своих сапог с необыкновенно толстой подошвой.

— Что это он так? Словно он слепой идет? — спросил Вася.

— Чудак, у него ж сапоги на свинцовой подошве! — ответил Женька. — Как у водолазов.

— А зачем? — удивился Вася.

— Так на Луне же человек весит в шесть раз легче, чем на Земле. А сила у него остается прежняя. Значит, если он шагнет, как на Земле, так он, знаешь, как подпрыгнет? А потом шлепнется: тоже радости мало. А когда на сапогах подошвы свинцовые, он ходит почти как на Земле.

Человек обошел домик и стал осматривать самую большую машину. Он по очереди снимал огромные кожухи, легко перекладывал их с места на место, как будто они были сделаны из бумаги. Вася сразу догадался, что лунному человеку делать это было нетрудно: ведь на Луне все весит в шесть раз меньше, чем на Земле. Значит, алюминий наверняка весит столько же, сколько бумага.

— Понятно... Работать ему не так уж трудно.

И Женька и дедушка посмотрели на Васю с некоторым сожалением.

— «Не так уж трудно!» — передразнил Женька. — А ты попробуй поработай возле металла в воздухонепроницаемом скафандре! Там же температуры какие? Климат, в общем... То жара, как в печи, то холод, какого на Северном полюсе нет. Скафандр то размягчается, то, наоборот, становится хрупким. Чуть заденешь за что-нибудь, порвешь или повредишь скафандр — и пожалуйста, в безвоздушном пространстве. На Луне же воздуха нет...

Лунный человек все так же осторожно продвигался вдоль машины, снимая кожухи и проверяя детали машин.

Из домика вышел второй человек в прозрачном розоватом скафандре с голубыми разводами и, приплясывая, пошел вдоль машины. Этого кокетливого, пляшущего человека так и мотало из стороны в сторону, но он не падал, как не падает ванька-встанька: ведь и у того на ногах были свинцовые подошвы.

— Вот, — презрительно сказал Женька, — сразу видно, что девчонка. Растанцевалась...

Но в это время первый человек наклонился, и на его затылке сквозь скафандр все ясно увидели две темные косички, уложенные самыми домашними и скучными крендельками. А у второго в коротко подстриженных волосах был пробор. Вася покосился на Женьку. Тот промолчал.

Из домика вышел третий человек, большой и грузный, посмотрел на человека в розовом скафандре и, легко подпрыгивая сразу на пяток метров, подошел к нему. Даже на экране лунного телевизора было видно, что третий ругает второго и руками показывает, что танцевать во время работы не следует. Даже на Луне.

— Да, — усмехнулся дедушка, — не дотанцевал Лунный вальс. Попало? И правильно! Подумаешь, разукрасился! Скафандр — розовый, канты — зеленые, отвороты — голубые... Как попугай.

Оказывается, любители пооригинальничать и позадаваться пробираются даже на Луну.

Три земных человека посмеялись над одним лунным, и Вася спросил:

— А что они все-таки делают там?

— Как — что? Это же лунный рудник. Добывают некоторые элементы, которых нет на Земле, — те, что открыли с помощью спектрографов. Сделали лунные машины, приспособили их к тамошней обстановке и работают. Причем интересно: на Земле ты эти машины с места не сдвинешь, а на Луне они действуют отлично. Что значит разница в условиях! А сейчас вот обслуживающий персонал проверяет, как они готовы к производственному циклу, чтобы поломок не было.

Лунные люди заканчивали осмотр машины, ставили кожухи на места и наконец скрылись в своем домике. Он, как и домик на Земле, был покрыт уже известной Васе фотозлементной краской.

И здесь, на Луне, она занималась обычным своим делом: перерабатывала световую энергию в электрическую, которая то отапливала домик, когда это требовалось, то, наоборот, охлаждала его.

Глава двадцать первая

ВЗРЫВНОЙ КОМБАЙН

Стоящий на колесиках домик вдруг дрогнул и двинулся вперед, вслед за огромной машиной. Она подвигалась к глубокой траншее в отроге пологого холма с неожиданно острой, как пика, вершиной.

Лунный пейзаж, в сущности, был очень скучным. Вокруг — ни деревца, ни травинки. Даже паршивенькой, грязной лужи и той на Луне не найдешь ни за какие деньги. Ведь на Луне нет ни воздуха, ни воды...

На том месте, по которому двигались машина и домик, почва была грязновато-желтого цвета, с красными и зеленоватыми прожилками. Особенно много этих прожилок

было как раз там, куда была нацелена головная часть машины.

— Смотри внимательней! — строго сказал дедушка. — Начинается производственный цикл взрывного комбайна.

Из головной части комбайна, как иглы у дикобраза, выдвинулись длинные блестящие спиральные сверла. Они уперлись в стену, от которой шла траншея, и начали вращать ее.

— Сейчас панорама сменится, — предупредил дедушка. — Земные контролеры должны следить за рабочей частью машины.

И действительно, экран задрожал, изображение взрывного комбайна на нем расплылось, но через секунду все стало на свои места.

На экране было прекрасно видно, как медленно выдвигаются вперед полые внутри длинные сверла. Вот они уперлись в стену и стали все так же медленно исчезать в ней. Через несколько минут сверла остановились.

— Случилось вот что, — сказал дедушка, — полые сверла сделали в породе отверстия — шпуры, причем все осколки, каменная пыль, полученные при бурении шпуров, ушли по внутренним спиральям внутрь бурового аппарата. Теперь по этим же спиральям аппарат подаст взрывчатое вещество. Смотрите, смотрите! Видите?

Мальчики ясно увидели, что сверла стали вращаться в обратном направлении, а комбайн начал постепенно отъезжать от стены. Когда сверла вышли из шпуров, от них протянулась тоненькая проволочка.

— Это проводники взрывателей. Вот смотрите: сейчас машина даст взрывной электроток.

Но дедушка немного ошибся. Сначала машина выдвинула перед собой не то совок, не то фартук, а уж потом сверкнул огонь, поднялась пыль, и мелко раздробленная порода осыпалась в подставленный совок и стали исчезать в машинном брюхе.

— Это ее убирают транспортеры, — пояснил дедушка.

Взрывной комбайн все отъезжал назад, а за ним опускалась быстровращающаяся огромная щетка. Оказалось, что при взрыве не вся порода попала в совок. Траншея была усеяна рудой. Вот ее-то и собрал аккуратный лунный дворник. Щетка подмела пол траншеи, собрала всю просыпавшуюся руду и ссыпала ее в совок.

Некоторое время комбайн стоял без дела — транспортеры перегоняли руду куда-то за пределы экрана.

— А в это время, — сказал дедушка, — заполняются камеры взрывчатых веществ. Большой их запас держать в буровом агрегате нельзя: возможна детонация — непроизвольный взрыв.

— Дедушка, а зачем породу так уж мелко взрывают? — спросил Женька. — В рудниках у нас, на Земле, так прямо глыбы летят.

— Так видишь ли, внучек... на Земле сила тяжести в несколько раз больше, чем на Луне. Крупные глыбы породы подадут на обоганительную фабрику и там раздробят. А на Луне сделать это гораздо трудней — сила-то тяжести меньше; значит, и удар по глыбе будет во много раз слабее, чем на Земле. Вот, чтобы экономить энергию машин, делать их удобными и надежными, стараются дробить породу взрывами как можно мельче.

Взрывной комбайн между тем полностью закончил цикл и опять пополз по траншее на штурм стены, испещренной рудными прожилками.

— Ну вот, а теперь мы посмотрим, что делается с добытой рудой. Эх! — с горечью сказал дедушка. — Ведь сколько раз говорил, что нужно поставить широкоэкранный телевизор! Да вот времени все нет, и из-за этого вечно приходится настраиваться на разные волны.

С помощью рукояток дедушка хоть и с некоторым трудом, но нашел нужную волну. Перед ребятами открылась новая картина.

Далеко, до самого горизонта, тянулись рваные, скалистые хребты. Их острые вершины вздымались вверх так отвесно, что, казалось, это огромные великаны установили

каменный частокол вокруг огромного и совершенно ровного каменного поля, на котором никогда ничего не росло. На выходе из этого поля, там, где частокол вершин расступался, поблескивали новые машины. К ним и тянулась линия транспортера от взрывного комбайна.

— Вот это и есть плавильная фабрика, — сказал дедушка. — В нее попадает только что добытая руда. Видишь, она исчезает в одной из машин. Это — атомный реактор. Он развивает огромные температуры... Впрочем, ты уже видел подобные машины. Вот они-то и плавят руду, добывают очень важные элементы, готовят их к отправке на Землю. Вон, посмотри.

Неподалеку от машин стояли аккуратно сложенные на тележках, поблескивающие на солнце бруски металла. Только когда Вася присмотрелся, он увидел, что они разного цвета.

— Вот это и есть продукция лунного рудника и лунного металлургического комбината. Что это такое? Я тебе скажу: адрианий, галиний, лунарий и другие элементы. Раньше они создавались у нас на Земле в специальных атомных реакторах, на это тратилась масса энергии. А элементы эти крайне необходимы для современной техники. Соединяясь с другими металлами, они делают их либо жароустойчивыми, либо совершенно нержавеющими.

— Дедушка, а как же они попали на Луну, если на Земле такие элементы добывались только искусственно? — удивился Вася.

— А вот посмотри как следует на Луну, — сказал дедушка. — Видишь — перед нами огромный кратер вулкана. Ровное поле — это застывшая лава, а рваные хребты говорят, что здесь были какие-то невероятные взрывы. А ведь Луна вся испещрена такими огромными кратерами. Ты спросишь, почему? Даже сейчас ученые еще не могут объяснить это совершенно точно. Но почти всем уже ясно, что когда-то, очень давно, когда Луна была совсем молода, в ее недрах произошли могучие атомные взрывы. Они не только образовали множество кратеров на поверхно-

сти Луны, но и изгнали всякие признаки атмосферы. Атомные процессы были так могучи, что создали в недрах Луны неведомые элементы и выплеснули их на поверхность. Вот их мы и добываем.

— А нам в школе объясняли не совсем так... — робко сказал Вася.

— Правильно. Но ведь наука все время идет вперед и постепенно разгадывает одну тайну природы за другой. И чем дальше мы проникаем в глубину вселенной, тем больше раскрываем непознанных тайн и ставим их себе на службу.

Тихонько шумел телевизор. На далекой Луне плыл нагруженный рудой транспортер — значит, взрывной комбайн закончил еще один производственный цикл, из атомной машины вышла еще одна тележка с металлом. Но Вася уже не замечал всего этого, а думал о том, что, когда он вырастет, он полетит на ракетоплане в межзвездном пространстве с быстротой свободной мысли, ловко лавируя между астероидами, кометами и разной планетной мелочью, к огромным мирам, в другие галактики. Рядом с ним, в блестящей, совершенно прозрачной кабине, пристально вглядываясь в звездное небо, будет стоять...

Дальше Вася не успел придумать, потому что рядом раздался недовольный голос:

— Ну, что вы на Луне застряли!.. Пойдемте — я, кажется, Марс поймала.

Вася оглянулся. Рядом стояла Лена. Глаза у нее были слегка заплаканы, и не все стрелки на ресницах разлепились. Вася готов был немедленно идти не только смотреть на пойманный в телевизор в соседней комнате Марс, а даже немедленно лететь на него. Но, оказывается, кроме Лены, неподалеку была и ее мама. И она сразу же запротестовала:

— Нет, нет, ребята, хорошего понемножку! Луну посмотрели — и хватит. Завтра посмотрим Марс. Потом и до Венеры доберемся. А сейчас ужинать и спать. Не забывайте, что Васе завтра рано вставать: у него много дел.

Будь это своя мама, с ней можно было бы вступить в дипломатические переговоры, поспорить и все-таки отвоевать еще несколько минут. Но это была чужая мама... Приходилось подчиняться. Вася успел переглянуться с Леной и украдкой вздохнуть.

Она заметила этот вздох и вдруг расхохоталась.

«Что тут смешного? — краснея, подумал Вася. — Вечно у этих девчонок непонятные выходки...»

Глава двадцать вторая

ПОЧЕМУ РАЗМОРОЗИЛСЯ ВАСЯ

Утром, во время завтрака, непрерывно раздавались радиотелевизионные звонки, приезжали и уезжали какие-то люди. Они все время норовили хоть мельком взглянуть на Васю, и это окончательно испортило ему настроение.

«Как в музее! — сердился он. — Смотрят на меня, словно на чудо».

Слава начинала надоедать. Он невольно вспомнил свою поездку к бабушке, в Иваново. Однажды на улице он увидел необыкновенного человека: он был на три головы выше самых высоких мужчин. А ведь он еще горбился! И все, кто проходил мимо этого человека, обязательно открывали рот, ухмылялись самым глупым образом и, оборачиваясь, смотрели на живого великана. Тогда, в тот день, и Вася смотрел на сошедшего с книжных страниц дядю Степу и тоже приоткрыл рот и глупо ухмылялся. Великан печально вздохнул. Вася заметил, что глаза у великана были немного грустные. Вот только теперь Вася понял, как неприятно видеть обращенные к тебе глупо-восхищенные лица. Ну, увидел — удивись про себя и проходи мимо. Нет, обязательно нужно остановиться, потом еще повернуться и ухмыльнуться. Ну точь-в-точь, как вот этот толстый дяденька, который, заглянув в дверь, посмотрел на

Васю и исчез. Понятно, почему у того, ивановского великана, был грустный взгляд.

А тут еще ночь оказалась такая противная, что лучше и не вспоминать о ней.

Валентина Петровна заметила Васино сердитое настроение и спросила:

— Что, нездоровится, Вася?

— Нет, благодарю вас. Я здоров, — как можно вежливей ответил Вася.

— Может быть, ты плохо спал? У тебя несколько утомленный вид.

— Нет, что вы...

Это Вася сказал вслух, а про себя подумал:

«Очень неприятно, когда не владеешь техникой...»

Для такой мысли у него были все основания. Ему отвели Женькину комнату, а Женьке постелили у дедушки. Прежде чем уйти, Женька рассказал Васе, как нужно пользоваться учебным телевизором, и по секрету сообщил, что благодаря некоторым проведенным Женькой конструктивным изменениям телевизор принимает не только учебные программы... Кроме того, Женька показал, как регулируется комнатная температура. Передвижение двух рычажков по желанию жильца делало климат комнаты то арктическим, то экваториальным. Смесь этих климатов давала нормальную комнатную температуру.

Когда все улеглись, Вася решил проверить действие техники на практике. Не меньше часа он пытался поймать на учебном телевизоре какую-нибудь передачу, но зеленоватый экран показывал нечто совершенно невероятное и расплывчатое. Разочарованный Вася лег было спать, но ему показалось, что в комнате прохладно. Он решил сделать нужный ему климат. Передвинул рычажок и задремал. Но через некоторое время ему пришлось проснуться в поту и передвинуть другой рычажок. Обстановка и стены слабо лучились светящейся краской, было то холодно, то жарко, в голову лезли самые различные мысли, и Вася так и не мог сказать, спал он или только дремал.

Понятно, что после такой ночи настроение вряд ли будет хорошее.

В дверях показался дедушка в таком шикарном, так тщательно отутюженном костюме и с таким ярким галстуком, что даже грустная Лена улыбнулась и сказала:

— Ты просто как на именины собрался. Правда, правда!

Дедушка слегка покраснел и тоже улыбнулся несколько самодовольно и в то же время смущенно, как всякий мужчина, когда окружающие, особенно девушки, похвалят его новый костюм.

— Ладно, ладно! Нам нужно спешить. Нас ведь ждут.

Поднялась кутерьма. Женька заявил, что он тоже обязательно поедет. Лена добавила, что если можно Женьке, то и ей, конечно, придется ехать. Дедушка колебался. Мама была категорически против. Но ведь вы знаете мам? Уже через минуту она «была бы согласна, если бы...» Потом всякие «бы» оказались ненужными, и в виде уступки ребята только переоделись.

Вася тоже не прочь был переодеться в новый, принесенный Леной костюм, но дедушка переглянулся с Валентиной Петровной и сказал:

— Нет, брат! Сегодня ты поедешь еще в старом костюме. Ученые должны увидеть тебя таким, каким ты вышел из мерзлоты.

Вскоре электронка Масловых катила по городу. Внезапно машина остановилась. Женька недовольно спросил:

— Мы разве будем заезжать в школу?

Совсем неподалеку от шоссе, окруженная огромными стройными красавцами кедрками, стояла серая четырехэтажная школа. Теперь, когда Вася увидел свою бывшую школу, когда он увидел кедрки, которые они сажали когда-то совсем крошечными, последние сомнения в своих невероятных приключениях у него исчезли. Школа была на месте, и кедрки выросли. А он по-прежнему Вася Голубев, ученик неизвестного класса. Но дедушка, оказывается, останавливал машину не ради Васи.

Возле школы толпились люди и стояли машины. Каких

там только не было машин! Больших и маленьких, обтекаемых и тупоносых, и все — самых различных цветов. Дедушка открыл дверцу электронки и помахал рукой. Люди ответили ему тем же, и едва электронка двинулась дальше, как за ней помчались другие машины.

— Ну вот, теперь они поедут за нами, — сказал дедушка.

— А зачем они у нашей школы собрались? — осторожно спросила Лена.

— Видишь ли, в городе и так заняты все гостиницы. Решили отвести для ученых вашу школу: все равно она пустует во время весенних каникул.

— Неужели их столько собралось? — с опаской спросил Вася.

Вчера несколько десятков ученых-докторов осматривали его битых три, а то и четыре часа. Сегодня, когда ученых стало несколько сотен, его могут осматривать несколько дней подряд.

— Да, — беспечно ответил дедушка, — всю ночь прилетали!

Вася поник головой. Вот когда начинаются настоящие испытания, по сравнению с которыми все предыдущие — пустяки!

Вскоре электронка остановилась еще раз — дедушка велел Васе сесть рядом с ним и показывать дорогу к той самой яме, в которой он замерзал.

Конечно, дедушка подогнал машину к самому краю ямы и, конечно, он широким жестом хозяина пригласил многочисленных гостей остановиться рядом. Видимо, ему очень нравилось играть роль хозяина. Но Вася всем этим был очень недоволен.

Гостей собралось, наверно, с тысячу. И все — самых различных национальностей. Они окружили яму густой и шумной толпой, заглядывали вниз, фотографировали и яму и друг друга.

Вскоре гостей несколько оттеснили репортеры телевизионных центров, установившие свою аппаратуру, и кино-

операторы. А тут, как назло, стали слетаться опоздавшие гости, и над головой то и дело шумели вертолеты. У любого человека от этого шума и пестроты разболится голова, а если он еще спал кое-как, то даже разговаривать и то не захочется.

А Васю все-таки заставили говорить. Он покорно сошел в шурф и стал рассказывать, как он провалился, как жевал промерзшие бутерброды. Он даже показал банку от консервов и клочок газеты, в которую были завернуты бутерброды.

Тут ему немедленно предложили показать, где и как он лег в то злополучное утро воскресного дня 28 марта 1955 года. Вася лег и даже свернулся калачиком. Над ним сверкали вспышки электросвета, стрекотали кинокамеры, склонялись лапы телевизионных установок. Потом его снова заставили говорить. Он устал, в горле у него пересохло, и поэтому голос звучал все тише и тише. Но странно, чем тише говорил он, тем сильнее кричали люди, собравшиеся вокруг ямы. Оказалось, что это старались переводчики — они переводили его слова на все языки мира.

Все это начинало порядком надоедать, и Вася замолк. Слушатели поняли это как конец его рассказа. Кто-то спросил:

— А как же вы разморозились?

Окончательно разозлившийся Вася подумал:

«Разморозился!.. Подумаешь, судака какого нашли!»

Вслух он не очень вежливо ответил:

— А так и разморозился. Проснулся, смотрю — солнце. Я и встал.

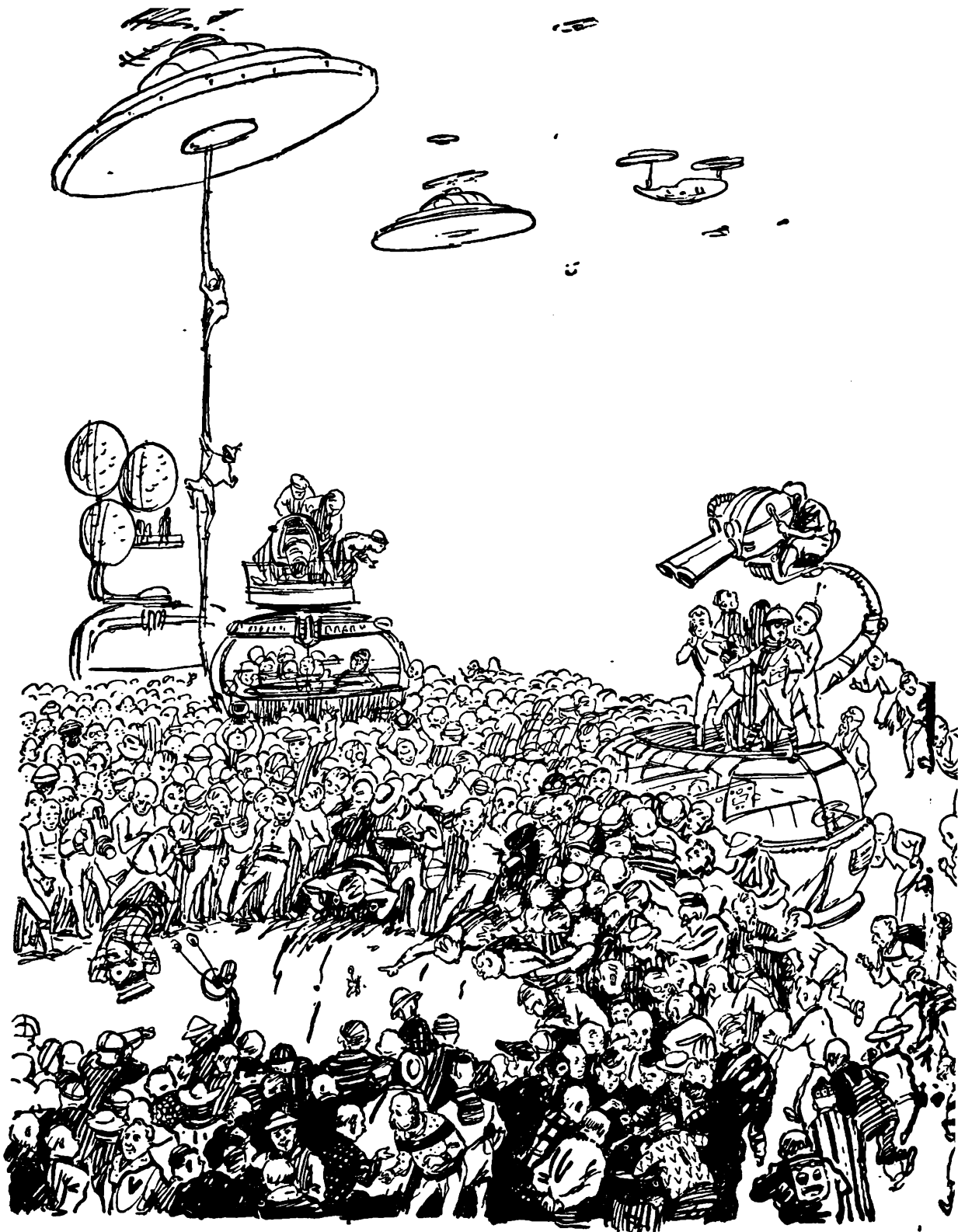
Все вокруг него опять закричали и зашумели. И чем больше они шумели, тем реже смотрели на Васю и наконец совсем перестали обращать на него внимание. Сотни людей сбились кучками и отчаянно спорили между собой. То и дело слышалось:

— Я вам говорю...

— Как доказал великий...

— Но это просто невозможно!

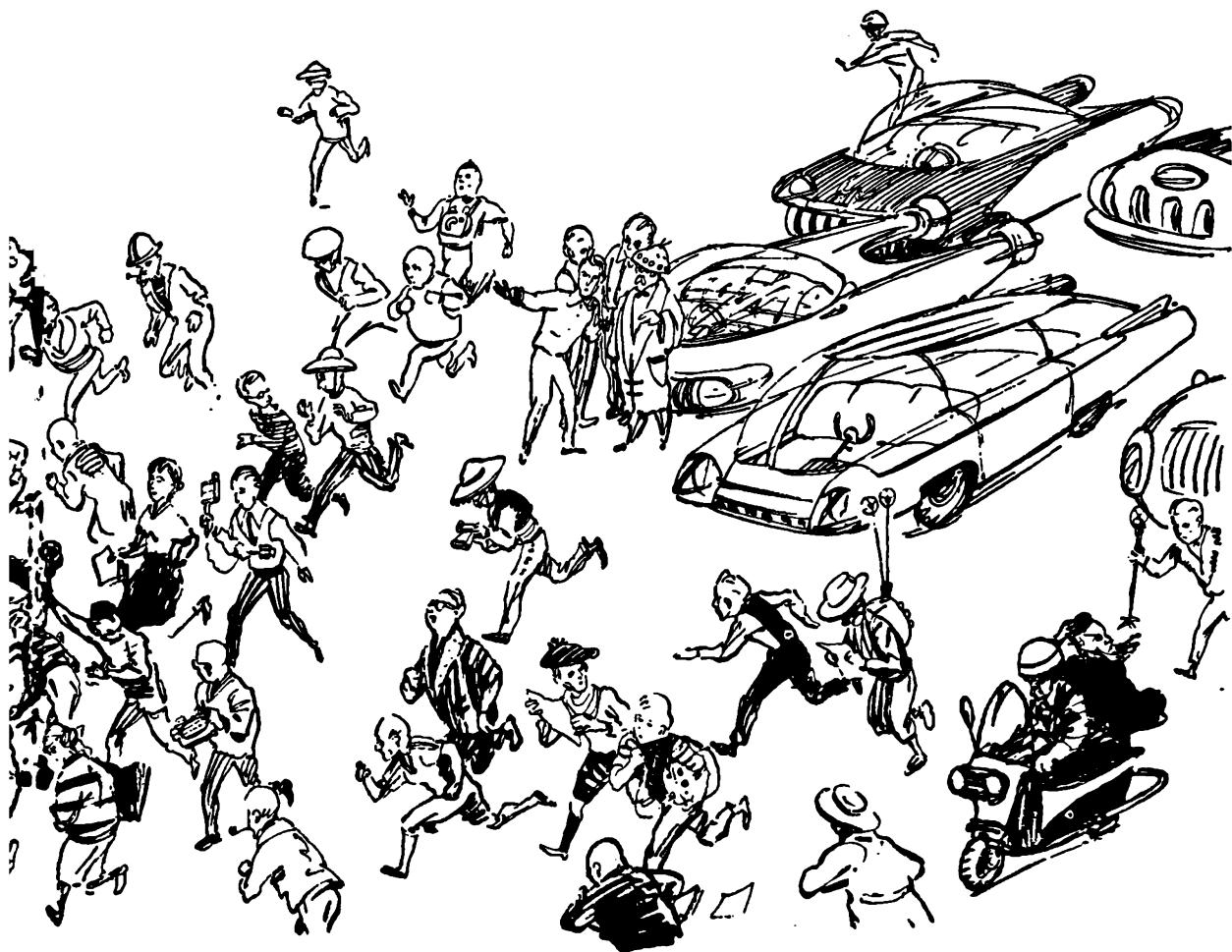
— А я вам говорю...

— Наука не верит в непознаваемое. Она верит только в непознанное.

И все смотрели не в яму, а куда-то вдаль. Это так заинтересовало Васю, что он выбрался из ямы и тоже посмотрел вдаль.

Там, на вершинах сопок, по-прежнему мягко поблескивали какие-то странные, огромные приборы. И все смотрели и показывали на них. И все шумели. Только очень немногие глубокомысленно молчали и переходили от группы к группе.

Вася разыскал в толпе дедушку. Его великолепный костюм был слегка помят, и сам он выглядел совсем не именинником. Рядом с ним стояли несколько растерянные Лена и Женька.

Женька смотрел на взрослых и совсем старых людей с явным недоверием и даже осуждающе. Его взгляд не изменил своего выражения и тогда, когда к ним подошел Вáся. Женька только шепнул:

— Вечно так: как свяжешься со взрослыми, так никакого толку нет. Ну, чего шумят, спрашивается? Лучше бы мы на рыбалку съездили. Я вчера все контакты переметил — теперь бы тайменей таскали. Да и Тузик некормленный стоит.

— Да, — поддержала Лена. — Они шумят, а животное стоит голодное. Просто удивительно, до чего взрослые люди бывают бесчувственными!

— А чего они шумят? — спросил Вася. — Я же им рассказал, как я... размораживался.

— Я сама не пойму, — сказала Лена — Не верят тебе, наверно...

Глава двадцать третья

НАКАЗАНИЕ МАЛОВЕРОВ

Так или иначе, а настроение было испорчено. О дедушке все забыли, и он понял, что роль хозяина у него явно не получилась. Он часто вздыхал и едва заметно разводил руками, словно говорил про себя: «Ну что ж поделаешь? Так получилось...»

Растерянность дедушки была слишком очевидна, и Вася, рассердившись, решил набраться силы воли. Он нахмурил свои выцветшие брови, слегка наклонил вперед стриженую голову и сжал кулаки. После этого он прошелся среди споривших ученых и наконец наткнулся на Ли Чжэня. Старый китаец очень обрадовался и заговорил с ним, как с хорошим и давним приятелем:

— Вот, не верят тебе! Говорят, что ты не мог разморозиться. А я говорю — мог. Вася Голубев не такой мальчик, чтобы обманывать. Ты же пионер?

— Конечно! А почему они не верят? — удивился Ва-

ся. — Ведь я действительно разморозился. Стоит только посмотреть на меня, и каждый поймет, что это правда.

— Видишь ли, Вася, всегда были и, к сожалению, есть и сейчас такие люди, которые считают, что, если что-нибудь происходит не так, как они думают, значит, это ложь. Полвека все ученые были твердо убеждены — и это подтверждалось фактами, — что человек да вообще всякое живое существо, попавшее под длительное воздействие атомных излучений, должно или заболеть, или умереть. Поэтому все атомные установки окружаются специальными защитными устройствами. Но вот твой случай заставляет думать, что не все атомные излучения влияют на живое существо губительно. И ведь, собственно, это не ново. Радиоактивными веществами люди лечились уже давно. За последние десятилетия в этом были достигнуты особенно большие успехи. Но еще не было случая, чтобы человек, пролежавший замёрзшим полвека, оживал. Вот тут-то и начинается главный спор. Одни говорят, что если ты и в самом деле разморозился, то не потому, что попал под длительное воздействие атомных излучений. Другие уверены, что ты вообще не «воскресал», потому что и не замёрзал. Просто ты жил в очень отдаленных местах и слишком отстал от существующей цивилизации. А третьи — в частности, я и многие мои коллеги в самых различных частях света — уверены, что ты действительно замёрзал, а потом действительно отмерз и не как-нибудь, а именно благодаря атомным излучениям.

— Скажите... скажите, товарищ Ли Чжань, неужели я разморозился с помощью атомных излучений? — очень осторожно и почтительно спросил Вася.

— Я в этом уверен.

— Но ведь атомных-то станций поблизости нет, — возразил Вася.

— Как — нет? А вот это? Разве это не атомные станции?

Ли Чжань показал на строения с блестящими крышами, что высились на дальней гряде сопок. Как раз оттуда

все так же, как и несколько дней назад, неся ровный, теплый, напоенный удивительным ароматом ветерок,

— А... а что же это? — спросил Вася.

— Вот как! Ты просто не знаешь, что это такое. Ну, тогда садись, и, пока там спорят ученые мужи, я тебе все объясню.

Они присели на траву под кустом багульника. Над ними плыли перистые облачка, а вдаль клубились кучевые. Шелковистой зеленью отливало широкое пшеничное поле. Поблескивая, тихонько струилась речушка.

— Видишь ли, лет десять назад советское правительство, а также правительства других стран решили победить вечную мерзлоту. Ты знаешь, что это такое? (Вася кивнул головой.) На Крайнем Севере огромной линией установили атомные реакторы. Тепло, которое они выделяли, подогревало холодный полярный воздух. Весна пошла на север, и вечная мерзлота медленно, но верно отступала. Тепла было маловато, и оно несло в себе вредные излучения. Но вот люди добыли на других планетах элементы, которых нет на Земле. Они обладали гораздо большим запасом атомной энергии, чем все известные земные элементы, особенно один из них — макроний. По старой памяти, люди считали, что и этот звездный элемент также излучает вредные для живого существа лучи. Но тут появились странности. Не только русские ученые, но и канадские заметили, что после применения макрониевых реакторов для растапливания вечной мерзлоты резко снизились всевозможные заболевания, сократилась смертность. Это же заметили американские, монгольские, норвежские и наши, китайские, ученые — ведь до северных границ этих государств дыхание макрония все-таки долетало. А вот ученые более южных стран не верили в чудодейственные качества макрония... Твое же отмерзание, Вася, заставляет подумать о многом. Мы теперь можем предположить, что излучения макрония помогут нам если и не совсем победить самую смерть, то уж, во всяком случае, отвоевать у нее многие позиции. Конечно, маловеры будут

еще долго спорить, не верить фактам. Но мы-то верим твоему размораживанию и, конечно, теперь начнем заниматься вопросами излучения макрония гораздо больше, чем прежде.

Вася слушал Ли Чжаня очень внимательно. Он понял, какие изменения произошли в его городке и во всей округе, понял, какому случаю был обязан: ведь макрониевые реакторы стояли как раз против того места, где была яма, в которой он замерз. Понятно, что их излучения и разморозили Васю. И он только удивился, почему умные люди не хотят этому верить. Не верят они ни ему, ни дедушке, ни этому симпатичному старичку Ли Чжаню. Он задумался. Задумался и Ли Чжань. Вокруг ямы по-прежнему бушевали научные страсти.

— Видишь ли, Вася, — сказал Ли Чжань, — если бы ты был не один, вот тогда бы тебе поверили даже маловеры! А то один в поле не воин, как говорит русская поговорка.

— А я отморозился не один, — сказал Вася и посмотрел на Ли Чжаня.

Тот недоверчиво покосился на мальчика и спросил:

— А кто же отморозился вместе с тобой?

— Мамонт. Тузик. — И, замечая, что Ли Чжань не верит ему, Вася повторил: — Да. Мамонт Тузик.

— Так... — протянул Ли Чжань. — Где же теперь твой мамонт Тузик?

— Мы его оставили на лосевой ферме... Вы не верите? Да? А мы, честное пионерское, оставили его на лосевой ферме! Он, понимаете, еще только начинал приручаться... И потом, он очень боится атомов... Вот мы и не решились вести его в город. Мало ли что может натворить недрессированное доисторическое животное!

— Очень хорошо, — сказал Ли Чжань, но Вася по его глазам видел, что он ни капельки не верит. — Очень хорошо. А позволительно спросить: кто это «мы»? В яме с тобой был еще кто-нибудь, кроме мамонта?

— Да нет же! — закричал Вася. — Нет! В яме я был

один. И мамонт, конечно, — добавил он поспешно. — А «мы» — это дедушка Маслов, его внук Женька и его внучка Лена.

Ли Чжань даже отодвинулся. Его глаза широко открылись, смуглые щеки покрылись румянцем.

— Значит, и дедушка, и внучка, и этот... ну, Женька видели твоего мамонта?

— Ну конечно, видели! Они даже катались на нем! — Вася чуть помедлил и для солидности добавил: — Это я их катал!

— Где твой дедушка? — закричал Ли Чжань и вскочил на ноги так ловко, словно он был не ученым, а всего лишь школьником шестого класса. — Подайте сюда немедленно дедушку!

— Он не мой дедушка, — сказал Вася. — Но все равно он стоит там, возле ямы.

Расталкивая ученых всех стран, Ли Чжань побежал к яме. Дедушкин парадный костюм был уже изрядно помят, на нем появились грязные пятна — видно, он ходил между тесно составленными машинами и задевал за их крылья. Лена стояла возле электронки, и глаза ее светились тревожно и грустно. Но когда подбежал Вася, то в них блеснула радость, и она облегченно вздохнула. На месте не было только Женьки. Но и он отыскался: Женька уже успел пристроиться к операторам телевизионной студии. Он помогал перетаскивать провода и приборы и уже так вошел в свою роль помощника, что начал даже покрикивать на ученых, чтобы они «не мешали кадру».

Ли Чжань даже не поздоровался с грустным дедушкой и сразу же закричал на него:

— Почему вы не сказали, что вместе с Васей Голубевым был еще и мамонт? Или, может быть, его не было?

Дедушка стал краснеть — быстро, стремительно. Даже склеротические жилки на его пухлых щеках исчезли в сплошной алой краске.

— Видите ли... — начал он, — мне казалось, что, если все произойдет сразу, будет не так интересно.

— Что — все? — закричал Ли Чжань. — Почему сразу?

— Ну, и мамонт, и Вася... Я думал, что будет лучше, если уважаемые ученые сначала изучат Васю, а потом уж мамонта. Тем более что мне даже самому не верится, что это был мамонт. Я очень хорошо знал когда-то Васю Голубева. Он был такой отчаянный выдумщик, что я вовсе не ручаюсь, что он привел настоящего мамонта. Знаете, не всему верь, что видишь. Я даже иногда думаю, что он просто обманул нас, выдав обыкновенного слона за мамонта.

Вася задыхался от возмущения. Вот он, Женька Маслов! Он ни капельки не изменился, даже прожив целых полвека. Он такой же маловер и такой же завистник, каким был в школе.

— Дедушка, — возмутилась Лена, — но я же точно знаю, что это мамонт!

— Откуда ты можешь это знать? — искоса поглядывая на Лену, спросил дедушка. — Может быть, он просто наклеил шерсть на слона и теперь выдает его за мамонта.

— Я не понимаю тебя, дедушка! — с некоторой сдержанностью в голосе сказала Лена, и глаза ее заблестели твердо, как сталь. — Если бы Вася действительно наклеил волосы на слона, они бы обязательно отодрались, когда я и Женька карабкались на него. А волосы были крепкими.

— Ну, знаешь, — возмутился дедушка, — это не доказательство! Неужели можно поверить, что не успевший отмерзнуть мальчишка сразу же приручил доисторическое животное? Понятно, что это дрессированный, но замаскированный слон.

— Дедушка, — с недобрым спокойствием сказала Лена, — но ведь и я тоже приручила его с помощью сахара. Не могла же я знать Тузика раньше!

Дедушка так смешно засопел, так беспомощно замахал руками, что даже очень серьезный и возбужденный Ли Чжань не мог не улыбнуться. Он спросил:

— Значит, все-таки слон это был или мамонт?

— Почему — «был»? — вдруг обиделся дедушка. —

Он и сейчас есть. Мы его оставили на лосевой ферме. Что ж вы думаете, я не понимаю, как это важно? Я прекрасно понимаю. Но я думаю, что, прежде чем говорить об этом мамонте, его нужно проверить. Так я думаю.

Дедушка с таким упоением говорил «я», так смешно выпячивал при этом грудь, что Вася понял: ему очень хочется быть главным в этой истории. Он, пожалуй, даже жалеет, что не он замерз в свое время.

«Эх, Женька Маслов, Женька Маслов, — горько усмехнулся Вася, — если бы ты знал, до чего же трудная вещь не то что чужая, а даже своя слава! Потаскали бы тебя, как меня, — тогда бы узнал!»

Ли Чжань не стал больше слушать дедушку. Он подбежал к телеоператорам, поговорил с ними, и через несколько минут над усеянным возбужденными, спорящими учеными пригорком прозвучал его усиленный радиорепродуктором голос:

— Уважаемые коллеги! Мне кажется, что нам нужно на время отложить наши споры. Вначале следует изучить все факты. Я это говорю потому, что мы знаем только один факт: отмерзание мальчика Васи Голубева. Между тем это не все. Голубев размораживался вместе с доисторическим животным — мамонтом. Я полагаю, что, если мы убедимся в том, что мамонт действительно существует, наши споры перейдут в иную плоскость. Тогда мы будем говорить не о достоверности размораживания, а о том, благодаря чему оно произошло и какие выводы нам нужно сделать из этого, как поставить обнаруженные явления на службу человечеству.

Ученые стали медленно собираться к яме.

— Я предлагаю, — продолжал Ли Чжань, — ознакомиться с рассказами людей, которые не только видели ожившего, размороженного мамонта, но и кормили его, катались на нем. Предоставим им слово.

Первому пришлось говорить Васе, хотя дедушка и попытался было сразу же завладеть вниманием присутствующих. Но Ли Чжань сказал, что, поскольку он видел мамон-

та, а не катался на нем, его выступление будет предпоследним.

Когда Вася закончил свой рассказ, вокруг ямы столпились все: каждому хотелось посмотреть на яму, в которой размораживался мамонт. Передние успели рассмотреть ее как следует и заметили, что одна стена еще хранит очертания мамонтовой туши. Эти ученые уже начинали верить Васе. Но задние не видели этого. А они хотели увидеть. Постепенно возникла давка: задние нажимали, а передние упирались каблуками, чтобы удержаться, и земля стала скатываться в яму. Послышались возмущенные крики, кто-то сорвался и, увлекая за собой глыбы земли, покатился вниз. Вскоре очертания мамонтовой туши оказались засыпанными.

Вполне понятно, что те, которые подошли к яме последними, уже не смогли увидеть эти важные доказательства и не совсем верили тем, кто их видел раньше. А те, кто их видел, были очень обижены тем, что их столкнули в яму, и громко возмущались. Таким образом, вместо успокоения ученых страстей случилось обратное: страсти разгорелись еще сильнее. Ли Чжаню с большим трудом удалось установить порядок, да и то только потому, что смотреть на яму было уже незачем.

Выступления Лены и дедушки ничего нового не дали, но рассказ Женьки вызвал необыкновенный интерес, особенно в том месте, где говорилось о рыболовной удаче Тузика. Отовсюду раздались крики.

— Этого не может быть! Мамонты никогда не питались рыбой!

— Это выдумка! Мамонт — травоядное животное!

Женька слушал, пытался возражать, объяснить, как все получилось, но на него не обращали внимания. Тогда он, рассердившись, буркнул: «Смотри-ка, еще не верят!» — и побежал к электронке. Он вскоре вернулся с объемистым свертком и поднял его над собой так, чтобы все видели кусок жареного тайменя.

— Вот видите?! — закричал он. — Вот этого тайменя

поймал Тузик, а мама его зажарила. Если кто-нибудь, не верит мне, пусть попробует.

И надо сказать, что ученые стали пробовать. Тут дело не в том, что они вдруг, сразу поверили Женьке, а просто каждому хотелось попробовать рыбу, пойманную доисторическим животным. Ведь такую рыбу, конечно, никто никогда не пробовал. Ученые-врачи обнюхивали и рассматривали рыбу, причмокивали и делились своими впечатлениями с коллегами. Но факт был налицо: таймень был отлично прожарен и по-настоящему вкусен. Маловеры были посрамлены, и Женька мог торжествовать полную победу.

Глава двадцать четвертая

БЕГСТВО ТУЗИКА

Так часто бывает в жизни: люди сомневаются в серьезных, очевидных фактах и вдруг верят мелочам, которые сами по себе не могут даже подтвердить уже известные факты. Так случилось и с тайменем. Скажи о нем дедушка или даже Вася, ученые-доктора не поверили бы им — ведь тайменя можно поймать и удочкой, и сетью, и другой рыболовной снастью. Но когда его историю рассказал Женька, да еще подтвердил свои слова делом, поверили все, даже самые упорные маловеры: слишком уж убежденно говорил Женька, слишком верил он в то, что говорил. И эта убежденность покорила взрослых ученых.

На взгорке, вокруг исторической теперь ямы, зашумели моторы многочисленных электронок и вертолетов — ученые устремились на лосевую ферму, чтобы познакомиться с Тузиком. Они были так возбуждены, так спешили, что Вася Голубев невольно стал беспокоиться: он прекрасно понимал, что за поведение Тузика отвечать будет он. На помощь пришла Лена. Она сказала:

— Нельзя подпускать к Тузику такую массу машин. Он испугается и может растоптать и людей и машины.

— А что же делать? — спросил Вася. — Они же обязательно хотят увидеть мамонта. Ведь это нужно для науки.

— Пусть смотрят, но... издалека.

— Да, «издалека»! Даже дедушка и тот не верит, что это мамонт. А они тем более не поверят.

— Поверят. Пусть подходят по одному, по двое и осматривают его.

— Слушай, Лена, но ведь если они будут осматривать его даже по двое, и то нам с тобой придется сидеть на лосевой ферме почти неделю: ты посмотри, сколько их.

— Пусть хоть месяц, — решительно ответила Лена. — Раз это нужно для науки, будем сидеть целый месяц и показывать всем Тузика.

«В конце концов, Лена права, — подумал Вася. — Для науки нельзя жалеть ничего. Кроме того, этот месяц они будут вместе с Леной, и, значит, какой-то там Валька Башмаков наверняка не появится даже на горизонте. Вася смутился от этих неожиданных мыслей, но промолчал: мысли все-таки были верные.

Через некоторое время, когда страсти несколько улеглись, дедушкина электронка помчалась к шоссе. За ней, покачиваясь на кочках, подминая кусты багульника, катились другие машины, а над ними летели многочисленные вертолеты.

Все шло спокойно и примерно так, как и предполагал Вася, до той поры, пока машины не достигли шоссе. Когда пришлось пересекать его, случилось нечто невообразимое. Машины точно заплутались. Одни стали поворачивать вправо, хотя их водители изо всех сил поворачивали баранки влево, другие, наоборот, стремились вправо, хотя надлежало им ехать прямо. Третьи просто остановились на месте, а четвертые стали двигаться по кругу, будто танцуя вальс. Дедушка первый заметил это необычайное зрелище и первый раз за весь этот неудачный для него день весело рассмеялся. Он остановил машину около шоссе и сказал ребятам:

— Вот смотрите, что получается, когда очень умные люди надеются только на приборы и автоматику. Они даже не могут переехать шоссе!

— Но почему? — воскликнул Женька.

— А потому, что они забыли отключить автоводители, автостопы и прочие авто. Приборы честно выполняют свою задачу: они поворачивают машины для езды по шоссе — ведь они для этого и созданы. Приборы не разрешают нарушать правила движения. Ты теперь понимаешь, Женья, что вашему брату, малышам, еще нельзя водить машины?

— Но, дедушка, ведь несчастье-то случилось со взрослыми людьми! — невинно сказала Лена, и Женька благодарно посмотрел на сестру.

Наконец незадачливые водители справились с трудностями, и поток машин пересек шоссе. До лосевой фермы осталось совсем недалеко, и дедушкина электронка оставилась. Стали и другие машины. Из них выглянули ученые.

— Я думаю, что всем сразу нельзя появляться перед мамонтом, — сказал дедушка. — Животное еще не освоилось с людьми.

«Ну вот, начинается!» — подумал Вася и заговорщически взглянул на Лену.

Ребята первыми вышли из машины и пошли к воротам лосевой фермы. Ученые и сопровождающие их работники расположились поодаль, торопливо пряча машины в кустарниках и перелесках. Ворота фермы были заперты.

— Ишь ты, какой умник! — пробормотал необычайно серьезно дедушка. — Не сбежал.

Они открыли ворота, вошли за забор, и Вася закричал:

— Тузик, Тузик!

Но на зов никто не откликнулся.

Ребята обежали весь двор, заглянули в помещения и загоны, но Тузика нигде не было. Вся трава была съедена, вся вода выпита.

— Понятно! — возмутилась Лена. — Пока ученые спо-

рили, бедное животное голодало, и голод заставил его вырваться из плена.

— Это нелегко, — сказал Женька и с уважением посмотрел на толстый и высокий забор. — Тут не сразу выберешься.

— Очень ему страшны такие заборы! — ответила Лена. — Он чуть нажмет плечом — и забора как не бывало.

Они осмотрели забор и вскоре нашли пролом. У ворот стали появляться наиболее нетерпеливые ученые. Они крикивали:

— Ну, скоро там?

— Где же ваш мамонт?

— Получается скандал, — сурово сказал дедушка. — Нужно немедленно разыскать Тузика.

Ребята отправились по его следам. Тяжелые, круглые ступни мамонта оставили на сырой лесной земле глубокие впадины. Они вели к реке. Но еще не доходя до нее, Женька крикнул:

— Здесь он! Вот он! Спит!

Тузик и в самом деле прикорнул на краю небольшой, густо заросшей травой полянки. Услышав Женькин крик, он пошевелил хоботом и приветливо засопел. Обрадованный Вася бросился к своему доисторическому другу и погладил его. Тузик легонько обнял Васю хоботом, приподнял и посадил к себе на шею. Так поступил он и с Леной, а вот для Женьки такой ласки у мамонта не нашлось.

— Это потому, — сказала Лена, — что ты даже не подумал накормить животное.

— Да, не кормил!.. — чуть не заплакал Женька. — А я ему травы не рвал? Да? А воду не таскал? Да?

— Ну ладно, не хнычь. Мы его попросим посадить и тебя.

Вася ласково потрепал Тузика по щекам, приговаривая:

— Взять! Взять, Тузик!

Мамонт шумно вздохнул, бесцеремонно обхватил Женьку хоботом и шлепнул рядом с Васей и Леной. Жень-

ка некоторое время молчал, отчаянно ворочая глазами, и только после того, как мамонт поднялся на ноги и, подгоняемый Васей, покорно пошел за дедушкой, наконец сказал:

— Ведь он убить может...

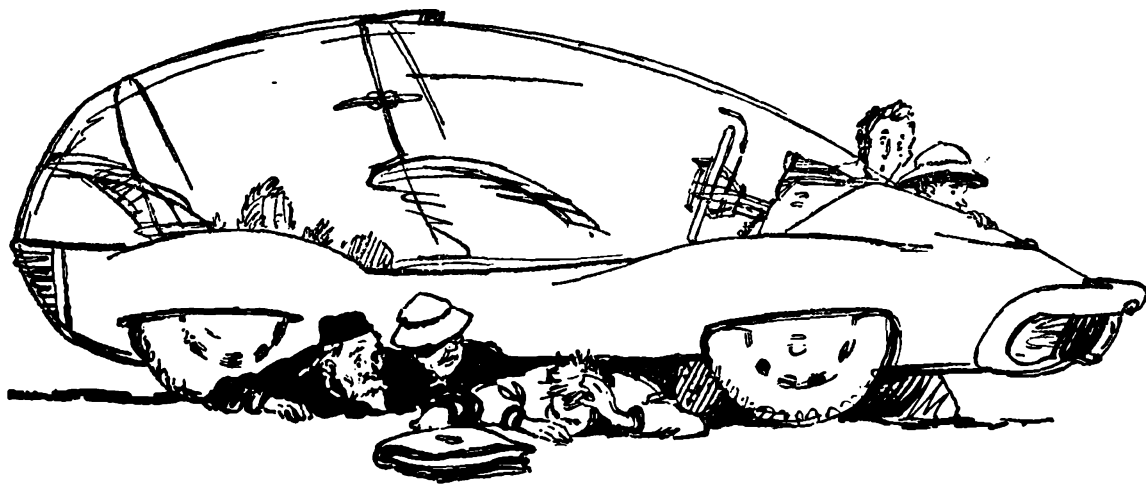
— А ты думаешь! — довольно равнодушно сказала Лена. — Я же тебе сколько раз говорила, что с животными нужно обращаться вежливо, тогда и они тебя будут любить.

Покачивая волосатым хоботом и мохнатой шерстяной юбочкой, важный Тузик вышел к воротам лосевой фермы и остановился.

Вдалеке толпились сотни людей. Рядом с фермой стояла небольшая толпа.

Тузик поднял хобот и принюхался. Ветер донес до него запахи металла и машинного масла. Они встревожили мамонта, и он яростно затрубил.

Все, кто был неподалеку, остановились как вкопанные и с ужасом смотрели на огромное волосатое животное с единственным желтоватым бивнем. Мамонт ревел все сильнее и, разгорячившись, стал раскачиваться и переступать с ноги на ногу.

Женька, у которого не прошел еще первый испуг, а рев мамонта испугал его снова, осторожно поднялся на четвереньки и пополз по мамонтовой спине, как по ковру, добрался до крупа животного и, уцепившись за хвост, прыгнул на землю. И только на земле он опять стал храбрым мальчишкой и смело закричал Васе и Лене:

— Слезайте сейчас же! Он драться будет! Слезайте!

Мамонт ревел все сильнее, все выше поднимал ноги, и ребята чувствовали себя так, словно на утлой лодочке они попали в океанский шторм, — их швыряло в разные стороны. Вася пытался успокоить Тузика и кричал:

— Тише! Спокойно! Тебя никто не тронет!

Но мамонт не обращал внимания на своего поводыря.

Трудно сказать, что могло бы произойти. Ученые зрители осторожно, чтобы не раздражить мамонта, стали прятаться — кто в кусты, кто под машины, кто за забор

фермы. Зато теле- и кинооператоры почувствовали себя в привычной обстановке. Как охотники, они окружали мамонта со всех сторон, направляя на него многочисленные объективы и лапы своих установок. Но вся беда заключалась в том, что мамонт стоял у фермы, в лесу, и освещение показалось операторам недостаточным. Они стали включать свои могучие осветительные лампы. Потoki резкого, слепящего света залили Тузика. Отчаянно затрещали аппараты.

Бедный мамонт, еще минуту назад готовившийся разметать все это полчище неожиданных врагов, струсил, как комнатная собачонка. Он вдруг осел на задние лапы, поджал хвост, поднял хобот и... заскулил. Операторы наконец нашли нужные им точки для наиболее удачных съемок и включили свои осветительные лампы на полную мощность. Тузик беспомощно заморгал глазами, отчаянно взревел и, круто повернувшись на задних лапах, со всех ног побежал в лес. Ни Лена, ни Вася уже не могли ни соскочить с него, ни остановить. Обезумевший мамонт мчался, как танк, подминая деревца, перепрыгивая болотца и ручейки. Ребята прижались к его шее, вцепились в его густую шерсть и молчали.

Во время этой бешеной скачки ветви встречных деревьев наверняка сшибли бы ребят с мамонтовой шеи, но Тузик держал свой хобот вверх и беспрерывно трубил. О хобот, как о форштевень корабля, разбивался прибой зеленых ветвей, и это спасло ребят.

Тузик все мчался и мчался со скоростью атомного поезда и с шумом раактивного самолета.

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Подъемы сменялись склонами, густая, буреломная тайга — полянками, реки и ручейки — болотами. Тузик бежал на север, и ребята, понемногу осваиваясь с безостановочным движением, все чаще посматривали по сторонам.

Преодолевая очередной подъем, Тузик шумно вздохнул, коротко протрубил и перешел с рыси на быстрый шаг. На перевале он остановился и затрубил опять. Горы ответили ему раскатистым эхом, и мамонт, оттопырив свои огромные мягкие уши, долго прислушивался и, разом успокоившись, стал медленно спускаться вниз. Поросль хвойного леса сменялась перекрученной ветрами лесной молодью, и наконец мамонт вступил в кедровник.

Могучие темно-бронзовые стволы стояли тесно, как колонны. В невообразимой вышины между их кронами просвечивало голубое небо. Пахло смолой, хвоей и тем особым, необыкновенно приятным ароматом, который всегда наполняет кедровники. Дышалось легко и как-то празднично. Под ногами Тузика тихонько шуршала прошлогодняя хвоя, словно нарочно усыпавшая чистенький, сухой лес. Ни подлеска, ни травинки — только могучие, неохватные стволы да шуршащая хвоя.

Но и кедровник остался позади.

Тузик вышел к речке и стал жадно пить. Ребята осторожно слезли с мамонта и тоже напились студеной, кристально чистой воды. Сразу же захотелось есть.

Вася еще раз выругал про себя тех зевак, которые не дали ему утром как следует позавтракать. А Лена ругнула Женьку:

— Подумать надо, всего тайменя роздал! Вот бы теперь кусочек...

Вася помрачнел. Однако торжественная тишина тайги и поблескивающая река успокоили его. В эту минуту он прекрасно понимал, что отвечает не только за себя, но и за Ле-

ну, и за Тузика. И это чувство ответственности заставило его по-новому взглянуть на окружающее.

Ну и что ж, что нелегкая судьба занесла его в глухую тайгу? Понятно, что их будут искать; понятно, что их найдут. Но пока это произойдет, нужно и самим бороться с трудностями. Вася усмехнулся и сказал:

— Ты понимаешь, прямо из двадцать первого века мы попали в доисторическую жизнь.

— Как так? — не поняла Лена.

— А так. Кругом тайга. У нас ни оружия, ни огня, ни металла. С нами только мамонт. Живи как хочешь.

— Верно... — протянула Лена, и глаза у нее сверкнули восторженно и таинственно. — Верно. Мы теперь совсем-совсем одни. Как тысячи лет назад. Что же мы будем делать? Ведь есть-то хочется!..

Вася уже не старался думать логически. Он просто чувствовал: нужно что-то делать, и снова жизнь подсказала, что именно.

— Как — что? Перед нами река. Значит, может быть рыба. Неподалеку кедровник — значит, нужно достать кедровых шишек. Кедровые орешки очень вкусные и питательные.

— Верно!.. — все так же восторженно и таинственно прошептала Лена. — Но ведь удочек-то нет?

— Сделаем, — уверенно сказал Вася.

— Но из чего?

Вася думал только одну секунду. Потом он сказал:

— Видишь, у меня на лыжной куртке есть крючки? Мы их разогнем и сделаем рыболовный крючок. Нужна леска. Мы ее сплетем из мамонтового волоса. Ты умеешь заплетать косы?

— Конечно, умею, — ответила Лена.

Глаза у нее расширились и смотрели на Васю так, что ему даже стало немного не по себе: можно было подумать, что Лена восхищается его находчивостью.

Начинались настоящие трудности. Ведь одно дело знать, что нужно сделать, а другое — как это сделать. А это, по-

жалуй, было потруднее. Вася задумался. Он перебирал в памяти все способы добычи огня, о которых он читал в книгах и которые пробовал во время пионерских путешествий по тайге. Когда-то с ребятами они пытались добыть огонь трением двух сухих палок друг о друга. Но тогда из этого ничего не получилось: сами вспотели, а палки так и не загорелись. Но ему вспомнилось, что кочующие охотники тайги — эвенки — добывали огонь для своих трубочек с помощью кремня. Искорка от камня падала в трут, сделанный из сухого мха, и зажигала его.

— Ладно, — уже смелее сказал Вася. — Мы сейчас попробуем. Ты ищи самый сухой мох и бересту, а я что-нибудь придумаю.

Он отправился на речной берег и после недолгих поисков нашел несколько окатанных речной волной темно-серых, немного похожих на копыта камней. Ударами больших валунов он расколол их и стал бить острыми краями о валун. Вскоре в воздухе мелькнула первая искорка.

— Есть! — закричал он. — Давай мох и бересту.

Но первые попытки не привели к успеху: искры падали либо мимо мха, либо гасли в нем. У Васи уже болела рука, удары становились неточными, и он раза два чиркал по валуну не кремнем, а суставами пальцев. Несмотря на боль, Вася даже обрадовался этому: можно было делать вид, что высасываешь кровь, а на самом деле отдыхать. Восторженность Лены угасла, но зато приходила настоящая сообразительность. Она с сомнением посмотрела на валун и сказала:

— Но что ж это получается? Кремень острый, а валун — гладкий: искре не из чего взяться.

Вася молча посмотрел на нее и немедленно сделал вывод. Он притащил большой валун и с размаху бросил его на первый. Маленький валун раскололся. Теперь кремнем били по его острой кромке, и искры полетели гуще и крупней. Во мху закурилась робкая струйка дыма. Склонившись над мхом, ребята стали раздувать крохотную искорку.

ку. От напряжения они даже вспотели. Волосы Лены растрепались и приятно щекотали Васин разгоряченный лоб. И ему почему-то захотелось, чтоб костер не разгорался как можно дольше. Он даже перестал дуть. Но Лена закричала:

— Дуй, дуй сильнее!

И Вася стал покорно дуть. Дымок завивался все смелей и смелей и когда окреп, то стал залезать в глаза. И как раз в это время первый, еще очень робкий кроваво-красный язычок пламени лизнул колечко бересты. Она понравилась огоньку, и он с жадностью накинулся на бересту. Костер разгорался. Облегченно вздохнув, Вася поднялся с колен и сказал:

— Ну вот, теперь ты присматривай за костром и плети леску, а я пойду за шишками.

Лена вдруг обиделась:

— А почему ты? Думаешь, мне не хочется?

— Вот ты какая странная... — заметил Вася как можно ласковей. — Ведь за ними же нужно лезть. Что же, ты полезешь на кедр?

Лена промолчала и уже покорно, как будто извиняющимся тоном спросила:

— А леску нужно длинную?

— Да... Метров пять — шесть.

Все ясно, все понятно, и можно было бы отправляться за шишками, но Васе почему-то не хотелось уходить от речки. Он даже пожалел, что вначале стал разводить костер. Гораздо правильней было бы вместе набрать кедровых шишек, а потом уже браться за костер: он же все равно горит без толку. Видно, так же думала и Лена, потому что она искоса, сожалеюще посматривала на Васю и даже, кажется, вздохнула.

Они молчали и никак не могли сдвинуться с места. Слышно было, как звенят речные струи, как потрескивает береста в костре, как шумно вздыхает уставший Тузик. И в эту тишину неожиданно вплелся деловитый шум моторов. Ребята прислушались и оглянулись.

Вдалеке из-за перевала вылетел огромный вертолет. Под ним на тросах висели деревья. Их было по крайней мере штук десять — и все с ветвями, с хвоей. Вертолет летел тяжело, натруженно ревели его моторы, и деревья под ним тихонько раскачивались.

— Что это? — тихо спросил Вася.

— Это? — небрежно переспросила Лена. — Это лесозаготовки.

— Вертолеты-лесовозы?

— А ты думал? Конечно? Знаешь, ведь в лесу всегда много деревьев старятся, а потом умирают. Лесники их подсекают, а вертолеты вывозят — для них же дорог не нужно. И лес всегда стоит свежий. В школе рассказывали, что раньше лес рубили делянками, весь с корня сводили. А в это время в тайге гибли тысячи деревьев. А сейчас — нет. Сейчас там, где можно, лес сажают, а из старых лесов вывозят ненужные, старые деревья.

— Здорово! То-то я смотрю, что тайга не только не поредела, а стала даже гуще.

— Конечно! Вот мы были на экскурсии на разделочной бирже, куда вертолеты привозят деревья. Это такое интересное дело — ты себе не представляешь! Ни один сучочек не пропадет, все в дело пускают. И доски, и бревна, и паркет, и отделочную фанеру, и брикеты, и всякую лесную химию — все, что хочешь! А там, на бирже, стоят еще атомные лесовозы-вертолеты. Огромные! Они вывозят лес с дальних делянок. Маленькие вертолеты стянут лес в:

определенное место, а оттуда уже атомки везут. Прямо смотреть страшно! Представляешь, в воздухе плывет целый лес!.. Ну, а ты чего стал? Ты думаешь, что вертолет нам шишки сбросит? — спросила Лена и рассмеялась.

Вася вздохнул. Уходить ему не хотелось, но он все-таки повернулся и пошел к кедровнику, посматривая вверх — не покажется ли еще один вертолет-лесовоз. Но вокруг было тихо. Так тихо, что в самом лесу, вдали от реки, стало даже жутковато. Так бывает только перед грозой в летние дни. Вася посмотрел вверх, но вершины деревьев скрывали от него небо. Он вздохнул и пошел дальше.

Чем ближе он приближался к кедровнику, тем больше сомнений у него возникало. Он вспомнил, что кедровые шишки не снимают с деревьев так, как, например, снимают яблоки, — ведь на огромный ствол кедра влезть очень трудно: он совершенно гладкий, толстый, в несколько обхватов. Ни веток, ни выступов до самой вершины, где на ветвях висят шишки, нет. Вот почему сборщики кедровых шишек прежде всего делают из обрубка бревна огромный молоток-колотушку и стучат им по кедровому стволу. От сотрясения шишки срываются с веток и падают на землю.

Но где взять такую колотушку? Как ее сделать? Ведь никакого инструмента у Васи не было.

Он остановился, подумал как следует и повернул назад, к реке.

Глава двадцать шестая

ПЕЩЕРНЫЙ БОЙ

Лена очень быстро осваивалась с новой для нее обстановкой. Собственно, она не собиралась осваиваться, но как-то получалось так, что само дело, сама жизнь подсказывали ей, как действовать.

Раньше ей никогда не приходилось разжигать костры.

В пионерских лагерях это всегда делали мальчики. Но теперь она сразу же поняла, что за топливом бегать нужно не тогда, когда пришло время подкладывать дрова в потухающий костер, а заранее. Она прошла вдоль реки и притащила несколько охапок отлично просушенного на берегу плавника.

Лена никогда не плела лесок, да еще из мамонтовых волос. Но, попробовав, убедилась, что нужно иметь запас материала и хоть небольшое приспособление. Поэтому она выдернула из Тузиковой шерсти целый пучок длинных и толстых волос, вколотила в землю рогульку и привязала к ней первые шерстинки. Работа пошла быстро и споро.

И потому, что все удавалось как нельзя лучше, она запела и, может быть, поэтому не слышала, как к ней подошел Вася.

— Знаешь, я вернулся, — сказал он тихо.

Лена вздрогнула и быстро обернулась:

— Ой, ну тебя! Как испугал... А почему ты вернулся? Не нашел шишек?

— Нет, видишь ли... на кедр залезть невозможно, а колотушки у меня нет и не из чего сделать.

— Ну и что же ты думаешь делать? — подозрительно равнодушно спросила Лена.

— Видишь ли... я подумал, что хорошо бы приспособить к этому делу Тузика. Вот я и пришел за ним.

— Что ж он, будет хоботом сбивать шишки? Он же не достанет.

— Нет, не хоботом. Он будет трясти кедры, а шишки будут падать.

— Правильно! — просияла Лена. — Верно! Так и нужно сделать. До чего же ты все здорово придумываешь, Вася! Недаром дедушка говорил, что у тебя светлая голова.

Вася не ответил. Он растерянно и счастливо хмыкнул и пошел к Тузику, который мирно пасся среди приречных кустов. Лена крикнула вдогонку:

— Вася, а Вася! Я так плету? Посмотри.

Васе пришлось возвращаться и хвалить Лёну — плела она хорошо: леска получалась крепкой и ровной.

— Но ты все-таки старайся брать шерстинки разной длины и вплетать их постепенно, — стараясь быть серьезным, посоветовал он.

— А зачем?

— А затем, что тогда леска будет везде крепкой. А если брать шерстинки одинаковые, тогда на соединениях она будет рваться.

* * *

Тузик взбирался на пригорок бодро. Он уже отдохнул и, казалось, даже с удовольствием слушался своего поводыря. Вася покачивался на его шее и, чтобы не было скучно, разговаривал с мамонтом:

— Эх, хорошо бы пожить здесь хоть несколько дней, чтобы никто не мешал! Мы бы и силки сделали — ловили бы птицу. Я бы и луки-самострелы сделал... Да вообще все, что угодно, можно сделать. И шалаш построить. И даже избушку. Вместе бы охотились, ловили рыбу... — Он хотел сказать, что и готовили бы вместе, но воздержался: возиться с кастрюльками он не любил. Но потом у него мелькнула мысль: кастрюлек-то у них нет. Значит, свою добычу, как и полагается всем уважающим себя доисторическим людям, им придется жарить только на костре. На вертеле. Как шашлык. Правда, вместо сковородок можно использовать плоские камни, которые следует накаливать на углях от костра. Так как все утряслось, Вася уже смело сказал Тузику: — Готовили бы вместе. А в свободное бы время собирали коллекции, ходили бы на экскурсии...

Его воображение так разыгралось, что он стал мечтать о том, как они во время одной из экскурсий найдут... ну... ну, разбитый самолет. Старинный... Тогда он наделает и кастрюль, и сковородок, и всякую посуду и подарит ее Лёне. Пусть ей будет легче хозяйничать. Но, вспомнив, что готовить он собирался вместе с ней, он смалодушничал.

— Правильно... Она будет готовить, а я сделаю радиоприемник из найденных в самолете деталей, и у нас, в нашем лесном лагере, будет звучать музыка. Да что там, — совсем расхрабрился Вася, — даже электростанцию можно сделать! Наплавную, конечно. Или ручеек запрудить.

Мысли бежали так стремительно, они так увлекали мальчика, что, когда Тузик неожиданно затрубил, тревожно и настойчиво, Вася даже вздрогнул и чуть было не свалился на землю. Уцепившись за мамонтову шерсть, Вася оглянулся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Тузик тревожно сопел. Он потоптался и, подняв хобот, опять затрубил. Вася, глядя на хобот, тоже поднял голову, посмотрел на вершины деревьев. Между ними виднелся кусочек голубого неба, по которому плыл край облака — сероватый, будто перепачканный копотью.

В лесу было все так же жутковато. Только где-то далеко сверху слышался шепоток самых маленьких листочков и веточек. Они словно испугались чего-то и по секрету рассказывали друг другу о своих подозрениях. Васе стало не по себе. Он не знал почему, но чувствовал, что что-то изменилось, и это «что-то» не обещало ничего хорошего. Но он тут же собрал всю свою силу воли, и она помогла ему немедленно вернуть утраченное было мужество.

— Ну пошел, пошел! — сердито крикнул Вася на мамонта. — Быстрее поворачивайся!

В кедровнике было не так светло и празднично, как час назад, когда они ехали здесь с Леной. Все было сумрачно, и верхушки красавцев кедров глухо и угрожающе гудели. Вася только вздохнул: с Леной даже в лесу светлее. Настроение испортилось еще и потому, что Тузик долго не мог понять, что от него требуется, и никак не хотел толкать деревья. Вася кричал ему: «Прямо! Бей!» — но мамонт послушно подходил к дереву, останавливался и недоуменно косился взглядом на своего вожака.

А кедров меж тем гудели все глуше и все более угрожающе. Вася окончательно рассердился. Он соскочил с мамонта и решил воспитывать животное личным примером. Он

храбро разбежался и, крикнув «Вперед!», толкнул руками дерево. Тузик стоял, не двигаясь. Так повторялось несколько раз. Вася устал и даже слегка растерялся:

— Ну что же с тобой делать, скотина ты доисторическая? Почему же ты не хочешь трусить шишки?

Мамонт посмотрел на него и покачал хоботом, точно хотел сказать: «Так я бы сделал все, что ты хочешь, но ведь я не понимаю, что ты от меня требуешь».

У него был такой виноватый и такой забавный вид, что Вася перестал сердиться и решил думать логически. Он вспомнил все кинокартины и все книги, в которых участвовали слоны, и наконец сделал вывод:

— Слоны качают деревья лбом.

Тогда он снова отошел и, крикнув «Вперед!», побежал к кедр. Толкнув ствол, он отскочил; вместо того, чтобы только показать Тузика, как нужно раскачивать деревья, он так стукнулся лбом о кедр, что услышал даже глухой удар, и вдруг его стукнуло что-то сверху так, что голова закружилась. Он инстинктивно отпрыгнул от опасного дерева, но удар настиг его снова. Оказывается, Тузик, поняв наглядный урок Васи и упершись в ствол могучим лбом, тряс его. Дерево потрескивало, а шишки градом сыпались на землю. Вася быстро забрался в единственное укрытие — под брюхо мамонта.

Шишек набралось так много, что девать их было просто некуда. Недолго думая Вася снял с себя рубашку и завязал узлом ее подол. Получился хоть и не доисторический, но зато вполне приличный мешок. В него Вася и насыпал пахучих, свежих, еще сочащихся смолой шишек. Уже взобравшись на спину мамонта, Вася совсем было успокоился и даже забыл про свои собственные шишки, которые выросли на лбу и на макушке. Главное было сделано: возвращаться к

реке было не стыдно. Можно будет не только молча положить свой мешок-рубашку и показать тем самым, что его слова не расходятся с делом, но и, между прочим, рассказать, как он выучил мамонта новой работе.

Словом, все было в порядке, но...

Едва они двинулись из кедровника, как Вася заметил, что сверху, в просветах между вершинами деревьев, ползли темно-серые, почти фиолетовые облака. Тузик опять стал беспокоиться.

«Идет гроза», — подумал Вася и прежде всего испугался за Лену. Она там одна, у реки...

Он заколотил мамонта по шее, и Тузик, помахивая головой, словно сгоняя надоедливую муху, побежал к реке. Они попали туда кстати.

Лена уже кончила плести леску и с тревогой поглядывала на гудев-

ший и качающийся лес. Вода в реке помутнела, сердитые волны с белыми барашками на гребнях вступили в отчаянную схватку с быстрым течением. От этого казалось, что вся река кипит. Вверху грозно и неотступно плыли густые, темные облака. Над далекими сопками блистали молнии, глухо перекачивался гром. Когда Тузик выбежал к реке, Лена возмущенно крикнула:

— Ну, почему ты так долго?! Ведь гроза идет!

И хотя вся тщательно продуманная программа возвращения была явно испорчена, Вася даже не пожалел об этом.

Он соскочил с мамонта и крикнул Лене:

— Нужно немедленно искать укрытие! Пошли к скалам! Бери дрова, а я возьму головешки из костра.

И хотя только что Лена была очень возмущена поведением Васи и даже накричала на него, она тут же покорно подхватила плавник и пошла вперед. Вася связал рукава рубашки, всунул в эту лямку голову. Мешок-рубашка лег на спину. Потом Вася взял горящие головни из костра и, прикрикнув на мамонта, пошел за Леной.

Вскоре ребята добрались до скал и пошли вдоль них. Скалы прятались в густом кустарнике и были почти отвесны. Ветер завывал все сильнее. Растревоженная тайга сто-

нала и гудела. Где-то вверху раздался могучий шум. Это катилась вниз, по склону, сорванная бурей сосна.

Чтобы не продираться сквозь кустарник, Вася приказал Тузику идти впереди. Мамонт, как танк, прокладывал им дорогу в зарослях. Наконец в отвесных скалах показалась расселина. Вася бросился к ней и увидел небольшое отверстие. Он осветил его факелом. Перед ним открылась уходящая в глубь скалы пещера. Лена робко двигалась за Васей.

В пещере было тихо, темно и сыро. Пахло трухлявым деревом, гарью и почему-то кошками. Ребята продвинулись вглубь, и вдруг из темноты раздался злобный рык, мелькнуло два огненных глаза. Лена крикнула:

— Ой, что это?!

Вася ничего не ответил. Он только приподнял факел повыше, чтобы разглядеть опасность. Свободную руку он отвел назад, точно приглашая Лену спрятаться за его спину. Она так и сделала. Первое мгновение никто не двигался с места, никто не проронил ни звука. Но вот из глубины пещеры опять раздался звериный рык, а снаружи — рев мамонта. Вася увидел прижавшегося к полу пещеры и готовящегося к прыжку крупного зверя. Свет дробился на его оскаленных огромных клыках. Как настоящий мужчина, Вася, конечно, готов был к самой жестокой схватке не на жизнь, а на смерть, но понял, что он не может рисковать Леной. Поэтому он подумал, что будет правильней вначале отступить, а потом, швыряя в пещеру горящие головешки, выселить из нее зверя.

Однако отступать не глядя Вася почему-то не смог¹ и прежде всего оглянулся. Выход из пещеры был закрыт тушей мамонта. Тузик хотел помочь своим друзьям, но вместо помощи отрезал у них пути к отходу. У Васи на мгновение замерло сердце. Чтобы выиграть пространство и занять наиболее выгодное положение для боя, Вася стал медленно отступать вправо, к стене. Лена тихонько, в лад с его движениями шла за его спиной. И когда они уже прижались к стене, Вася впервые почувствовал, что за его спиной не только Лена, но и кедровые шишки.

Он шепнул Лене:

— Отстегни воротник на рубашке и достань шишек.

— Что, что? — с ужасом шепнула Лена.

Она, по совести говоря, решила, что Вася начинает сходить с ума от страха, от одного вида скалящегося, сверкающего глазами зверя. Ведь нормальный человек не попросит в такой обстановке кедровых шишек. Орешки в пещере перед лицом смертельной опасности не погрызешь. Но Вася был неумолим.

— Расстегни воротник на рубашке и достань мне пару шишек. А потом готовь еще пару, — сказал он и переложил факел из правой руки в левую.

— Васечка... — пролепетала Лена и дрожащими руками все-таки стала расстегивать воротник на превращенной в мешок Васиной рубашке. Наконец она передала Васе шишки.

Он взял их правой рукой, приспустил факел и стал зажигать шишки от факела. Смолистые, ребристые, они вначале немного потрескали и вспыхнули ярким, бездымным огнем. Недолго думая Вася размахнулся и бросил эти огненные, все разгорающиеся гранаты прямо в зверя.

Всего ожидал четвероногий противник, но только не этого. Он дико взвизгнул и сделал невероятный прыжок к расселине. Но она была закрыта могучим телом мамонта. Над зверем черной змеей мелькнул хобот.

— Давай шишки! — закричал Вася.

— Даю! — завопила Лена.

Дико рычал испуганный комками огня огромный светло-бурый зверь. В довершение всего затрубил мамонт. Он шарил хоботом внутри пещеры, и вырывающийся из мамонтовой груди воздух раздувал факел.

Вася воспользовался растерянностью врага: он разжег еще две шишки и швырнул их. Зверь не выдержал второй атаки. Он опять метнулся к выходу, с налету ударился о широкую грудь мамонта и, царапая ее огромными когтищами, впился страшными клыками в самое уязвимое место мамонтового тела — в его беспомощную и мягкую губу, как раз в том месте, где когда-то рос сломанный бивень.

Мамонт подался назад, отчаянно взревел и вместе с обидчиком исчез. Вася бросился на помощь Тузику. Но она не потребовалась. Тузик сорвал с себя хоботом обезумевшего зверя и ударил его наотмашь о скалу, а потом, для верности, потоптал его своими огромными ножищами.

Все было кончено. Пещерный бой принес победу.

Ярким пламенем горели четыре шишки. Стонал раненый Тузик. В это время совсем рядом блеснула молния и с ужасающим треском ударил гром. Эхо умножило и усилило этот треск. Тузик слегка присел на задние лапы, Вася вздрогнул, а Лена пискнула:

— О-ой!..

Вася покровительственно сказал ей:

— Ты не бойся. Мы победили! — Потом, подумав, добавил: — Теперь уже всё. Полный порядок.

Потом они развели костер и, хмурясь от дыма и заново переживая только что испытанную опасность, мирно грызли кедровые орешки — сладкие, маслянистые. И чем больше грызли, тем меньше хотелось есть.

А там, за стенами пещеры, грохотал гром, метались молнии и с гор потоками неслась мутная вода. Она глухо ворочала камни и валежник, шумела и ревела. В пещере было тепло и почти уютно. У входа в нее, над бурым телом поверженного врага, склонив голову и поджав хвост и хобот, стоял и мок мамонт. Струйки воды стекали по его шерсти.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гроза кончилась через час. Тузик встряхнулся и просушил хобот в пещеру. Ребята выглянули на волк. По небу неслись рваные облака. Кустарник и лес были мокрыми и хмурыми, но гребни противоположных сопок уже сияли в солнечных лучах. Под высокой и необычайно яркой на фоне темных грозовых туч веселой радугой дышалось легко и привольно.

Растоптанный зверь лежал у входа в пещеру. Ребята осмотрели его, потрогали огромные темные когти, и им опять стало не по себе. Да... положение доисторических людей было не очень-то завидное. Но все-таки... Все-таки и они ведь выходили победителями. Правда, у них не было прирученных мамонтов...

Но через минуту Вася думал уже не о звере. Он думал о том, что следует позаботиться о собственном пропитании — на одних шишках не проживешь. Он спросил:

— Леска готова?

— Конечно!

— Сейчас сделаем крючок и начнем ловить рыбу.

Крючок был сделан без особого труда: костер горел, и металл можно было разогреть. Камней было сколько угодно, и поэтому крючок можно было отковать и даже сделать на нем жало. Воды повсюду было сколько угодно, и поэтому закалить его ничего не стоило. Сложнее оказалось найти блесну. Но Вася смело и самоотверженно решил использовать для нее пряжку собственного ремня.

— Она же не блестящая, — попробовала возразить Лена.

— Ничего. Мы ее песочком надраим — будет блестеть.

А когда уже все было готово для рыбной ловли, выяснилось совершенно непредвиденное обстоятельство: вздувшаяся после грозы река разлилась. Ее недавно прозрачные воды замутились. Она катила грязно-бурые, пени-

стые волны так стремительно, что прибрежный, затопленный водой кустарник и бурьян вытянулись в нитку.

— Да... в таких условиях не разловишься. Придется ждать, пока не сойдет вода, — сказал Вася.

Ждать можно было бы, но ведь хотелось есть. Лена доверчиво смотрела на всеильного Васю. Он понимал, что от его находчивости и мужественности зависит очень многое. И он принял решение:

— Что ж... будем охотиться.

— А как? — доверчиво и с интересом спросила Лена.

— А так... — не совсем уверенно ответил Вася. — Нужно будет сплести силки.

— А какие?

— Ну, это, знаешь, такие петельки из волос или нитки. Они расстилаются на земле. Птица ходит, клюет что-нибудь и незаметно ступает ногой в петельку. Потом идет дальше, а петелька затягивает ногу, и птица попадает.

— А если не попадется? — все так же доверчиво спросила Лена.

— Ну тогда... тогда... Да нет, она обязательно попадает. Я сделаю сейчас лук и стрелы и начну охотиться.

Так и решили. Для тетивы была использована леска — все равно ловить рыбу придется не скоро. В кустарнике выломаны и с помощью каменного острого осколка очищены от коры тонкие побеги. Получились стрелы. Но первая же их проба показала, что стрелы слишком легкие. В воздухе они выделяли сложные виражи, повороты и другие фигуры высшего пилотажа.

— Слушай, Вася, а ведь доисторические люди делали на стрелах каменные наконечники.

— М-да... Пожалуй... А вот как они это делали?

— А помнишь, в учебнике истории написано? Или привязывали их жилами животных, или просто раскалывали дерево и вкладывали в расселину острый камень.

— Верно! — обрадовался Вася. — А потом еще мамонтовым волосом свяжем, и все будет в порядке.

Но порядок пришел не сразу. Вначале пришлось сде-

лать нож — острый каменный осколок, — чтобы расщеплять кустарниковые побеги. Потом набить каменные осколки, которые походили бы на настоящие наконечники.

Пока Вася возился со стрелами, Лена успела не только сплести с десятков силков, но и промыть Тузику раны.

Солнце уже повернуло к западу, когда приготовления к охоте были закончены. Лена осталась в пещере, а Вася двинулся было к реке, чтобы там попытать охотничье счастье. Но Лена нерешительно остановила его.

— А вдруг... вдруг еще один пещерный хозяин наведается? — спросила она и с тревогой посмотрела на Васю.

— Так, видишь ли... видишь... — тянул Вася, вспоминая, что звери очень часто живут парами. Может быть, и этот еще неизвестный ему хищник тоже имел пару. Тогда второй зверь должен вернуться. Но потом, поразмыслив, Вася решил: — Ничего не будет, никто сюда не сунется.

— Ты думаешь?

— Конечно. Ведь у входа лежит убитый пещерный хозяин. Это — раз. Какой же зверь не испугается? Ну, пусть он храбрый, но ведь в пещере горит огонь. Это — два. Разве ж он сунется? И потом — Тузик. Он же будет стоять как самый верный сторож. Это — три. Он же теперь раненый и потому очень злой на всяких зверей. Так что бояться нечего. Только ты силки не забудь поставить.

— Хорошо, — согласилась Лена. — Я не буду бояться.

— Только смотри силки привязывай как следует, чтобы птица не улетела.

Вася взял лук, засунул стрелы за подвязанный узлом ремень и пошел к реке. Тузик двинулся было за ним, но мальчик приказал ему оставаться у пещеры.

Река разлилась широко. То тут, то там образовывались пенные заводи. Кустарник и лесная молодь стояли по колено в воде. По заводи шныряли дикие утки, прилетающие в эти края выводить птенцов. Они деловито покрякивали во главе целого выводка неуклюжих, смешных, еще не одетых в перья, но уже больших утят. Утка нырнет, а за ней, как по команде, ныряют утята.

Пристроившись на бережку заливы, Вася натянул лук. Выводок подплыл к нему метров на десять. Тихонько свистнула стрела. Первый утенок встрепнулся, но потом перевернулся лапками вверх. Утиное семейство вначале не заметило гибели своего братца и продолжало нырять. Как только оно сбилось в кучку, Вася пустил еще одну стрелу — и еще один утенок перевернулся вверх лапками. Утята с любопытством посматривали на него, смешно склонив набок свои топорщившиеся перьями-пеньками головки, и удивленно кричали. Торопясь, Вася разделся и полез в холодную воду собрать свою первую охотничью добычу.

«Ну что ж... у доисторических людей были свои преимущества — за утятинной далеко ходить им не приходилось», — подумал Вася, когда шел к своей пещере.

Жизнь представлялась ему очень интересной, и ему хотелось прожить такой жизнью еще несколько дней. Но, как это часто бывает, самые скромные мечты все-таки сбываются не всегда...

Неподалеку от пещеры стоял вертолет. Возле него возился дедушка и крутился Женька. Вася издали услышал его голос.

— А этот самый барс вас не покусал?.. А Вася прямо в него шишкой попал? А почему же он не бросился на вас?.. Он факела испугался?.. А как же он напал на Тузика?

«Вот еще невезение! — сердито подумал Вася и вздохнул. — Значит нашли все-таки».

Свидание было не из приятных. Вася хмуро поздоровался с дедушкой и Женькой.

Возле вертолета и в пещере уже высились груды одеял, теплых вещей, какие-то походные печки, кастрюльки, сковородки и невероятное количество всяческих продуктов, словно дедушка собирался здесь зимовать.

Вася молча положил на эту грудку двух утят и подумал, что, наверно, их даже не придется попробовать. Женька сейчас же уцепился за них:

— Это ты сам убил?.. Из чего?.. Палкой?

Вася посмотрел на него с презрением и хмуро ответил:
— Нет, я купил их в магазине. Но они, кажется, несвежие. Боюсь, что тебе не разрешат их попробовать.

Женька не понял его мрачной шутки и спросил:

— А ты что? Будешь есть несвежих уток?

— Я, знаешь, ужасно люблю несвежих. У них особенный вкус.

В это время дедушка уже успел развернуть радиотелефон и набрать нужный номер. Когда на зеленоватом экранчике показалось встревоженное лицо Валентины Петровны, он с удовольствием сообщил:

— Наши робинзоны целы и невредимы. Отвоевали у барса пещеру, развели костер и теперь собираются жарить уток. Сообщи немедленно Шуре, что все в порядке.

«Тоже мне, порядок! — подумал Вася. — Не могли хоть немного опоздать...»

Лена посмотрела на Васю грустным-грустным взглядом, и он понял, что и ей тоже не нравится дедушкин порядок. Оба они уже забыли все тревоги и невзгоды, или, точнее, они прекрасно помнили их, но ни ей, ни Васе они уже не казались невзгодами. Наоборот, это были самые желанные и самые интересные приключения.

Потом дедушка рассказал о том, что было, когда мамонт унес ребят в лес. Их, конечно, немедленно стали разыскивать, но Тузик так петлял, что следовавшие за ним вертолеты потеряли его из виду. А потом — гроза.

Все было ясно, все понятно, и все-таки было скучно. Дедушка стал сдирать шкуру с барса, а ребята ошипывали утят.

— Удивительное дело! — заметил дедушка. — Барсы у нас никогда не водились. А вот потеплело — и переселились. Но таких переселенцев нам, пожалуй, не требуется.

Ему никто не ответил. Было тихо. С гор еще скатывались тоненькие ручейки. В небе прогудел вертолет-лесовоз. Где-то рядом попискивала невидимая птица. Лена встрепенулась, прислушалась и вдруг сорвалась с места. Через минуту она вернулась с двумя рябчиками в руках.

— Откуда ты их взяла? — опешил Женька.

Лена переглянулась с Васей и серьезно ответила:

— В магазине купила. Тут, за углом.

Теперь только Женька понял, что его разыгрывают, и тяжело вздохнул. Лена смотрела на серовато-коричневых птичек и ласково гладила их перышки.

— Знаешь что, Вася, давай не будем их жарить. Возьмем их с собой. Может быть, приручим.

— Давай, — согласился Вася. Подумал и добавил: — Только ты сними теперь силки. А то еще попадетсЯ в них рябчик и погибнет. А зачем губить зря?

— Да, это верно, — деловито согласилась Лена.

Женька смотрел на них и чуть не плакал. Ох, как бы он дорого дал, чтобы испытать все, что испытывали они! И чтобы хоть как-нибудь приобщиться к их делам, он заискивающе спросил:

— Лена, а Лена?.. А мамонт здорово мчался? Вас не сбросило?

— Не нужно было трусить! — резко ответила она. — Мальчишка называется!

Она круто повернулась и ушла снимать силки.

Потом они сидели у костра и смотрели, как жарятся на прутиках утята. Женька принес сверток и все так же заискивающе предложил:

— Лена, а ты не хочешь тайменя? Я специально выпросил...

— Очень мне нужен твой таймень! — все так же резко ответила Лена и отвернулась.

Но Вася пожалел Женьку: все-таки он третьеклассник.

— Что таймень!.. Давай-ка лучше кедровые орешки погрызем. Они еще молодые, но вкусные.

Он подтащил к себе рубашку, достал ребристую, пахнущую смолой и тайгой шишку и стал ловко выщелушивать из нее трехгранные орешки. Женька со слезами в голосе сказал:

— Спасибо. Они очень вкусные.

Быстро смеркалось. Огонь костра пробился сквозь кустарник и осветил разлившуюся реку. Она засверкала таинственными, как глаза неведомых зверей, желтоватыми бликами. Ребята сидели молча. Лена неотрывно смотрела на реку, на желтоватые блики, и слезы тихонько капали из ее глаз. Потом она наклонилась к Васе и, касаясь плечом его плеча, тихонько сказала:

— Ты не беспокойся, рубашку я тебе сама выстираю. Никто ничего не узнает. Смолы не будет.

Еще никогда не было так хорошо и так печально, как в этот вечер. Вася чувствовал себя таким сильным, таким смелым и таким... немного, самую малость... несчастным. Может быть, как раз поэтому Вася понимал, что он очень счастлив.

Дедушка недоуменно посмотрел на притихших ребят, заметил светлые полосы на щеках Лены и заботливо спросил:

— Что с тобой, моя девочка? Ты устала? — Он подсел к Лене и обнял ее за плечи: — Ты испугалась?

Лена вдруг ткнулась ему в плечо и заплакала:

— Никогда больше не поеду в Индонезию!

Вася покосился на нее, потом на Женьку. Тот шепнул:

— Точно... Она как отличница ездила в пионерский лагерь в Индонезию.

— Куда, куда? — недоверчиво переспросил Вася.

— Ну, в Индонезию. Это не то на Индийском, не то на Тихом океане. В общем, там где-то...

— А чего ж она туда ездит?

— Как — чего? У тамошних ребят нет ни снега, ни льда. Вот они и приезжают к нам на зимние каникулы кататься на лыжах и коньках. А наши зато к ним летом. У них же и океан, и кокосовые пальмы, и вообще...

— Чудачка моя! — тихонько говорил дедушка. — Чем же тебе Индонезия не понравилась?

— Да... почему Вася все может, все умеет? Почему он даже с доисторическим мамонтом справился? Почему он, когда мы сюда попали, знает, что делать и как делать?

А я ничего не знаю. Я теперь в каникулы буду в тайгу ходить.

— Да пожалуйста, ходи! Ведь каждый месяц бывают походы. Но ты же раньше не хотела...

— Ну и напрасно! — сердито сказала Лена и перестала плакать.

Дедушка не стал спорить, хотя Васе показалось это очень странным. Ужинали беспокойно и без особенного аппетита, потому что радиотелефон трезвонил то и дело. Одним из первых звонил Ли Чжань. Он потребовал Васю.

— Ну вот, товарищ Голубев, — сказал Ли Чжань, — наша победа полная. И тебе поверили, и нам поверили. Я сегодня вылетаю домой. Что передать нашим ребятам?

— Мой самый большой привет! — сказал Вася.

— Пусть приезжают на каникулы, — добавила Лена. — Вместе пойдем в тайгу.

— Хорошо, — ответил Ли Чжань. — Я так и передам. Ну, до свидания!

Потом звонили ученые Америки, Швеции, Канады, Судана и еще многих, многих стран. Так что ужинать, в сущности, было некогда. Наконец, когда над сопками взошла луна, звонков стало меньше, и дедушка сказал:

— Пора спать, ребята. Давайте устраиваться.

Он хотел было разбить палатку, но ребята упросили его не делать этого. Так хорошо светили звезды, так таинственно шумели деревья, что спать в палатке казалось просто невозможным. Тузик застыл черной волосатой громадой, сливаясь с темными кустами. Изредка звонил радиотелефон, но дедушка не снимал трубки.

Все четверо устроились на одеялах. Женька уснул первым, потом замолкла Лена, утих и дедушка. Только Вася еще долго лежал и смотрел в темное небо, на далекие звезды. Он думал о себе, о Лене, о том, что было бы очень хорошо учиться с ней в одном классе, а в каникулы отправляться в пионерские походы. И практику проходить вместе и вообще... Но Вася не домечтал. Глаза у него стали слипаться, и он задремал, а проснулся оттого, что ему по-

казалось, будто звонок радиотелефона звенит особенно настойчиво и как-то мелодично, словно вокруг падают льдинки.

Бася открыл глаза, и на светлом фоне неба, прямо перед собой, увидел склоненное лицо матери.

— Вася... — тихонько и очень нежно сказала она. — Васенька...

У нее было такое испуганное, такое милое и любящее лицо, что Вася, еще не проснувшись как следует, почувствовал, что на глазах навернулись слезы и сердце радостно сжалось.

— Мама... Мамочка!

Он бросился к ней, обнял за шею и зарылся озябшим лицом в теплый пуховый платок. Он знал, что виноват перед ней: и за неудачную лыжную прогулку, и за то, что все последние дни он даже не вспомнил о ней, а все время думал только о Лене. Он все знал, все понимал, но теперь это казалось таким далеким, таким неважным и никому не нужным, что он сейчас же сам забыл обо всем этом. Ведь самое главное, самое важное свершилось: мать была рядом. Он оторвал лицо от ее платка и увидел отца — тоже встревоженного и радостного.

— Ах, боже мой, Вася, — сказала мама, — ну, как же это так получается...

— Ладно, ладно, мама! — сказал отец. (Он часто называл жену «мамой».) — Ладно. Мы всё это потом решим.

И тут только Вася заметил, что в стороне, скромно опершись на лыжные палки, стоит Саша Мыльников и из-под его сбитой на затылок ушанки стекают струйки пота. А дальше стоят отец Саши и двое соседей. И, уже присматриваясь, Вася увидел, что вокруг снег, что все еще метет поземка и оранжевое робкое солнце скрывается за лиловеющей грядой сопок.

— Эх, ты! — сердито сказал Саша и нахлобучил ушанку. — Не мог даже удержаться, чтобы не заснуть! А если бы замерз?

Вася Голубев молчал. Он еще ничего не понимал.

ОТ АВТОРА

В маленьком деревянном домике Голубевых очень тепло и уютно. Только что ушли ребята из кружка «Умелые руки», причем круглолицый и румяный Женька Маслов под конец не утерпел и сказал лежавшему на диване Васе Голубеву:

— Даже замерзнуть как следует не сумел: ничего не отморозил.

Вася вздохнул, потер шишку на лбу, но промолчал.

Он проводил ребят печальным взглядом и грустно сказал мне:

— Вот видите, я же говорил, что надо мной будут смеяться!

— Ну что ж, — ответил я. — Ведь это никому не прещается.

— Верно, конечно... Но мне очень не по себе. Мамонтового зуба мы ведь так и не нашли.

— Ну и что ж? Придет весна, и мы его обязательно разыщем. И папа тебе обещал, и я даю слово.

Мы помолчали. Вася несколько раз вздохнул и сказал:

— Я рассказал вам все так, как было на самом деле. Пусть мне даже приснилось, что я побывал в две тысячи пятом году. Но мне все-таки многое неясно.

— Что именно, Вася?

— Ну вот, допустим, что со мной все это произошло на самом деле. Тогда все-таки сколько мне было лет в то время: плюс тринадцать, плюс шестьдесят три или минус тридцать семь? И еще одно непонятно: я пережил, пусть во сне, но все-таки пережил четыре дня. Какого же числа я все-таки разморозился? Двадцать восьмого марта, или тридцать второго марта, или первого апреля. Я просто ничего не понимаю. Помогите мне...

— Видишь ли... — Я решил задать ему еще одну загадку.—Положение усложняется еще одним обстоятельством. Ты же знаешь, что в среднем длина года равна тремстам шестидесяти пяти целым и двадцати пяти сотым дня. Вот почему раз в четыре года бывает високосный год, то есть такой год, который ровно на семьдесят восемь тысячитысячных длиннее нормального, или, как говорят, тропического года. Люди поэтому решили не принимать во внимание эти тысячные все сто лет. А потом, через каждый век, прибавлять один день. Вот только я не помню, происходит ли такое прибавление обязательно каждое столетие или, может быть, какое-то столетие пропускается... Мне думается, что если все эти расчеты справедливы, то в двухтысячном году люди обязательно прибавят к существующему календарю еще один день. Но тебе нужно проверить эти расчеты.

— Так... — протянул Вася. — Выходит, я отмерз тридцать третьего марта. — Он пожал плечами и честно признался: — Ничего не понимаю!

Мы молчали долго, и наконец Вася сказал:

— Во всяком случае, спал я или только фантазировал — это неважно. Я вот все думаю, думаю, вспоминаю, и, оказывается, все-все, что я видел во сне, — все есть уже сейчас.

— Ой ли? — усомнился я.

Вася смущенно замолк, но потом решительно ответил:

— А что? Почти всё и есть. Только, может быть, не так еще усовершенствовано, а есть, или вот-вот будет — это неважно. Электронки есть, ультразвук зубы сверлит, атомки делаются, вертолеты летают, счетные машины есть, цветное телевидение, опытное, есть, новые элементы в атомных котлах добывают, и ученые нашли их на других планетах. Но ведь все это только начало. И в школе теперь мастерские открывают и обещают передавать по телевидению учебные программы. Вот...

— А откуда ж ты это узнал?

— Так и в «Пионерской правде» писали, и по радио

рассказывают. А чего еще нет, так будет! Вы подумайте, ведь все, что я видел, мне же предстоит и сделать! Ох, я сейчас просто растерялся: какую специальность выбирать? Все думаю, думаю, а решить не могу — везде интересно. И за что ни возьмусь, все равно выходит так, что нужно не только многое знать, но еще и уметь все делать. Без этого никуда не денешься. Даже рабочим стать не сможешь, а не только инженером или там летчиком.

Я согласился с ним, и мы снова помолчали. А потом Вася вдруг сказал:

— А Лена Маслова мне, пожалуй, все-таки не приснилась. Я сейчас все вспомнил. В нашей школе, в шестом «А», есть точно такая же девчонка. Я с ней еще на катке катался... — Он смойк и попросил: — Только вы, пожалуйста, никому не говорите об этом. Ладно?

Я промолчал. А это значит, что я не обещал Васе не говорить этого. Но я сделал другое: я выдумал для мальчика, который мне рассказал эту необыкновенную историю, другую фамилию и другое имя. Поэтому, если вы будете искать и, может быть, даже найдете Васю Голубева, — знайте, что он не герой этой книги, а только однофамилец моего героя.

Когда я уже написал все, что вы прочли, я вдруг вспомнил, что так и не рассказал, как же был спасен мой герой. А случилось это так.

Днем, когда мы сидели у Голубевых и ждали пельменей, в дом вошел усталый Саша Мыльников и рассказал о беде, которая стряслась с ними. Мы все немедленно стали на лыжи и по припорошенной лыжне без труда нашли и яму, и сладко спящего в ней моего героя. Вот и всё.

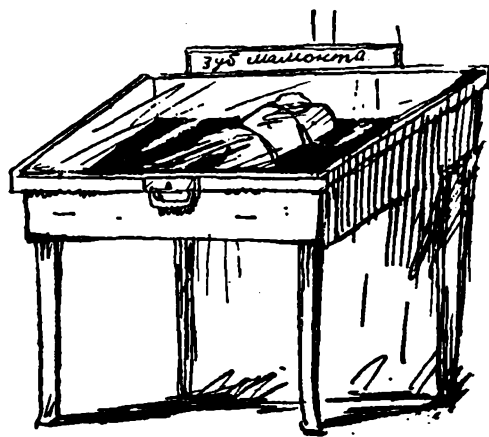
Остается еще добавить, что он кончил шестой класс без единой тройки, хотя и с несколькими четверками, что в первый же день летних каникул, как и было обещано, мы всем пионерским отрядом отправились на дальние разрезы и добыли огромный ребристый мамонтовый зуб. Теперь он находится в музее школы, где учится мой герой.

Можно было бы сказать также и о том, что девочка, которую мой герой называл Леной Масловой, тоже была с нами на экскурсии и, по-моему, не столько интересовалась героем, сколько Сашей Мыльниковым. Когда мой герой замечал это, он сопел и старался не смотреть в их сторону. Но как-то он сказал мне:

— Понимаете, до чего же мне не везет! И во сне и наяву. Хотя, рассуждая логически, не все еще потеряно...

Я опять промолчал — ведь из его рассказов я уже знал, что попытки рассуждать логически без особой на то подготовки не приносили ему ощутимых результатов...

Вот и всё.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Решение принято	3
Глава вторая. Печальное начало	10
Глава третья. В яме	16
Глава четвертая. Тузик	20
Глава пятая. Неблагодарная скотина	24
Глава шестая. Начало дружбы	29
Глава седьмая. Встреча у реки	33
Глава восьмая. Электронка	41
Глава девятая. Живое привидение	47
Глава десятая. Рыбий концерт	51
Глава одиннадцатая. На пороге разгадки	57
Глава двенадцатая. Во всем виноват зуб	61
Глава тринадцатая. Вулкан на колесах	67
Глава четырнадцатая. «Профессорская машина»	74
Глава пятнадцатая. Механизированная учеба	82
Глава шестнадцатая. Биомеханика	91
Глава семнадцатая. Новая роль старого знакомого	98

Глава восемнадцатая. Ученый совет	101
Глава девятнадцатая. Что такое счастье?	115
Глава двадцатая. Лунный рудник	121
Глава двадцать первая. Взрывной комбайн	126
Глава двадцать вторая. Почему разморозился Вася	131
Глава двадцать третья. Наказание маловеров	138
Глава двадцать четвертая. Бегство Тузика	146
Глава двадцать пятая. Доисторическая жизнь	153
Глава двадцать шестая. Пещерный бой	158
Глава двадцать седьмая. После грозы	168
Глава двадцать восьмая. От автора	177

Рисунки
М. Скобелева и А. Елисеева

Для младшего школьного
возраста

Ответственный редактор
Е. К. Махлак.

Художественный редактор
О. В. Демидова.

Технические редакторы
З. В. Тишина и С. К. Пушкова.

Корректоры
Н. В. Белякова и М. М. Хребтова.

Сдано в набор 3/V 1957 г. Подписано к печати
20/IX 1957 г. Формат 70 X 92^{1/8} — 11,5 печ. л. —
= 13,42 усл. печ. л. (10,27 уч.-изд. л.). Тираж
30 000 экз. А07860. Цена 4 р. 60 к. Заказ № 2422.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * * *

Фабрика детской книги Детгиза, Москва,
Сушецкий вал, 49.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

Вышли в свет следующие научно-фантастические и приключенческие книги:

Э г а р т М. — Бухта Туманов
К а з а н ц е в А. — Пылающий остров
Ш а г и н я н М. — Месс-Менд
П а н о в Н. — Боцман с «Тумана»
Г у р е в и ч Г. — Подземная непогода

Обращайтесь за этими книгами в свои районные и школьные библиотеки.

*Скан, OCR, обработка
Mouisei 2018 г.*

Цена 4 р. 60 к.